

В.МОЛЧАНОВ

А ЧТО ТАМ, ЗА ГОРАМИ?

ПРИРОДА И МЫ

Краснодарское книжное
издательство 1985

57 (069)
М 76
ББК 28.088.л6

Рецензент **Ю. К. Ефремов**, член Союза писателей СССР, почетный член Географического общества СССР и Всероссийского общества охраны природы.

Фото **А. Н. Зотова**, а также **В. Е. Хмеля** (1),
Г. И. Анастасиади (2), **В. М. Киенко** (4)

Молчанов В. М.

М 76 А что там, за горами? : Природа и мы. — /Фото А. Н. Зотова, В. Е. Хмеля, Г. И. Анастасиади, В. М. Киенко. — Краснодар: Кн. изд-во, 1985. — 208 с. + вкладка со слайдами 32 с.

Отправляясь в экспедицию по Кавказскому государственному биосферному заповеднику, автор встречается с учеными, лесниками. В своей книге он рассказывает о животных, их повадках и местах обитания, о проблемах, которые решает коллектив заповедника. В книге ставятся вопросы более активной и действенной охраны заповедной территории.

Автор благодарит сотрудников заповедника, а также сочинского краеведа П. М. Голубева за помощь в сборе материалов для книги.

М $\frac{1905000000-41}{M146(03)-85}$ 70-85

57(069)
ББК 28.088.л6

© Краснодарское книжное издательство, 1985

КАВКАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БИОСФЕРНЫЙ ЗАПОВЕДНИК

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Кавказский государственный биосферный заповедник расположен в средней части Северо-Западного Кавказа в координатах: 44—45,5° с. ш. и 40—41° в. д. Ландшафт заповедника характеризуется отметками 260—3360 метров над уровнем моря. Заповедные земли расположены на территории Сочи, Майкопа, Мостовского района Краснодарского края и Урупского района Ставропольского края, вплотную примыкают к Абхазской АССР. На Черноморском побережье Кавказа, в Хосте и Хостинском районе Сочи находятся заповедная тисосамшитовая роща и Сочинский зоопарк. Общая площадь заповедных территорий составляет 263,5 тысячи гектара.

Природный комплекс заповедника относится к Причерноморско-кавказско-гирканской горно-широколиственной биогеографической провинции мира. Заповедные и сопредельные территории составляют Северо-Кавказский биосферный район площадью более полутора миллионов гектаров.

Основу рельефа заповедника составляет северо-западная часть горной системы Большого Кавказа, вытянутой с северо-запада на юго-восток, в которую, кроме Главного Кавказского хребта, входят и участки ее северо-восточной и юго-западной покатостей. Южная покатость с ее Южным, Передовым и Причерноморским хребтами полосой холмистых предгорий спускается к Черному морю. Северная покатость с Передовым и Скалистым хребтами полосой холмистых предгорий переходит в Прикубанскую наклонную террасовую равнину. Основные хребты простираются вдоль оси Большого Кавказа, но многие из них связаны между собой сетью поперечных перемычек.

Географическое положение региона, близость теплого Черного моря, Главный Кавказский хребет обусловили формирование на территории заповедника различных климатов — от влажного субтропического до нивального. И вообще, территория заповедника характеризуется большим разнообразием климатических условий. Высотная зональность климата обуславливает высотное-поясное распределение растительности и природных ландшафтов. Здесь выделяются высотные пояса: смешанные субтропические леса до 500 метров над уровнем моря, каштановые 1000—1100, буковые 1500—1600, елово-пихтовые 2000—2100, субальпийский пояс 2100—2200, альпийский до 3500 и снежно-скальный свыше 3000 метров — это в Западном Закавказье; в западной части Северного

Кавказа выделяются: степной пояс до 200 метров над уровнем моря, лесостепной 200—500, лесные пояса — дубовых (900—1000 метров), буковых (1400—1500 метров), пихтово-еловых (2200—2300 метров) лесов, а также субальпийский, альпийский и снежно-скальный пояса (2300—3200 метров над уровнем моря и выше).

Важной особенностью в распространении растительности на территории заповедника является проникновение древних, дочетвертичных видов, характерных для Колхидской ботанико-географической провинции, на северную покатость в бассейне реки Белой через так называемые Колхидские ворота — понижение Главного Кавказского хребта.

Флора заповедника содержит около 3000 видов различных растений. При этом в составе дендрофлоры 165 видов, в том числе листопадных 142, вечнозеленых лиственных 16, хвойных 7. Реликтовых видов от общего числа 22 процента, эндемичных 24. Высокогорная флора заповедника включает 819 видов травянистых растений, из которых 287 — эндемики. В Красную книгу СССР занесено 30 видов редких и исчезающих реликтовых и эндемичных растений.

Леса в заповеднике занимают 163 тысячи гектаров, причем преобладают темнохвойные, в основном пихтовые (44,7 процента), а также буковые формации с участием реликтовых элементов (30,8 процента). Леса из березы бородавчатой и пушистой занимают 9,2 процента, сосны крочковатой 5,7, ели восточной 3,5, клена высокогорного 3,4 процента. Другими лиственными лесообразователями занято 2,7 процента территории заповедника. Всего же в лесном поясе заповедника описано около полусотни типов лесов.

Субальпийские и альпийские луга занимают 54,7 тысячи гектаров, осыпи, крутые склоны и скалы 43,1, водоемы 1,9, сенокосы, усадьбы, дороги и прочее 0,7 тысячи гектаров.

Фауна заповедника включает около 70 видов млекопитающих, 226 видов птиц, в том числе 152 гнездящихся, 10 видов земноводных, 18 видов пресмыкающихся и 6 видов рыб. Численность особо ценных охраняемых в заповеднике видов млекопитающих составляет сейчас: зубров примерно 850 голов, оленей около 3500, туров более 11 000, серн почти 5200, кабанов свыше 1500, кавказской косули около 300, кавказской рыси немногим более 30; в заповеднике есть также волки, споговидная собака, куница, дикий кот, белка и другие животные.

В международную Красную книгу занесены 3 вида животных, обитающих в заповеднике, — кавказская гадюка, эскулапов полоз и кавказская крестовка. В Красную книгу СССР — 24 вида.

ЧТО ТАКОЕ БИОСФЕРНЫЙ ЗАПОВЕДНИК?

Мандат ЮНЕСКО гласит:

«По решению Президиума Международного координационного совета программы «Человек и биосфера»... удостоверяется, что Кавказский заповедник является частью международной сети заповедников биосферы. Эта сеть охраняемых районов, представляющих основные типы экосистем мира, предназначена для сохранения природы и проведения научных исследований в интересах человека.

Эта сеть послужит образцом при определении влияния человека на окружающую среду.

Документ выписан 19 февраля 1979 года.

Биосферный заповедник... Седьмой из таких в СССР, 193-й в мире.

Чем он характеризуется, каковы его задачи?

Для начала давайте вспомним, что такое биосфера.

Понятие «биосфера» — сфера жизни — впервые было применено чуть более ста лет назад австрийским геологом Э. Зюссом для обозначения географического образа Земли. Однако основоположником учения о биосфере не как о лике Земли, а как о непосредственной среде жизнедеятельности человека является наш соотечественник, крупнейший ученый-естественник и мыслитель XX века академик Владимир Иванович Вернадский. Основные идеи учения Вернадского изложены в его труде «Биосфера», вышедшем в свет в 1926 году. Главное в этом учении то, что жизнь на Земле возникла не по воле случая и что биосфера есть закономерный продукт эволюции Земли, то есть эта оболочка нашей планеты сформировалась и функционирует при прямом воздействии живого вещества — растений, животных, микроорганизмов. Благодаря живому веществу структура биосферы представляет собой подвижное, то есть динамическое равновесие, или, как говорил В. И. Вернадский, организованность — ту самую удивительную, тончайшую слаженность, гармонию стихийных сил природы, которая нас всегда поражает и восхищает.

Говоря об организованности биосферы, В. И. Вернадский имел в виду взаимную приспособляемость организмов и среды, их взаимосогласованность и взаимовлия-

яние. Не только среда воздействует на организм, но и организм воздействует на среду своего обитания. Причем в течение всего времени существования биосферы степень и масштабы преобразующего воздействия живого на неживое возрастали. А преобразованная таким образом неорганическая природа, в свою очередь, в новых масштабах воздействовала на живое вещество. Этот процесс взаимодействия продолжается и поныне и будет продолжаться бесконечно, ибо биосфера — механизм, в котором все живое и неживое тесно взаимосвязано и подчиняется непреложным и точным закономерностям.

На этом давайте поставим точку в рассуждениях о биосфере и вернемся к биосферным заповедникам.

Всем нам известно, что такие заповедники вообще — строго охраняемые территории, в пределах которых находятся природные объекты, представляющие особую научную или культурную ценность, — типичные или редкие ландшафты, сообщества растительных и животных организмов, редкие или вовсе исчезающие виды животных и растений, редкие геологические образования и т. п. Всякая хозяйственная деятельность на территориях заповедников категорически исключается, ибо заповедники призваны оставить без изменения, в неприкосновенности природные комплексы — эталоны природы. Ну а биосферный заповедник — это охраняемая территория, на которой защита природы сочетается с фундаментальными научными исследованиями, наблюдениями (мониторингом) за действием механизма биосферы, измерениями результатов взаимодействия живых организмов и неживой природы, а также результатов воздействия на природу разносторонней деятельности человека. Именно поэтому, именно в силу этих задач биосферный заповедник состоит из трех зон:

ядра — не затронутого человеческой деятельностью биогеноза, где все естественные процессы идут, как им положено природой, без малейшего вмешательства человека, где сохраняются генетические фонды растительного и животного мира; ядро охраняется самым строжайшим образом и является эталоном, с которым можно сравнить параметры аналогичных природных систем, не подвергшихся воздействию человека;

ядро окружено так называемой буферной зоной, в которой располагаются научно-исследовательские станции,

онарные станции, кордоны, лесничества заповедника и его музеи, где разрешается неактивная рекреационная деятельность, закладка питомников редких растений, неширокая хозяйственная деятельность (главным образом на территориях кордонов) и изучается воздействие на биогенозы различных видов хозяйственной деятельности человека — лесоразработок, выпаса скота, промысловой охоты у границ заповедника;

наконец, третья зона биосферного заповедника — это зона активного антропогенного пресса, это как раз та зона, параметры которой сравниваются с природным эталоном, заключенным в ядре заповедника. Таким образом, биосферный заповедник знаменует собой новый этап изучения и охраны природы. Его главная задача — изучить проблемы взаимоотношений человека с природой и научить человека максимально предвидеть самые отдаленные последствия его вмешательства в действия механизма биосферы и не допускать негативных последствий этих вмешательств. Одним словом, с помощью сети биосферных заповедников мы, люди, изучаем возможности наиболее рационального использования природных ресурсов, необходимых для дальнейшего развития нашей цивилизации, учимся пользоваться богатствами природы так, чтобы они не скудели, а, наоборот, росли.

Однако нам нужно сделать еще одно небольшое отступление от общей линии повествования, чтобы уяснить, что такое биогеноз — с этим понятием мы очевидно, встретимся еще не раз.

Биогеноз — это территориально (пространственно) обособленная цельная элементарная клеточка (скажем так) биосферы, специфическая система живых и неорганических компонентов, тесно связанных между собой обменом веществ и энергии. Элементарным процессом внутри биогеноза (а значит, и биосферы) является кругооборот веществ. Биогеноз состоит из биогеноза и экотопа, которые в свою очередь состоят: 1) из растительного сообщества — фитоценоза, животного биоконспекса — зооценоза и микробных биоконспексов — микробоценоза; 2) из почвы с подпочвенными слоями горной породы и почвенно-грунтовых вод, находящихся во взаимодействии с другими компонентами биогеноза и образующих вследствие этого эдафотоп, и атмосферы, содержащей биогенные газы — кислород и

углекислый газ, атмосферную влагу и образующей при взаимодействии с другими компонентами биогеоценоза климатоп.

Итак, Кавказский государственный заповедник имеет статус биосферного и в силу этого является ячейкой международной сети биосферных заповедников, расположенных в пятидесяти странах мира и представляющих большую часть основных природных комплексов планеты. Это высокая честь, но и высокая ответственность перед человечеством.

— Это высший принцип природоохранной деятельности.

Но как труден и долговременен путь Кавказского заповедника к этой вершине...

СТАНОВЛЕНИЕ

ПОСЛЕДНИЙ АРЕАЛ ДОМБАЯ

Николай Викторович окинул взглядом зал и довольно прищурил глаза: нельзя было сказать, что зал был переполнен, но те, к кому директор Зоологического музея императорской Академии наук мысленно обращался за поддержкой, готовы этот свой доклад на заседание физико-математического отделения академии, присутствовали. Не было лишь академика Павлова, лауреата Нобелевской премии, да августейшего президента академии великого князя Константина Константиновича. Ну этот почти никогда не бывает на таких заседаниях.

— Господа! Как известно, зубры сохранились в их естественной обстановке только в северо-западной части Большого Кавказа, главным образом между верховьями рек Белой и Малой Лабы. Они живут здесь в диких, труднодоступных местах, поднимаясь высоко в горы...

Насонов говорил неторопливо, негромко, даже как-то буднично. Пожалуй, лекции свои по морфологии, систематике и экологии животных он читал более эмоционально. Но что-то такое было в его голосе, в его скупых жестах, что заставляло прислушиваться, подавшись вперед, не отвлекаясь, как обычно. И в зале стояла тишина, лишь изредка нарушаемая легким скрипом кресел.

— Так вот, я повторяю, — продолжал Насонов, — что на Земле нет уже другого такого места, где бы зубры обитали в диком состоянии. К сожалению, кавказский зубр до сих пор не был предметом специального изучения. Образ его жизни мало изучен, и сведения, имеющиеся о нем в литературе, неполны и часто противоречивы...

Еще бы не противоречивы! Николай Викторович хорошо знал историю открытия кавказского зубра. Еще сорок четыре года назад, в 1865 году, о кавказском зубре знали так мало, что профессор Московского университета С. А. Усов, признавая доказанным существование на Кавказе какого-то дикого быка, говорил, что нет достаточно данных, чтобы признать в этом быке зубра. Даже академик Бэр, считавший, что бык тот все же зубр, тем не менее был далек от того, чтобы считать это бесспорным. И только поимка в 1867 году зубренка в верховьях реки Урупа положила конец всем сомнениям — зубр на Кавказе обитает, живет на свете кавказский горный зубр!

Однако в каких местах Западного Кавказа он обитает в действительности: каков его ареал, да и много ли его осталось — кто скажет? Правда, охота на кавказского зубра была запрещена еще в 1867 году, практически сразу же, как только убедились, что зубр на Кавказе действительно существует. Но кто его контролировал, этот запрет! И если раньше зубры обитали близ Эльбруса и далее на восток, если раньше аборигены встречали домбая¹ на солонцах, что у слияния рек Маруха и Малого Зеленчука и реки Аксаута, и даже в устьях Большого Зеленчука, Урупа и Лабы, то уже в 1868 году определилось, что зубр распространен на Кавказе на довольно ограниченной территории — в верховьях рек Аксаута, Большого Зеленчука, Урупа и Лабы. Восточная граница его обитания — горы между Аксаутом и Марухом, северная — северный предел хвойного леса нагорной полосы, южная — южный склон Главного хребта. Западной границей зубрового ареала считали реку Белую, причем допускалась возможность захода зубров за Фишт по Пшехе. А в 1899 году профессор Филатов высказал мнение, что зубры на Кавказе остались лишь в верховьях рек Уруштена и Белой...

¹ Домбай — так жители гор называли зубра.

Таким образом, в прошлом столетии кавказский зубр шел быстрыми шагами к исчезновению, и к 1909 году имелась очень малочисленная его популяция, обитающая только в северо-западной части Большого Кавказа, между верховьями рек Белой и Малой Лябы...

Знал, хорошо знал академик Насонов и цену великокняжеской «заботы» о животном мире России. Его императорское высочество великий князь Сергей Михайлович, арендатор богатейших охотничьих угодий в нагорной полосе Кубанской области, почти каждый год выезжал на охоту в сопровождении многочисленных гостей и еще более многочисленной челяди и под охраной казаков. В горы поднимался вьючный караван в сто, а то и в сто пятьдесят лошадей! Охотились по две-три недели, били оленей, туров, серн, кабанов. А иногда и запрещенного зубра.

Конечно, Сергей Михайлович заботился об охране зверей: Кубанскую охоту такие егеря обслуживали — церберы! Но ведь главная цель этой заботы — охрана зверя для царской забавы... А истечет срок аренды — забудет августейший про этот уникальнейший уголок природы и про редких зверей, в нем обитающих.

В 1906 году рада Кубанского казачьего войска постановила разделить район Кубанской охоты по истечении срока великокняжеской аренды на участки и отдать эти участки в надел 135 станицам. 16 февраля 1907 года это постановление было высочайше утверждено, а срок аренды заканчивался 1 сентября 1909 года...

Было крайне желательно сохранить в неприкосновенном виде этот участок природы Кавказа с его девственной растительностью и наиболее богатой во всем Кавказе фауной, где, кроме красоты кавказской фауны — зубра, водятся много оленей, серн, туров, косуль...

Предложение академика Насонова — признать места обитания зубров государственной собственностью и объявить их заповедными — было принято.

Собрание решило: «...возбудить через Министерство Народного Просвещения ходатайство о высочайшем соизволении на учреждение Междудеомственной, при Императорской Академии Наук, под председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Михайловича, комиссии для выработки мер к сохранению кавказского зубра путем объявления нагорной полосы Кубанской области заповедною...»

Представителями от академии в эту комиссию были избраны академики Николай Викторович Насонов и Иван Парфеньевич Бородин, известный ботаник, автор трудов по анатомии, физиологии дыхания и экологии растений.

Через два месяца, 1 июля 1909 года, «Государь Император Высочайше соизволил согласиться на учреждение при Императорской Академии Наук, под председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Михайловича, Междудеомственной комиссии». Идея создания Кавказского заповедника вышла за академические стены и облачилась в форму «высочайшего» государственного документа. Можно было приступить к укомплектованию комиссии.

Но не зря молвлено: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Целый год укомплектовывалась «высочайше» учрежденная междудеомственная комиссия. 28 июня 1910 года председатель ее Сергей Михайлович сообщил своему кузену — «Августейшему Президенту Академии» Великому Князю Константину Константиновичу, что выезд комиссии на место намечен на 1 августа и что представитель академии должен быть командирован за счет отпущенной в распоряжение комиссии суммы денег.

В августе комиссия прибыла на место. От академии в обследовании территории предположительного заповедника участвовал старший зоолог Зоологического музея академии А. А. Бялыницкий-Бируля, который и представил отчет о поездке 18 ноября 1910 года. На основании этого отчета комиссия разработала проект положения об устройстве в нагорной полосе Кубанской области Кавказского государственного заповедника. На следующий год, в феврале, академик Н. В. Насонов доложил отделению об этом проекте и предложил обсудить его. Проект был обсужден и утвержден в марте и предложен правительству. Он предусматривал обмен принадлежащих казакам и отчуждаемых под заповедник земель на казенные равноценные земли.

Казалось, до заповедника — рукой подать. И в самом деле: осмотрены и оценены земли, подлежащие обмену, составлена смета, и даже тропы кое-где уже прорублены.

Но заартачилась Кубанская рада, а потом выясни-

лось вдруг, что у правительства нет «свободных» средств для организации заповедника. Августейший председатель междуведомственной комиссии развел руками — пыл его угас, как угас и интерес к охране животных на территории бывшей Кубанской охоты...

Комиссия распалась, дело заглохло.

Но не заглохло стремление истинных патриотов России сохранить в неприкосновенности для потомков уникальный уголок природы Западного Кавказа. В 1913 году Русское географическое общество вновь поставило перед царским правительством вопрос об организации заповедника на территории бывшей великокняжеской охоты. Правительство, не утруждая себя особыми заботами в решении вопроса, отказало Русскому географическому обществу, сославшись на то, что «охрана редких зоологических пород не отвечает общегосударственной полезной мере, ради осуществления которой можно поступиться неприкасаемыми вообще правилами частной собственности».

ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

На Кубани полыхала гражданская война. Добровольческая армия Деникина штурмом взяла Екатеринодар. Ободренное контрреволюционное казачество подняло мятеж против Советов.

В Майкопе, по улицам которого разгуливали казачьи есаулы и офицеры-деникинцы, в доме бывшего лесничего бывшей Кубанской охоты Христофора Шапошникова скрывался от белых большевистский комиссар. Хозяин дома должен был переправить комиссара горными тропами в Туапсе, однако это не удалось сделать сразу, а теперь нужно было выжидать, и гость коротал время за книгами из богатой библиотеки Христофора Георгиевича да за беседами с ним. А Шапошникову было что рассказать: за свои сорок шесть лет он повидал и познал многое. Окончив в 1901 году Рижский политехнический институт агрономом первого разряда, Христофор Георгиевич учился затем в Берлинском университете и, будучи его студентом, участвовал в 1904 году в научной экспедиции в Северную Африку, собрав там богатейшую энтомологическую коллекцию. Участвовал в первой мировой — на турецком фронте в чине прапорщика.

Так что поговорить было о чем. Но главной темой бесед бывшего лесничего Шапошникова с комиссаром-большевиком был Кавказский заповедник. Шапошников хорошо знал историю борьбы русских ученых и простых энтузиастов охраны природы за организацию заповедника на территории бывшей Кубанской охоты, он и сам был активным участником этой борьбы. И когда свершилась социалистическая революция, и на Кубани тоже установилась Советская власть, Христофор Георгиевич все надежды возложил на нее: теперь народ — хозяин России и рачитель всех ее богатств. Но казачий контрреволюционный мятеж, деникинщина повергли Шапошникова в смятение: что теперь?

В 1919-м партия бросила клич: «Все на борьбу с Деникиным!» Юго-Восточный фронт был преобразован в Кавказский. В феврале 1920 года командующим Кавказским фронтом был назначен М. Н. Тухачевский, а членом Реввоенсовета фронта Г. К. Орджоникидзе. Под натиском красноармейских полков белогвардейские банды бежали к Черному морю. К концу марта Деникин был разгромлен.

С первых же дней восстановления на Кубани Советской власти Шапошников занялся организацией заповедника. Он выехал в Армавир, где находился уполномоченный Реввоенсовета Кавказского фронта Штейнгауз, и обратился к нему. Несмотря на крайнюю занятость, товарищ Штейнгауз внимательно выслушал Христофора Георгиевича и пообещал ему всяческую поддержку. 5 апреля 1920 года в Москву ушла телеграмма, адресованная Председателю Совнаркома В. И. Ленину и наркому просвещения А. В. Луначарскому:

«В только что освобожденной от белых Кубанской области, в пределах Майкопского и Лабинского отделов, в верховьях рек Белой и Малой Лабы имеются лесные дачи площадью, равной 322200 десятинам. В означенных дачах водилось около пятисот зубров, громадное количество разнообразных туров... вследствие чего раньше арендовал и охранял означенные дачи великий князь Сергей Михайлович. Впоследствии Академия наук означенные лесные дачи хотела превратить в государственный заповедник, проект которого имеется и сейчас в Академии наук, но с началом гражданской войны вопрос заглох. Означенные лесные дачи своей флорой напоминают Йеллоустонский парк в Америке. Ни в

одной части Кавказа нет такой растительности. Встречаются деревья тиса с возрастом в тысячу пятьсот лет. Местность горная, непроходимая и абсолютно безлюдная, встречаются снежные вершины и попасные луга, хвойный лес, частью лиственный, растительность альпийская и субальпийская. Ввиду высокой стоимости кожи зубра, последние истребляются населением, и зубров насчитывается сейчас около ста. В целях сохранения означенного леса и флоры, а также зубров, (которых) в Европе абсолютно не осталось и на которых обращены сейчас все взоры естествознателей Европы, (жду) Ваших срочных распоряжений об устройстве государственного заповедника в означенном районе. Временно, впредь до приезда из Москвы представителей для разработки подробного плана заповедника, прошу назначить на должность управляющего заповедника, поручив ему же организацию временной охраны, агронома-естественника, бывшего лесничего Шапошникова Христофора Георгиевича, работавшего много по охране означенного района, выдвигаемого нынче ревкомом и совнаркомом Майкопа. О сделанном распоряжении по означенному вопросу прошу сообщить моему заместителю Дюрменко.

Уполномоченный Реввоенсовета и Усобснабарма Кавказфронта Штейнгауз¹.

В мае уполномоченный Реввоенсовета вызвал Шапошникова и вручил ему мандат с заданием организовать заповедник, а также «Охранную грамоту» на личные его библиотеку и коллекции, подписанную К. Ворошиловым и С. Буденным.

Окрыленный, уверенный в скором успехе затеянного предприятия приехал Шапошников в Екатеринодар, в Кубано-Черноморский ревком. Здесь его доклад о необходимости организации заповедника слушали на заседании лесного отдела и отдела народного образования. Решено было поручить совету обследования и изучения Кубанского края внимательно, всесторонне изучить предложение Х. Г. Шапошникова и принять нужные меры к организации заповедника.

Совет занялся проблемой заповедника с большой заинтересованностью. Особую активность проявили председатель совета А. П. Протопопов и член совета профессор Кубанского политехнического института

¹ ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 1, л. 209.

Д. Н. Головин. Были запрошены архивные документы Академии наук, касающиеся организации заповедника, в том числе и проект, разработанный еще по докладу междуведомственной комиссии академии. Неоднократно практиковались выезды на место, хотя это было небезопасно: в горах еще бродили банды недобитых деникинцев и другого белогвардейского сброда.

3 октября 1920 года при совете обследования была создана комиссия по охране памятников истории и природы, которая на первом же своем заседании одобрила план организации Кавказского заповедника. А через два месяца было опубликовано постановление № 408 Кубано-Черноморского ревкома о создании Кубанского высокогорного заповедника в границах, намеченных еще до революции Академией наук. Управление заповедником возлагалось на совет обследования, который официально назначил Х. Г. Шапошникова директором заповедника. Получив назначение, Христофор Георгиевич сразу же выехал на место. До декрета Совнаркома «Об охране памятников природы, садов и парков», положившего начало государственному законодательству о заповедных территориях и национальных парках, оставалось немногим менее года. И это обусловило трудности первых месяцев работы Шапошникова в качестве директора Кубанского высокогорного заповедника.

У Кубано-Черноморского ревкома не было денег на содержание заповедника. И Шапошников был директором, как мы сейчас говорим, на общественных началах, то есть никакой зарплаты он не получал. Не мог он нанять и охранников. А без охраны — какой же заповедник! Браконьеры только посмеивались над попытками Шапошникова навести хоть маломальский порядок. Станичники продолжали бить зверя, валить лес, драть дранку, загоняли на территорию заповедника скот и даже строили там фермы. Решение ревкома об организации заповедника местным населением, уже привыкшим безнаказанно пользоваться наделами, некогда выделенными Кубанской радой, было принято в штыки. В таких условиях работать и надеяться сохранить в неприкосновенности уникальнейший уголок природы Западного Кавказа, сохранить зубра было невозможно.

Шапошников вновь и вновь обращается к областным властям за помощью. Он предлагает создать специальную комиссию для урегулирования спорных вопросов

с местным населением — об использовании леса, о выпасах да и охотничьих угодьях. Но чем дальше, тем больше убеждались и сам Шапошников, и его сподвижники, что без помощи центральной власти заповедник не уберечь.

Шапошников связывается с Главным управлением научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения, объясняет сложившуюся ситуацию, просит срочной помощи, иначе дело будет загублено.

21 апреля 1921 года начальник Главнауки В. Т. Тер-Оганесов направил наркому А. В. Луначарскому докладную, в которой писал: «...необходимо немедленно, в самом срочном порядке объявить нагорную полосу Кубанской области... государственным зубровым заповедником, иначе грозит полное уничтожение кавказского зубра. Впредь до приезда из Москвы представителей Наркомпроса для разработки подробного плана устройства заповедника необходимо поручить организацию временной охраны зубрового заповедника... Христофору Георгиевичу Шапошникову».

Докладная сыграла свою роль — управление заповедника перешло в руки Наркомпроса в лице отдела охраны природы Главнауки. Заповедник получил первые денежные средства, Шапошников утвердили как директора государственного заповедника, и он смог на отпущенные Главнаукой средства нанять трех объездчиков для охраны заповедника и начать борьбу с браконьерством.

Но для окончательного узаконения Кавказского государственного зубрового заповедника нужен был декрет Совнаркома РСФСР. Отдел охраны природы Главнауки Наркомпроса занялся подготовкой и разработкой декрета. В Майкоп прибыл уполномоченный Наркомпроса профессор Г. Г. Григор, чтобы, так сказать, на месте убедиться в функциональности заповедника и определить в его проблемах и нуждах. На основе его доклада и документов, рассказывавших историю организации заповедника с 1909 года, отдел охраны природы разработал проект декрета. 11 апреля 1922 года этот проект поступил на рассмотрение коллегии комиссариата. Но так как организация государственного заповедника затрагивала интересы нескольких ведомств, проект был разослан и по этим ведомствам. В конце проекта была

сделана приписка о том, что данный проект защищает профессор Н. М. Кулагин. Члена-корреспондента Академии наук СССР, зоолога и энтомолога Николая Михайловича Кулагина хорошо знали в высших руководящих сельскохозяйственных и лесоводческих кругах и в среде ученых, чья деятельность и мнение так или иначе могли повлиять на судьбу проекта. Проект одобрило большинство заинтересованных ведомств, он был благосклонно принят многими учеными. Но тем не менее принятие декрета было приторможено простым и в то же время сложным для молодой, истерзанной гражданской войной и интервенцией Республики вопросом: кто должен финансировать заповедник?

А тем временем жители окрестных станиц, хотя уже и с некоторой опаской, продолжали захаживать на территорию заповедника и били не только оленя, тура, но и зубра. И скот продолжали выпасать, и рыбу ловить, и дранку драть. Даже декрет Совнаркома об охране памятников природы здесь не действовал. Ведь все это — и территория заповедная, и граница ее, и запреты на всякое пользование природными дарами, — все это пока не было узаконено.

И тогда Кубано-Черноморский облисполком принимает свое постановление о границах Кубанского высокогорного заповедника, установив его площадь в 250 тысяч десятин. В пределах этой зоны категорически запрещались рубка леса, рыбная ловля, охота, пастьба скота, проживание и даже временное пребывание лиц, не состоящих на службе в заповеднике.

В этом постановлении, принятом 19 ноября 1923 года по инициативе энтузиастов заповедника, во главе которых был Шапошников, оговаривалось, что оно носит временный характер — до опубликования декрета Совнаркома РСФСР.

В том же 1923 году состоялась Всероссийская конференция по изучению естественных производительных сил России. Конференция единодушно поддержала проект организации Кавказского государственного зубрового заповедника.

В 1923 году Главнауку возглавил Федор Николаевич Петров — старейший член партии, один из организаторов и руководителей киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в 1920—1922 годах — заместитель председателя Совмина Дальневосточной

республики и член Дальбюро ЦК РКП (б). Ознакомившись с материалами о заповеднике, с резолюцией Всероссийской конференции по изучению производительных сил, Ф. Н. Петров распорядился вновь направить проект декрета Совнаркома об организации Кавказского заповедника на коллегию Наркомпроса. 16 февраля 1924 года этот проект с копией постановления Кубано-Черноморского облисполкома от 19 ноября 1923 года и со специальной сопроводительной запиской Федора Николаевича был направлен на коллегию комиссариата, а 21 февраля — в Малый Совнарком (так называлась постоянная комиссия при СНК РСФСР по предварительному рассмотрению вопросов, подлежащих решению Совнаркома; Малый Совнарком решал также некоторые финансовые и экономические вопросы). В пояснительной записке к проекту декрета доказывалась нерентабельность лесоразработок на территории заповедника и сообщалось о создании «Интернационального общества сохранения зубра».

Первое слушание проекта на Малом СНК было назначено на 1 апреля, но было перенесено, так как решили пригласить представителя Кубано-Черноморского облисполкома. Облисполком срочно командировал в Москву Х. Г. Шапошникова. 22 апреля Малый Совнарком, заслушав и обсудив проект декрета об организации государственного заповедника на Кавказе, принял его за основу и поручил Наркомату финансов совместно с Наркоматом просвещения установить размер средств, необходимых на содержание заповедника в текущем финансовом году.

А 12 мая 1924 года декрет о создании Кавказского государственного заповедника был утвержден Совнаркомом РСФСР и опубликован. В декрете говорилось: «...в целях сохранения для научно-исследовательских задач в неприкосновенном виде в горах Западного Кавказа горных лесов и альпийской полосы с населяющими их редкими животными и растениями, учреждается государственный Кавказский зубровый заповедник...» О границах заповедника было сказано так: «...отвод точных границ будет произведен комиссией в составе заинтересованных ведомств». Все, что было когда-то сооружено на территории заповедника, переходило в его владение. Подчинялся теперь заповедник отделу охраны природы Главнауки Наркомпроса.

Радоваться, конечно, было чему: наконец-то воплотилась в живое дело давняя мечта энтузиастов охраны природы: учрежден Кавказский государственный зубровый заповедник! Ушло в область анекдотичных ситуаций директорство на общественных началах — кажется, налаживается постоянное и как положено финансирование, даже штат охраны увеличен с июня до семнадцати человек.

Но вопросов по-прежнему оставалось много. Каждый новый день ставил перед директором заповедника новую проблему. Долго думали, где разместить управленческие заповедника. Не находилось в Майкопе свободного помещения для этого. Шапошников решил разместить управление у себя дома. Все равно ведь никого пока в штате, кроме самого директора, нет: он и руководитель, он и бухгалтер, он и научный сотрудник. А затем встала проблема восстановления троп, мостов, строительства новых и ремонта старых караулок. В заповеднике не было ни одной лошади — наблюдатели ходили пешком и только по долинам рек. Много ли так-то понаблюдаешь?.. Надо зубров учесть — первейшая задача, ведь зубровым заповедник определен, а далеко ли пешком уйдешь?

Надо приглашать зоолога, лесоведа, геоботаника, энтомолога... Как бы ни широки были познания и исследовательские интересы одного человека (а надо сказать, что Христофор Георгиевич не только «пробивал» создание заповедника, но и вел с самых первых месяцев его полузаконного существования исследовательскую работу на территории заповедника: собирал энтомологические коллекции, обследовал альпийские луга, учитывая по возможности животных и определяя места их обитания), как бы ни высок был потенциал его энтузиазма, одному ему не под силу решить даже сотую долю задач, вставших перед заповедником как научно-исследовательским учреждением. Из главка сообщали, что на строительство дома для управления заповедником с квартирой для директора, а также музея с лабораторией и четырнадцати домов (семь — для научных работников, семь — для наблюдателей) заповеднику отпускатось 118 тысяч рублей.

* * *

Шапошников ждал известий от своего помощника А. П. Гунали, которого с двумя наблюдателями отпра-

вил в горы: нужно было убедиться, что зубры в заповеднике еще есть, проверить сообщения наблюдателей, рассказывавших о встречах с зубрами-одиночками и небольшими стадами зверя. Шапошников почти был уверен, что зубры распуганы браконьерами и пастьбой скота, лесоразработками, разбились на мелкие стада и ушли в глубь гор, в глушь заповедника. Наблюдатели говорили, что по речке Мастаканке обнаружили следы стада голов в двадцать. Одиночные следы встречались и по Малой Лабе, по Белой, по Большой Лабе. Значит, зубры в заповеднике еще есть? Хотелось бы верить в это. Хотелось бы... Но Христофор Георгиевич почти не верил в то, что зубры сохранились в достаточном количестве для естественного развития популяции.

Ведь еще в 1910 году профессор Филатов Дмитрий Петрович, пройдя по долинам рек Киши, Безымянки и Молчепы, пришел к выводу, что зубров осталось совсем мало. Егеря тех лет, охотники говаривали, что самые зубринные места — у горы Пшекиш, а еще — нижнее течение Ачипсты и Умпырская долина, куда зубры обычно перекочевывали зимой из долины Алоуски и других притоков Уруштена: водораздел, что разделяет бассейн Алоуски, впадающей в Уруштен, и бассейн Ачипсты, впадающей в Малую Лабу, невысок, луганист и не затрудняет переход. Дело в том, что зимой долина Алоуса сильно заснеживается и здесь холоднее, чем в долинах Ачипсты и Умпырки, где и снега бывает поменьше. Именно это обстоятельство и привлекло зубров на зимовку в низовья Ачипсты и в Умпырскую долину. Ведь в большие снега зубры бедствуют кормами, гложут кору и объедают побеги вяза, рябины, граба, явора, ивы, пихты, предпочитая вяз и граб. Поэтому некогда зубры занимали и нагорья, покрытые листовым лесом. И кроме того, долины в предгорьях не так круты, здесь больше простора и света, на частых и широких полянах летом достаточно корма.

Но то было когда-то, лет пятнадцать, а то и четверть века назад. А что увидел Гунали летом 1925-го?

Гунали увидел банду. На Мастаканке. Бандиты обстреляли его группу — пришлось ретироваться.

— Вот так-то, Христофор Георгиевич, чоновцев надо поднимать, — докладывал Гунали. — Видимо, это остатки той банды, что погубила в прошлом году профессора Исаева и наших наблюдателей...

Шапошников заиграл желваками — гибель профессора Исаева и наблюдателей Семена Двурядко и Ивана Лымарева, которых бандиты замучили, до сих пор ссаднила душу. Тогда, после этих потерь, немало их повязали на территории заповедника. Но в мае этого года инструктор Макаровский снова на Кише и Черной бандитское логово обнаружил. И вот опять — уже на Мастаканке. Сколько еще разного отребья бродит в горах!..

Банду, что обнаружил Гунали, разгромили. И снова пошли наблюдатели по следу зубров. Обнаружили на Мастаканке же стадо в восемь голов. Видел Гунали следы зверей и на Алоуске. Значит, есть еще зубры в заповеднике. Пусть немного, но есть! Решили, чтобы сохранить хоть этих, что еще бродят, построить вольер и загнать зубров в него.

Построили вольер — огородили участок территории. Но зубров больше не нашли. Как в воду канули звери. Словно в пещеры Трю провалились...

* * *

Комиссия ВЦИК по организации и утверждению границ заповедника была создана 1 июля 1925 года под руководством Я. В. Полуяна. Прибыв в заповедник, комиссия работала здесь две недели, добросовестно изучая все за и против. Особенно много работал в этой комиссии профессор Кулагин — он был включен в ее состав от Академии наук и всячески защищал интересы науки — заповедника. Комиссия пришла к выводу, что претензии местных властей к заповеднику преувеличены. Однако, учитывая интересы населения, комиссия предложила выделить из состава абсолютной зоны часть выпасов, включить эту часть в охранную зону и разрешить здесь выпас скота.

В те две недели, пока в заповеднике работала комиссия ВЦИК, Х. Г. Шапошников и его заместитель А. П. Гунали тоже не сидели сложа руки в ожидании, что скажет комиссия. Они развернули широкую пропагандистскую работу среди населения окрестных станций и сел, в учреждениях. Проводили собрания, беседовали, читали лекции о роли и значении заповедников, вообще и Кавказского в частности. Лекции сопровождались демонстрацией рисунков, диаграмм, экспонатов из

коллекций Шапошникова (которые, кстати сказать, он собирал более двадцати лет в ущерб материальному состоянию семьи и с которыми затем работали многие русские и иностранные ученые; в благодарность за возможность пользоваться богатейшим коллекционным материалом и в знак глубокого уважения многие исследователи природы присваивали вновь открытым видам животных имя Шапошникова. Это прометеева полевка, один из видов шмеля, мухи, кузнечик, некоторые моллюски). Многие лекции тех двух недель по давно установившейся традиции были прочитаны прямо в доме Шапошникова, в самой большой, занимавшей чуть ли не полдома комнате, где хранились коллекции. Христофор Георгиевич был отличным лектором. «Побольше бы таких лекций», — писала в те дни газета «Красный пахарь» о цикле лекций о природе, прочитанных Х. Г. Шапошниковым в Центральном рабочем клубе в Майкопе. Обладая широкими познаниями натуралиста, Христофор Георгиевич, читая лекцию, ведя экскурсию, увлекался сам и увлекал других, умел передать любовь к природе своим слушателям и сподвижникам так тонко и так глубоко, что они на всю оставшуюся жизнь становились служителями и защитниками природы. Недаром дети его пошли по стопам отца: и дочь Шапошникова Гаяна, и сын его Георгий — зоологи, кандидаты биологических наук, научные сотрудники Зоологического института Академии наук СССР. Вспоминая начало 20-х годов и общественную деятельность Христофора Георгиевича в те годы, Георгий Христофорович пишет: «...отец, показывая коллекции, рассказывал (экскурсантам) о природе края, об эволюционном учении, о связях организмов со средой, их адаптациях, о пользе и «вреде» тех или иных животных... Он часто водил экскурсии в природу — однодневные и многодневные. Я хорошо помню экскурсию большой группы рабочих дубильного завода на теперешнюю территорию заповедника в 1923 году...»

Шапошников, великолепно знавший природу Кавказа, часто консультировал различные организации и многих ученых в вопросах краеведения, причем делал это с большой охотой и бескорыстно. Так же бескорыстно передал он часть своей коллекции в лабораторию Зоологического института, которая и поныне здесь хранится и используется.

13 июля 1925 года было принято решение, по которому впредь до окончательного установления особой комиссией Совнаркома РСФСР границ заповедника населению Адыгейской автономной области и населению прилегающих к заповеднику сел Майкопского округа выделялись пастбища на плато Лагонаки, а населению района города Сочи, кроме участков на Лагонаки, отводились пастбища на Большой и Малой Чуре, Аишхах и Энгельмановы поляны. Этим же постановлением в Кавказском государственном заповеднике учреждалась научно-исследовательская станция «мирового значения». Сочинский райисполком предложил тогда основать эту станцию в Красной Поляне, выделив для нее «необходимое помещение... из числа наилучших оборудованных зданий, принадлежащих райземимуществу», как писал председатель Сочинского райисполкома в адрес Черноморского окружного исполкома.

Надо сказать, Сочинский райисполком принимал в те годы довольно активное участие в судьбе заповедника. И не только потому, что его волновала проблема выпасов (в декабре 1925 года Сочинский райисполком дважды обсуждал этот вопрос в присутствии представителя Главнауки Тер-Оганесова, директора заповедника Шапошникова, начальника лесотехнической экспедиции Наркомзема Беленовича, инспектора Горного надзора Петропавловского, представителей ряда других заинтересованных ведомств и сельских Советов). В одном из своих писем в Черноморский окружной исполком председатель Сочинского райисполкома Занченко и управляющий делами исполкома Обновленский ставили вопрос о нуждах заповедника: «Кавказский заповедник представляет обширную территорию, сильно пересеченную ущельями, горными хребтами и речками и расположенную в наиболее глухой и труднодоступной части Кавказа. При таких условиях работникам заповедника приходится производить наблюдения в любое время года, в любую погоду, днем и ночью, в обстановке еще не вполне ликвидированного уголовного бандитизма. Принимая во внимание... отсутствие сколько-нибудь удобных дорог, жилищ и элементарных условий существования, в первую очередь необходимо в интересах дела принять следующие меры...» — и далее речь шла о повышении окладов работникам заповедника, о кредитах на научную работу и на постройку зданий, караулок, на рас-

чистку троп и тому подобное обустройство, о спецодежде для работников заповедника и «средствах передвижения» — лошадях и ослах, «без которых задача охраны явится не только трудной, но и значительно более дорогой, ибо один конный наблюдатель сумеет охватить большую территорию, чем несколько пеших». В этом письме речь также шла о боевом оружии для наблюдателей, без которого «немыслима серьезная охрана в глухой части заповедника».

В тесном контакте с Сочинским райисполкомом работала и комиссия Совнаркома, которой руководил Николай Ильич Подвойский, видный партийный и государственный деятель, один из организаторов Иваново-Вознесенского Совета в 1905 году, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и активный строитель Красной Армии, член Реввоенсовета Республики. В 20-е годы Николай Ильич был членом ЦКК партии и одним из руководителей Наркомата рабоче-крестьянской инспекции.

Комиссия Подвойского начала свою работу 13 сентября в Майкопе, заслушав отчет специальной комплексной экспедиции профессора М. И. Крылова, обследовавшей летом 1926 года заповедник, а также состояние крестьянского хозяйства лесогорной полосы. По предложению Н. И. Подвойского профессор М. И. Крылов был избран ответственным секретарем комиссии Совнаркома, а Х. Г. Шапошников — ответственным за организационно-административные вопросы. После отчета экспедиции профессора Крылова решено было осмотреть спорные угодья на месте. Н. И. Подвойский и В. Т. Тер-Оганесов выехали в горы, на Лагонаки, в верховья реки Цице; побывали они и в Красной Поляне, в Эсто-Садке, встречались и беседовали со многими местными жителями, с руководителями местных органов власти.

Дело в том, что начавшееся с первых дней организации заповедника противоборство некоторых жителей станиц и сел, окружавших заповедник, не прекращалось. Все проблемы упирались в основном в горные выпасы, расположенные по периметру заповедной территории.

В Москву, в Совнарком, на имя председателя правительства полетела телеграмма: «Постановлением СНК 12 мая 1924 года объявлен в горах Кавказа... государственный зубровый заповедник. На альпийской полосе всем

населением Сочинского района производится выпас скота за отсутствием других каких-либо выпасов. Пастбищами занимались (горные луга) от реки Бзыч по Шахе, хребтам Чура, Ачишхо, Аишхо... до источников реки Мзымты. С объявлением заповедника в период выпаса население очутилось в безвыходном положении, пасти скот до 70 000 голов негде, реализовать, убивая хозяйство, нет никакой возможности. От имени 30 000 населения района ходатайствуем о допущении впредь до установления точных границ заповедника разрешить выпас по примеру прошлых лет без ограничения, с полным воспрещением пастухам иметь какое-либо огнестрельное оружие, без права рубки леса и нанесения каких-либо изменений, нарушающих естественный рельеф поверхности. Заверяем, что выпас скота, производимый на лесных пастбищах, не может нанести какого-либо вреда живущим там редким экземплярам зверей, так как последние на луга, где производится выпас, не спускаются и в силу их природной осторожности не могут находиться вблизи пасущегося домашнего скота».

Председатель Совнаркома в ответной телеграмме в адрес Сочинского райисполкома и управления заповедника разрешил «пользоваться пастбищами впредь до установления точных границ заповедника комиссией» и возложил на председателя исполкома личную ответственность «за соблюдение охраны заповедника и условий, изложенных в вашей телеграмме».

Конечно, условия эти очень часто нарушались, что вызывало конфликты, и экспедиции профессора Крылова, а затем и комиссии Подвойского пришлось много поработать, чтобы выявить истинное положение дел.

Возвратившись из поездки на места, Николай Ильич Подвойский собирает 1 октября заседание комиссии в Сочинском райисполкоме, где было отмечено, что при обсуждении вопроса о сельскохозяйственных возможностях района можно будет выделить во временный фонд исполкома некоторые участки пастбищ, если райисполком даст обязательство рационально использовать эти пастбища и направлять усилия крестьян на улучшение породы скота. Что касается отношения к заповеднику, то принимать его надо как научное учреждение. Необходимо оставить в границах заповедника всю левую сторону долины реки Мзымты. То есть в пределах декретированных границ. Особая ценность этих мест в том,

что долина эта заперта Главным Кавказским хребтом и параллельным хребтом Агепста...

После долгих споров решено было вопрос о границах в верхнем течении Мзымты и у озера Кардывач рассмотреть на следующем заседании после консультаций с местными специалистами и научными силами района. Так же открытым оставили вопрос о границах в верховьях рек Сочи и Чвижепсе. Без споров был решен вопрос о выделении в резервный фонд местных органов лесов в долине Лауры с условием передачи их населению Эсто-Садка во временное пользование, да границу на Ачишхо так же без особых трений провели по лесному поясу северного склона. Что же касается границ по Большой Чуре и по верховьям Шахе, то решено было оставить этот вопрос открытым до встречи с делегатами от населения.

Эта встреча состоялась на заседании комиссии 2 октября. На совещании присутствовали: Тер-Оганесов — от Главнауки, профессор Крылов — от Академии наук, Перовский — представитель Наркомзема, Безбородов — из крайисполкома, директор заповедника Шапошников, начальник лесотехнической экспедиции Наркомзема Беленович, Занченко — председатель Сочинского райисполкома и члены исполкома Барибан, Инглизян, Брянский, а также делегаты от населения.

Подвойский говорил напористо, подчеркивая главное резким, скупым жестом. Мысль его, облеченная в простые, порою даже грубоватые слова, вырисовывалась четко и воспринималась каждым присутствующим так, как он и хотел. А хотел Николай Ильич, чтобы те, к кому он обращал свое страстное слово, поняли, зачем, с какой далеко идущей целью заповедало молодое Советское государство огромную территорию гор и лесов, буйнотравных лугов с реками и озерами, населенную многочисленными животными, многие из которых издавна были предметом промысла и тех, кто слушал его сейчас, и их предков. Он хотел, чтобы люди, основой благополучия которых из века в век было отгонное скотоводство, поняли наконец-то, почему нельзя теперь выгонять скот на луга, которые все время были пастбищами. Он хотел, чтобы крестьяне, к которым он обращался, как можно явственнее представили перспективу культурного, высоко товарного кооперативного хозяйства и активнее способствовали Советской власти в налаживании его.

Государственная власть говорит, что на хищническом ведении хозяйства не может строиться рабочее государство, значит, не может быть больше небрежного, грязного, халатного отношения к альпийским лугам... Пастбища, леса, снега и льды, покрывающие гигантские Кавказские горы, являются чрезвычайной государственной ценностью. И поэтому Советская власть придает исключительное значение заповеднику.

Подвойского слушали внимательно, с уважением, хотя, чувствовалось, представители населения не со всем, о чем говорил им председатель комиссии, были согласны. В зале стояла тишина, лишь изредка кто-то приглушенно покашливал.

Выступая, Николай Ильич вкладывал в речь всю силу своих чувств и веры и никогда не прятал за словесной шелухой личного отношения к событию, факту, конкретному человеку, выражая это отношение четко, а если требовалось, то и жестко. Вот и на этот раз он не воздержался от резких слов, вспомнив безобразное отношение к высокогорным лугам.

— ...То, что верховные государственные органы уже семь раз занимались вопросом определения границ заповедника, говорит об искреннем желании власти разрешить этот вопрос практически, чтобы не пострадало ни ваше, ни государственное хозяйство... Как вы используете луга? Мы были на айбгинских пастбищах, что мы там видели? Половина лугов заросла сорняками, сюда гоняют свиней, буйволов, больной скот, отравляют и заражают пастбища. Экспедиция установила, что пастухи сбрасывали павший скот и буйволов в реку Белую. А из реки пьют воду и животные, и люди...

Конечно, сказанное не было откровенным для сидевших здесь — все это было всем известно и зачастую ими наблюдаемо. Но так водилось давным-давно. Может, потому, что люди эти никогда не имели своих, собственных пастбищ, никогда не были хозяевами на земле? Но это никак не умаляет их вину — грешно крестьянину так относиться к земле, к ее щедрости, кому бы она ни принадлежала. А теперь, когда прогнали царя и помещиков, когда вся земля стала народным достоянием, тем более нельзя хищничать. Именно эту мысль настойчиво заострял Подвойский в своей речи. Его колючие слова вызывали боль, смутнение, протест, но они были справедливыми.

В этот день, как и предрекал профессор Крылов, совещание закончить не удалось: разгорелись страсти. Особенно вокруг арендной платы за выпасы. Пастбища — общенародное достояние, а получают прибыль, используя их в личных целях, немногие. Значит, пусть эти немногие отдадут государству часть своей прибыли — надо платить за пользование ценностями. И потом, ведь пастбища нужно содержать в порядке, их нужно восстанавливать — вот на это и пойдут деньги, получаемые с аренды. Все правильно. Только так нужно ставить вопрос, тем более, если речь идет об отторжении части лугов от заповедника.

Заседание комиссии 3 октября длилось целый день. В своем докладе профессор Крылов буквально наизнапку вывернул всю систему местного крестьянского хозяйствования, на фактах и цифрах доказав его дремучую, как говорил Подвойский, отсталость, и призвал улучшать породу скота и налаживать кормопроизводство. И что удивительно: сколько лет прошло с того дня, когда был сделан этот великолепный экономический анализ частного скотоводства и табаководства, анализ использования высокогорных лугов и благодатных условий сочинской зоны Черноморья, а актуальность его многих положений и выводов не снизилась...

Доклад профессора Крылова обсуждался заинтересованно и бурно. Участники совещания настолько увлеклись проблемами крестьянских хозяйств, что забыли даже о главном — об определении границ заповедника. И опять пришлось переносить решение вопроса о границах заповедника на следующий день. Это было тяжело для членов комиссии, напряженно работавших все эти дни, но комкать дело, решать задачу кое-как, не разобравшись во всех проблемах досконально, Подвойский не мог и не хотел. Он готов был просидеть в Сочи еще месяц, споря и убеждая местных крестьян, направляя их к лучшей жизни через кооперацию, но чтобы проблема границ заповедника была разрешена раз и навсегда. Поэтому 4 октября на заседании комиссии были сделаны следующие выводы.

Не затрагивая переселенческих участков и бывших черкесских левобережных аулов, провести границы по первоначальному плану научной экспедиции для сохранения реки Сочи и распространенной здесь понтийской растительности, а также животного мира... Ввиду того что

в отдельных пунктах особенных расхождений не имеется, предложить провести границы согласно указанию комиссии. Земли, отошедшие от заповедника, передать во временное пользование в фонд местных органов на предмет передачи таковых в арендное пользование крестьянству, с тем, чтобы из арендной платы оказывать помощь беднейшему крестьянству на улучшение пастбищ.

А вечером того же дня в присутствии практически всех представителей заинтересованного населения Сочинского района и шапсугов, а также скотоводов-промышленников товарищества «Октябрь» Подвойский сделал доклад о постановлении комиссии Совнаркома по установлению границ заповедника. Интересен пункт 20: «Райисполкому надлежит исчислить площади пастбищ, разбить пастбища качественно и количественно, сдавая их каждому селению в определенных границах. Составить перспективный план использования пастбищ при участии знатоков района. Обязать население охранять всеми мерами и средствами государственный заповедник и его границы от вторжения чуждых и вредных элементов. Райисполкому выработать все мероприятия и обязательные постановления по охране заповедника...» Этот пункт тоже был принят единогласно. Обмен мнениями (как говорится в протоколе заседания) развернулся, когда Подвойский огласил места, отведенные в качестве резервного фонда местным органам власти, — пастбища в урочище Кардывач, Энгельмановы поляны, перевал Ачшхо и перевал Псеашхо, пастбища на горах Ачшхо и Большая Чура, Белореченский перевал, что все вместе составляло около 20 тысяч десятин.

Были высказаны предложения о необходимости оставить вне заповедника выпасы по Черной речке (Уруште-ну), так как скот, который выпасается на перевале Псеашхо, во время бури сам бежит на те выпасы, до речки Холодной. И опять же балаганы там уже стоят, а перевозить их так трудно...

Из обмена мнениями выяснилось, что Псеашхо трудно использовать, не нарушая режима заповедника. Комиссия считает нужным предложить Сочинскому райисполкому использовать пастбища на этом перевале со всей предосторожностью. Но в случае невозможности оградить эту часть заповедника от вторжения стад, нужно будет исключить Псеашхо из аренды и вернуть перевал в абсолютную часть заповедника. (Так и было

сделано. 25 июля 1927 года Шапошников, отвечая на запрос Сочинского райисполкома, писал: «...на ваше настойчивое требование о пользовании пастбищами сообщая, что на днях получена телеграмма об утверждении Совнаркомом границ заповедника по проекту бывшей комиссии, а потому... урочища Псеашхо не могут быть отданы под пастьбу».)

Утром 5 октября комиссия собралась, чтобы рассмотреть северные границы заповедника.

— Верховья Цице нужно оставить в абсолютной зоне заповедника, — предложил Шапошников. — Здесь уникальные леса. На северном склоне Главного Кавказского хребта нигде нет более такого обилия самшита, как здесь — на склонах Фишта, в ущелье Цице... Самшит здешний — аборигенный реликтовый эндемик флоры. Это вообще стык двух ботанических провинций — Колхидской и Кавказской...

— А как же пастбища? Шапсуги просят разрешения пастись здесь скот...

— Комиссия Совнаркома отметила, что шапсуги бережно и умело относятся к пастбищам, поэтому решено выделить пастбища на Чубе, Ногай-коше, Тубинских полянах, Чашке и частично на Лагонаки. Майкопскополком не будет возражать против такого решения, но при условии перехода на интенсивное хозяйство, чтобы использовался каждый клочок пастбища, и сохранении заповедника как научной ценности — имеется в виду неприкосновенность сосновых и самшитовых лесов по Цице.

Комиссия учла все необходимые нужды шапсугского народа и выделила им для выпасов все, что было возможно без нарушения цельности заповедника.

Комиссия решила также просить Совнарком разрешить Наркомпросу обратить средства, выделенные на научную работу и канцелярские расходы, на усиление строительных работ «на предмет сооружения здания для научных работ», как записано в решении, а также просить средства в сумме 2 тысячи рублей на постановку метеорологической станции. И на этом комиссия Подвойского свою работу завершила. Советом Народных

Комиссаров РСФСР было принято решение: границы Кавказского государственного заповедника, установленные от 12/V 1924 года... подтвердить, введя в них уточнения, вызываемые требованиями науки, соображениями об естественных границах урочищ, хозяйственными интересами общегосударственного и краевого значения, а также интересами местного населения. Совнарком учитывал нужду местного населения в высокогорных пастбищах, отводил во временное распоряжение местных органов власти особый фонд, который фактически оговаривался как охранная зона вокруг абсолютной зоны заповедника. Границы этого фонда четко определялись и с севера, и с юга. При этом подчеркивалось, что участок соснового и самшитового леса в верховьях реки Цице выделяется обособленным островом абсолютной части заповедника. Оговорено было также, что как только минует надобность в выделенных во временное пользование землях, их следует возвратить в заповедную зону, а если будут наблюдаться нарушения в использовании этих угодий, а тем более нарушения заповедности со стороны пастухов, то земли эти надлежит отбирать сразу и возвращать их в заповедник.

Контролировал выполнение этого решения Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, лично Н. И. Подвойский. Весной 1928 года сельскохозяйственная группа Северо-Кавказской краевой инспекции по заданию Н. И. Подвойского проверила, как практически выполняется решение. 3 ноября 1928 года в Наркомате РКИ под председательством Н. И. Подвойского состоялось совещание, на котором присутствовал и Х. Г. Шапошников. Совещание рассмотрело результаты проверки. Выяснилось, что к этому времени все еще не были подписаны акты официальной передачи всей территории заповедника от Наркомзема Наркомпросу, что Наркомпрос еще не разработал инструкции о работе и задачах заповедника, что не были еще проведены границы заповедника на натуре...

Заключение комиссии инспекции было жестким, и уже в начале следующего года постановление Совнаркома о заповеднике от 6 августа 1927 года практически было выполнено. Заповедник окончательно упрочился в своих законных границах и обрел постоянного хозяина. Можно было разворачивать научную работу и укреплять охрану территории. Тем более что и финансирование увели-

чилось. В 1928—1929 годах заповеднику уже отпускалось почти 76,5 тысячи рублей, из которых 10 тысяч ежегодно выделялось на научные исследования.

Правда, поскольку научные силы самого заповедника были еще весьма скудными, серьезные, широкомасштабные исследования заповеданной территории проводились экспедициями из центра. В конце 20-х годов через заповедник прошли зоологическая экспедиция профессора С. С. Турова, почвенная — профессора С. А. Захарова, ботаническая — профессора Н. А. Буша, гляциологическая — профессора Г. Г. Григора, метеорологическая, луговедческая и ряд других. А сам Х. Г. Шапошников в 1928 году отчитывался на заседании Государственного комитета охраны природы о научной работе заповедника.

ГОРЫ ИХ ПОМНЯТ...

К стационарным формам исследований заповедник приступил с 1931 года; когда были созданы научные станции.

Организации этих станций предшествовало одно примечательное совещание, состоявшееся в начале апреля 1929 года под председательством профессора А. Н. Бартенева. Совещались ученые — руководители экспедиции по заповеднику обдумывали первый пятилетний план комплексного обследования заповедника. Сохранился протокол этого совещания, в частности постановление, в котором говорится о заповеднике как природном объекте исключительной научной и прикладной ценности и о необходимости развертывания исследовательских работ «для изучения законов девственной природы в целях рационального использования ее». Было решено организовать широкое изучение гидрологического режима высокогорных пастбищ, изучение биологии лесных сообществ и влияния их на климат, исследование заповедника как редчайшего памятника природы, естественную лабораторию, крупного производителя промышленного и пушного зверя.

Пятилетний план был составлен по каждой специальности, по каждому разделу исследований. На этом же совещании было решено, чтобы заповедник издавал свои труды. На издательские расходы было ассигновано 7 тысяч рублей.

Однако первый том Трудов вышел только в 1936 году. В него были включены, наряду с основной работой «Динамика запасов благородного оленя в Кавказском заповеднике» А. А. Насимовича, также исследования энтомолога М. И. Зюзина «Вредные насекомые некоторых древесных пород Кавказского заповедника (южной части)» и «Отчет о гляциологических работах 1929 и 1930 годов в районе Кавказского заповедника. Описание ледников Западного Кавказа (верховья рек Белой, Кнши и Уруштена)», который был составлен профессором Г. Г. Григором, исследовавшим эти ледники летом 1929 и 1930 годов. Экспедиционные работы проводились Г. Г. Григором вместе с четырьмя студентами Кубанского педагогического института по поручению, как он пишет в отчете, Географического общества СССР.

Небольшие средства, на которые была организована гляциологическая экспедиция Г. Г. Григора в 1929 году, не позволили развернуть работы по тому плану, по какому они намечались первоначально. Экспедиция длилась всего три недели. Но и за этот короткий срок удалось провести сравнительно полное обследование массивов Фишта и Оштена и рекогносцировочно — массива Псеашхо. Следующий выход экспедиции Г. Г. Григора в горы заповедника — летом 1930 года — был уже ассигнован управлением заповедника. Работы проводились в июле и августе на Псеашхо и Чугуше.

Г. Г. Григор намечал сделать подробное описание современных ледников и изучить следы древнего оледенения, установить метки у краев ледников, чтобы определить, наступают они или отступают, проверить и исправить, если понадобится, карты, собрать геологический и минералогический материал, определить суточный режим ледниковых потоков. Задача эта была выполнена блестяще. Отчет Григора об экспедиции на леднике Западного Кавказа еще долго будет лежать в основе современных (весьма, кстати, немногочисленных) исследований этих ледников.

Работа А. А. Насимовича, опубликованная в первом томе Трудов, явилась, собственно, завершением длительного исследования биологии кавказского благородного оленя, обитающего на территории Кавказского заповедника. Исследования эти были начаты Насимовичем во время его работы в экспедиции профессора С. С. Турова в июне — сентябре 1930 года. В течение

1930, 1932, 1933—1935 годов Насимовичем была обследована большая часть территории заповедника и прилегающих к нему районов. С весны 1933 по весну 1935 года изучению биологии оленя большое внимание уделяла Охотоведческая станция заповедника, которой в этот период руководил А. А. Насимович.

Охотоведческая станция была открыта в заповеднике в 1931 году наряду с Лесной опытной станцией, Энтомологической и Горно-луговой станциями — как начало стационарных исследований. Базировалась Охотоведческая станция на кордоне Киша и занималась инвентаризацией фауны заповедника, изучением биологии диких животных, их распространения и миграции, динамики их запасов. В 1935 году Охотоведческая станция вошла в состав комплексной естественно-исторической станции заповедника как ее зоологический сектор.

Но вернемся к экспедиции профессора С. С. Турова, положившей фактическое начало комплексному изучению фауны заповедника. Эта экспедиция была организована на средства заповедника летом 1930 года и работала она три месяца — с 30 июня по 20 сентября. В ее задачи входило изучение фауны позвоночных животных Восточного отдела заповедника, биологии и распространения крупных млекопитающих, определение метода их учета, сбор коллекции по всем группам позвоночных животных, фотографирование животных, установление наиболее подходящего места для организации биологической станции заповедника. Многого нужно сделать, а людей в экспедиции было всего шестеро — сам С. Туров, начальник экспедиции, Д. Красовский — аспирант Горского пединститута, заместитель начальника экспедиции, препаратор В. Селегененко и три студента — А. Насимович, В. Логинов и И. Кирис. Проводниками экспедиции были В. Кожевников и А. Телеусов — наблюдатели заповедника. Почти за три месяца экспедиция Турова прошла по долине Большой Лабы, поднимаясь к истокам впадающих в нее речек Рощкоа, Блыби, Бескеса, затем — по Малой Лабе до устья Цахвоа и по долине этой реки до ее истоков; были исследованы долины Уруштена и Ачипсты, хребты Алоус и Мастакан, Большие и Малые Балканы, Трю...

Началась экспедиция с Псебая, куда приехали вечером 30 июня на подводах. И началась с разочарований: в управлении Восточного отдела С. Турову сказали,

что лошадей еще нет — они на пастбище, и когда их пригонят, неизвестно, и что их еще надо будет ковать, и что снаряжение для экспедиции еще не поступило — в общем, надо ждать. И ждали — до 3 июля. Но не бездельничали: ходили в экскурсии по окрестностям, изучали зоологические сборы, что были припасены в управлении Восточного отдела.

А 2 июля отправили в Чернореченскую караулку подводу со снаряжением, рассчитывая утром 3-го выйти вслед верховыми лошадьми. Подводу свою экспедиция догнала в 2 километрах от караулки; оказалось, что она по дороге перевернулась, и возница решил заночевать на месте происшествия. Пришлось спешиваться и собирать да вновь укладывать распотрошенное снаряжение.

На Чернореченской караулке экспедиция дневала довольно долго. Лишь 7 июля С. С. Туров и Д. Б. Красовский в сопровождении проводника В. Кожевникова выехали верхом на Бескесскую караулку. Описывая этот недельный маршрут, С. С. Туров отмечал серьезные нарушения заповедного режима. Он пишет: «...перейдя мост через р. Бескес, увидели большой столб со щитом, на котором объявлялось, чего нельзя делать в заповеднике и что всеми делалось, начиная от местного населения и кончая госучреждениями (браконьерство, геологическая разведка на территории заповедника — совершенно незаконная, лесные пожары, вызываемые халатностью отрядов, добыча живицы, рыбная ловля...). В охранной зоне пасутся стада овец и коров, большой табун пасся в абсолютной зоне в нескольких метрах от столба с грозной надписью «Пастьба скота воспрещается!». А между тем, как установил С. С. Туров, тогда Восточный отдел был богат зверем — тур, серна, медведи, кабаны, здесь были излюбленные зверем места зимовки. И сделал вывод, что претензии Карачаевской автономной области к заповеднику, требовавшей отторгнуть от него территорию до хребта Могишо, удовлетворять нельзя, так как это уничтожит смысл охраны животных в районах Лугани, Закана и Могишо и заповедания этих районов, так как зимою звери будут здесь уничтожаться браконьерами прямо в местах зимовок. Ведь переход через перевалы здесь прост, а охранять эти переходы затруднительно.

К сожалению, случилось в дальнейшем то, против чего возражал ученый, — сейчас граница заповедника

проходит по хребту Могншо, по Умпырскому перевалу, по реке Закан от ее верховьев и далее к югу по реке Дамхурц, создавая очень сносные условия браконьерам для проникновения в заповедник...

Экспедицией С. С. Турова были тогда описаны медведь, барсук, кавказский барс (леопард), которого — уввы! — уже не встретишь в наших горах, рысь, дикий кот, олень и другие животные. Отчет С. С. Турова об итогах этой экспедиции стал первым серьезным научным отчетом в истории заповедника.

Андрей Александрович Насимович, возглавивший с 1933 года Охотоведческую станцию, перевел стрелки этой станции на чисто зоологические рельсы и определил четыре главных направления научно-исследовательских работ: изучение видового и количественного состава фауны заповедника, изучение биологии отдельных видов, изучение факторов, оказывающих влияние на состояние охраняемых в заповеднике видов, а также путей обогащения и восстановления фауны заповедника. Невысокого роста, но плотный, выносливый, отлично владевший лыжами, Насимович обладал завидным упорством в достижении поставленной цели, поражая и увлекая всех, кто был рядом, своей целеустремленностью, неутомимостью, работоспособностью. Будучи человеком любознательным и как зоолог разносторонне эрудированным, Андрей Александрович положил начало изучению чрезвычайно интересного с точки зрения экологии копытных животных вопроса о естественном минеральном питании, его работа «К познанию минерального питания диких животных» — первое в Союзе исследование этой проблемы; он заложил основы методики учета диких копытных; вместе со своим коллегой Ю. В. Аверинным Насимович изучил фауну птиц, обитающих в заповеднике и окрест, — в итоге появилась очень важная и нужная, единственная по этому вопросу до сих пор работа «Птицы горной части Северо-Западного Кавказа». А. А. Насимович организовал зимние полевые работы в горах: в феврале 1934 года сотрудники Охотоведческой станции под руководством Андрея Александровича впервые пересекли Кавказский заповедник по маршруту Гузерипль — Чугуш — Красная Поляна в зимних условиях. Необходимость этого нелегкого перехода на снегоступах диктовалась важностью изучения критических периодов в жизни животных. Одним из

таких периодов, трудно переживаемых и вызывающих гибель большого числа обитателей заповедника, является зима.

Второй переход, уже на лыжах, от кордона Киша, где тогда располагалась Охотоведческая станция, до Красной Поляны, был совершен через год.

Поход этот был сколь интересен, столь и труден: горная полоса Западного Кавказа славится исключительной снежностью зим. Толщина снежного покрова здесь нередко достигает 6 метров, причем в лесной зоне снег отличается рыхлостью, а в высокогорье и на южных склонах уплотняется настолько, что по прочности не уступает фирну. Насимович затеял зимний переход через весь заповедник с целью изучения закономерностей распределения снежного покрова в различных лесных сообществах и на разных высотах, на склонах разной крутизны и связанных с этим закономерностей распределения копытных. Участники перехода должны были внимательно наблюдать за жизнью животных зимой. Кроме того, предполагалось картографирование районов, где часты лавины.

Выступили в поход 7 марта вдесятером: А. Насимович — начальник экспедиции, Н. Калиновский — врач, Г. Успенский — научный сотрудник заповедника, А. Никифоров, В. Дементеев и С. Оглоблин — наблюдатели, и группа москвичей из совета туризма и экскурсий — альпинисты, отличные горнолыжники Ю. Мальцев — инструктор горно-лыжного спорта, Г. Белоглазов — фотограф, С. Любский и П. Буков, исполнявший обязанности завхоза экспедиции. Москвичам нужно было проверить новое альпийское снаряжение и лыжи.

На Кишу уже пришла весна — речка шумела, освободившись ото льда, снег сполз с троп и затаился, ноздреватый и посеревший, в балочках, под скалками, в лесной глухомани. Драночные крыши кишинских домов подсохли и посветлели, к полудню парила земля на огородах.

Но в день выхода вдруг напоззли из-за Пшекиша тяжелые черно-фиолетовые тучи, прижались мохнатыми брюхами к вершинам дубов, ясеней и буков и принялись посыпать землю снегом.

— Может, прямо из дому на лыжах идти придется? — пошутил Насимович.

— Вряд ли, — ответил Никифоров, вьючивший лоша-

дей. — Этот снег — не снег, он, глянь-ка, с ходу тает...

Снежишки действительно таяли, едва коснувшись земли, но их было много, и тропа все же забелела. И странно смотрелись на этой белизне черные следы от лошадиных копыт и людских сапог.

Шли не очень ходко: лыжи пока были у каждого на плече да еще рюкзаки с провиантом. Сначала тропа вилась правым берегом Киши, затем устремилась к невидимым из лесу перевалам, и река осталась глубоко внизу. Ее шум сюда, в лес, едва доносился, и среди высоченных дубов, ясеней, буков и грабов царил оглушающая тишина. Лишь шорохом падающего снега было заполнено все вокруг. Холодные пушистые хлопья запылали гривы коней, вьюки, налипали на ресницы. В лесу стоял полумрак.

— Глухо-то как, — сказал кто-то, — даже птиц не слышно...

— Когда идет снег, птицы молчат, — ответил Насимович. И снова лишь тяжелое дыхание людей да лошадиный храп в онемевшем лесу...

Приток Киши Шишу перешли по кладке — толстому бревну, стесанному поперек. Сразу за Шишой начался подъем на первые уступы Бамбака — пора было отправлять лошадей назад. Выбрали подходящее место для ночевки, развьючили лошадей, попрощались с проводниками и принялись оборудовать бивак. За два часа дружной работы соорудили из пихтового лапника шалац, затем приготовили обед. Пока возились с обустройством бивака, пока обедали — свечерело. Спать легли рано — чтоб утром назавтра, чуть свет, двинуться дальше. Да и утомились все же. А завтра будет куда как тяжелее — весь груз на себе, все то, что сегодня было на лошадях. А предстояло подняться вверх по вертикали почти на километр.

...Поднимались по западным склонам Бамбака зигзагами. Лыжи тащили на себе: маловато было снега. Через каждые четверть часа останавливались отдышаться, и не до красот им было. А лес, нахлобучивший снежные папахи, стоял сказочно красивый. И такой же тихий, как и вчера. Только и шуму, что от падающей снежной шапки. Иногда ошлепки снега попадали за ворот и таяли, остужая горячую спину. Выбрались на отрог и пошли по гребню. Слева, в молочном мареве, глубоко внизу — долина Шиши, справа, к югу, — Киши. Подъем

крутой — 15—20 градусов и круче. Постепенно втянулись в ритм тропы, даже вроде бы легче идти, и стали примечать, что вокруг, обочь тропы делается. Увидели следы — вот гурт кабанов прошел, вот олени пробежали, самцы, а вот это кунья строчка. Пошли разговоры вполголоса — в тихом лесу и твой голос сам собой тихим становится. Так незаметно пролетели четыре часа. Андрей Александрович скомандовал привал. На сорок минут — и отдохнуть, и перекусить.

После привала встали на лыжи — снег позволял. Даже несмотря что на подъем шли «елочкой», «ступенькой». Москвичи показывали, как надо идти — из «заповедных» никто как следует ходить на лыжах, да еще по горам, не умел. Но наука нехитрая.

Как-то незаметно для себя вышли из пихтарника в березняки с яворами и горной сосной вперемежку. Субальпийский лес. А выше его, словно большие, большие простыни, растянутые на голых склонах, ярко белели заснеженные альпийские луга. Над ними струилось марево — снег испарялся. Но его здесь много — вон олени избороздили поляну до самой земли настоящими траншеями в метр и более глубиной. «Это самцы», — ответил на вопрос москвичей Насимович. А вскоре люди вспугнули животных. Не торопясь, рогали ушли вниз, скрылись в лесу. Насимович решил, что пора разбивать бивак на ночлег. Подыскали подходящую сосну, окруженную березовой порослью, словно забором, и принялись устраиваться. Устройство ночлега на верхней границе снега — дело хлопотное. Но в предвкушении длительного отдыха все работало споро и управлялись довольно быстро — нарубили березок, уложили их на снег аккуратно, настилком, а затем на этот настил наложили толстым слоем прутья. Получилось и тепло, и мягко. Сложили костер, повесили котлы — двое дежурных занялись ужином. Остальные стали сушиться. Посушились, поужинали — и в спальники. Спальники, кетати, тоже были экспериментальные — выдерживали пятнадцатиградусный мороз. Судя по тому, как быстро разошелся к ночи туман и заискрилось звездами близкое небо, эксперимент должен был состояться этой же ночью...

Лагерь угомонился быстро — устали все. Но Насимовичу не спалось. Он сидел у догорающего костра и прислушивался к голосам Вселенной. Туман совсем

истаял, сполз куда-то вниз, растекся по лесу и затаялся в нем. Из-за хребтов всплыла яркая луна, пригушила звезды и высветила на земле все бугорочки, подсинив тени. Причудливое сплетение синих тонов на снегу, густые, почти черные тени в лесу, алмазный холодный блеск куржака на ветвях и полная неподвижность всего сущего вокруг создавали впечатление нереальности окружающего мира, будили воспоминания из далекого сказочного детства...

А мороз сгущался — слипались ноздри, ресницы. Костерок почти погас, придавленный морозом. Но подбрасывать в него сучья не хотелось — не хотелось даже руку выпрастывать из теплого уютного спального.

А под утро погода резко изменилась: небо затянули тучи, на зубья Тыбги и Джемарука лег новый снег, потянуло ветерком. Надо было срочно двигаться дальше, спешить, чтобы дотемна проскочить альпику — здесь нигде укрыться от ветра, не разведешь костра. Поэтому собрались быстро, позавтракав всухомятку с чаем, и — на лыжи. Пошли ходко, прихлопывая лыжами, растянулись по склону вереницей, все больше отклоняясь вправо. Высота — 2500, курс — на юг. Хороший обзор вокруг: на севере — две огромные плиты, отвесно обрывающиеся к югу, — Большой и Малый Тхачи, на востоке — хребет Бабук и скалы Ачешбока. А впереди — главная вершина Бамбака — Парныгу, мощный снежный конус высотой 2778 метров на широком основании и с довольно крутыми боками. Перевалили через гребень, пошли на спуск — и вынуждены были остановиться: снег налипает на лыжи — ногу не поднимешь. Решили лыжи подсушить и смазать. Пока занимались этим, Насимович рассказал нартскую легенду про Ачешбок — Чертовы ворота.

«Говорят старые люди, что в той горе есть чудотворный источник, вода которого исцеляет все болезни и возвращает силу и молодость человеку, который искупается в том источнике и напьется из него. Но дойти до этого источника жизни очень трудно: его сторожит злой дух Дашкал, живущий в глубокой и мрачной пещере. Многие богатыри пытались пробиться к источнику, но Дашкал, владевший волшебным мечом, убивал смельчаков, превращал их в скалы. Однако нашелся у нартского народа богатырь, с которым злой дух не совладал. Этот молодец отнял у Дашкала его меч, а самого злого духа

приковал к стене в его пещере, зачерпнул из источника воды и принес ее людям. И вот с тех пор в горах появились источники с живой водой». — «А что случилось со злым духом? Помер от тоски и досады?» — пошутил кто-то из слушавших Насимовича. «Нет, не помер, а все пытается освободиться от цепей и дотянуться до меча. И когда Дашкал ворочается в своей пещере, пытаюсь освободиться, под землей раздается гул, и земля дрожит».

«Вот, оказывается, от чего землетрясения, а мы-то думаем!..»

Посмеялись, встали на лыжи — и снова в путь. Быстро скатились в верховья Бамбачки — притока Уруштена. Речка затерялась в сугробах, снег глубокий — лыжная палка до земли не достает. А по левобережью Бамбачки — прольсины, видна сухая прошлогодняя трава. Это типично для гор Западного Кавказа — в распределении снежного покрова здесь наблюдается целый ряд еще не изученных как следует закономерностей. Большая часть копытных зимою держится на этих самых прольсинах — выгревах и выдувах. На северных же склонах — в захладах — в небольших количествах зимует лишь серна, да и то на скалах, с которых ветры снег поддували. Однако и серны предпочитают зимой выгрева. Олени, туры, кабаны, да и серны тоже зимой обычно держатся значительно ниже, чем летом, спускаясь в пихтовые леса. Косули зимуют в лиственных лесах. А рядом с ними — и хищники: волк, рысь, в прежние годы и барс...

Остановились передохнуть, оглядеться. С восточных склонов Бамбака открывается великолепная панорама. На переднем плане, буквально за Уруштенем, змеится хребет Мастакан, за ним, в глубине, — вершины Трю, Ятыргварта, правее — острые зубцы Алоуса нацелились в белесоватые небеса, словно кто-то от земли старается дотянуться до снежно-белого руна, что закружилось над Западным Кавказом, и расчесать его пряди. Хребет Алоус — северо-восточный отрог Главного Кавказского хребта и является основным массивом, разделяющим бассейны Малой Лабы и Уруштена, и вместе с тем он — поперечный хребет, соединяющий известковый массив Трю-Ятыргварта с массивом Псеашхо.

Снежно-белое руно облаков набегало из-за спины — с запада, и ничего хорошего не предвещало. Скорее, наоборот... Вот и туманчик пополз, догоняет лыжников.

Сразу упала видимость. А склоны Бамбака все круче, все негостеприимнее, идти на лыжах становится все труднее. Особенно трудно переходить балки: снег настолько плотен, что не держит лыжи. Идти надо предельно осторожно. Насимович предложил снять лыжи и двигаться дальше пешком порядком. Все заповедниковские вняли его совету, а москвичи решили, что пробьются. Андрей не стал настаивать, но просил быть предельно осторожными — район очень скалистый, недаром Туровым замком назван, на многих местах снег сдут...

Группы вскоре разделились: пещие заторопились к криволесью напрямую, по выгревам, лыжники выбрали места прохода — и получилось дольше. Да еще у них один сорвался и прокатился по склону на спине. Хорошо — обошлось без последствий: умудрился зацепиться за скалу. Попереживали...

В криволесье, где решили заночевать, оказалось для всех вместе тесновато — пришлось разбивать два лагеря. Работалось тяжело: очень устали и оголодали. Поужинали, сварив на костре кашу, и молча устроились в спальниках на ночлег. Насимович посоветовал москвичам следовать примеру заповедниковских — обувь и перчатки сунуть на ночь в спальники, иначе утром не наденешь. Москвичи пожалы плечами, однако совета послушались и утром были рады убедиться, что не зря.

Вышли в дальнейший путь по туману — решили не ждать, пока разойдется. Никифоров сказал, что нужно ждать не чистого неба, а снега сверху. Дементеев и Оглоблин поддержали его мнение, и Андрей решительно скомандовал в путь.

Переход оказался еще более трудным, чем прежде. Выяснилось, что лыжи слишком длинные для ходьбы по крутым скалистым склонам, особенно — по имеющим форму желоба: иногда долго приходилось идти, опираясь только на пятку и носок лыж — вся остальная часть лыжи на весу. Сложно передвигаться и по захламленному лесу. Однако здесь без лыж делать нечего.

Снег пошел с полудня. Мокрый, тяжелый, налипающий на ресницы, на лицо. Идти стало еще труднее. Порою хотелось прислониться к крутому камню и постоять вот так с полчаса, закрыв глаза, ни о чем не думая. Или вообще сбросить лыжи, забраться в спальник — и пропади оно пропадом все это, что мелькает перед глазами в медленной круговерти белесой снежно-

туманной дымки! Но черневшие впереди скалы Джуги с нависшими на них снежными козырьками казались вражеским войском, облепившим крутую черную гору, наблюдавшим за лыжниками тысячью глаз, ждавшим, когда те совсем выбьются из сил, свалятся с ног, чтобы задавить...

Ночевали в молодом пихтарнике, соорудив шалаш — все затишнее, а значит, и теплее. Да и снег валил всю ночь — шалаш очень выручил наших путешественников. Утром выползли из своего укрытия и оказались в тумане, словно в молоке. Куда идти, в какую сторону? «Может, переждем?» — робко предложил кто-то из москвичей. «Нет, друзья, мы и так выбились из графика на целый день, — возразил Насимович. — Пойдем. По карте и по компасу. Поднимемся на луга — там тумана такого не будет».

И в самом деле — на лугах туман разогнал ветер. Снега, правда, здесь было поменьше, чем в субальпике, но идти было можно. И споро идти. Вскоре вышли на перевальную точку Челепсов — 2200 метров над уровнем моря. Остановились отдышаться. Под ногами — долина Уруштена, река змется глубоко внизу — темная лента в белых берегах. С той стороны над долиной стоит острозубый массив Алоуса, справа высятся посеребренные склоны хребта Уруштена. Черная стена Джуги уже не давит на психику своей неприступностью — это уже пройденный этап, впереди — веселый спуск к лагерю «Уруштен» по длинным снежным языкам полян. Лыжи стремительно несут вниз — только держись, не падай! Но тяжелые рюкзаки на крутых поворотах заносит...

Сильно блестит снег, и от этого крутизна склона скрадывается — даже темные очки не помогают определить его крутизну. Скользишь, полагая, что впереди нормальный спуск, а там, оказывается, обрыв, и уже не затормозишь. Опытные лыжники — москвичи в таких случаях делают крутой поворот и удерживаются в стойке, новички же — собственно, все сотрудники заповедника — таких поворотов делать не умеют и срываются. Туча снежной пыли, снег за воротом, рюкзак на голове...

Однако все обошлось благополучно. До лагеря спустились два часа и засветло успели оборудовать ночлег. Здесь домишки. Решили ночевать под крышей: зачем же зря судьбу пытаться? Тем более что к ночи разыгрался ветер, и столбик термометра скатился за минус 15.

Надо сказать, сильные ветры в долине Уруштена — явление обычное: со склонов Псеашхо скатываются массы хлодного воздуха, который остывает на леднике. Да и хребет Дзитаку тоже не теплом дышит.

Ветер разогнал снежные тучи, и утро выдалось ясное и солнечное. Решили, несмотря на срыв графика похода, задержаться в лагере на день — потренироваться, подучиться искусству владения лыжами. Юрий Мальцев — инструктор туризма и опытный горнолыжник инженер метростроевец Сергей Любский занимались с заповедниковскими целый день. И не без пользы — ученики были весьма старательными.

Но не только овладением горно-лыжной техникой занимались — делали снежные промеры, изучали следы зверей и птиц.

На другой день выступили в поход рано, на рассвете: долина Уруштена славится обилием снежных лавин, поэтому идти лучше по морозцу, пока снег скован. Да и переход предстоял довольно-таки «километражный» — от лагеря «Уруштен» до лагеря Холодного 16 километров, даже на лыжах далековато. Хорошо хоть то, что подъем некрут — на километр не более 30 метров в среднем. И первая половина пути пролегает по довольно широкой долине. Так что 8 километров пробежали как за себя кинули. Уруштен перешли по мосту, совершенно засыпанному снегом, похожему на снежную арку, опрокинутую над бурлящей рекой, и вступили в мрачное царство лавин. Узкая тропа заскользила вдоль крутого склона, по которому из-под снега густо торчали пни. Это след стремительной лавины. Упавшая буквально перед путешественниками лавина выкосила лес, поломала, согнула деревья и остановилась, выбросив длинные щупальца. Слово гигантское белое чудовище-спрут, поселившееся в лесу, пыталось сползти в реку, да и застыло в судорогах.

А вон по балке не спеша движется медленная лавина — не гремит и не пылит, лишь шуршит мирно так, словно она совсем ручная...

Обычно край лавины обрывист, и обрыв этот может достигать в высоту 20 и более метров. Лавины так называемого пылевого типа — огромное скопление сухого сыпучего снега — обладают колоссальными запасами энергии и таят в себе чудовищную разрушительную силу. Ударная волна от движения такой лавины уничто-

жает лес на противоположном склоне горы, деревья при этом укладываются веером, вершинами вверх по склону. Страшная, неукротимая стихия...

Отряд Насимовича от моста через Уруштен до Холодного насчитал четырнадцать лавин. Шли по Уруштепу, засыпанному лавинами, павшими с двух сторон, шли, словно по снежному коридору. Никаких следов, никаких звуков — мертвая сумрачная снеговая пустыня. Она давила, угнетала — даже громко разговаривать опасались.

И вдруг разразилась вьюга. Крупные снежные хлопья, колючие и жесткие, секли лица, не давали поднять головы. А шли уже на подъем к Холодному. Преодолели этот подъем с превеликим трудом — просто понимали, что нельзя снижать темп хода, нельзя давать себе послабление в такую снежную круговерть. К домишке на Холодном добрались уже из последних сил. Все вокруг свистело и гудело, белая бешено вращающаяся мгла поглотила, казалось, весь мир. А заодно и домишко: он оказался забитым снегом, даже потолок прогнулся под его тяжестью.

Наши путешественники принялись очищать свое пристанище от снега. Содрали часть пола и этими досками, как лопатами, сбросили снег с потолка, а затем заколотили ими же окна. За дровами для костра, что развели тут же, в домишке, пришлось идти в лесок, защищая лицо от колючего снега рукавом. Намаялись, в общем: обиталище свое готовили столько же времени, сколько потратили на переход от лагеря «Уруштен» до Холодного — четыре часа...

— Ну что, мужики, зазимует? — Насимович обвел глазами приунывших товарищей своих. В неверном, прыгающем при порывах ветра, воющего за стеной, свете свечей осунувшиеся лица путешественников казались масками, вылепленными из снега. Даже ужин, состоявший из супа с мясными консервами и крепкого чая, не взбодрил парней — вымотались вконец. По хижине бродили, как тени, тихие и темные, даже разговаривали вполголоса. Но раскисать нельзя! Неизвестно, как и чем обернется завтрашний день. И послезавтрашний: Холодный — место особенное, здесь непрерывно дует. Даже летом неуютно. Так что...

Раскисать нельзя... А как — чтоб не раскиснуть?

— Что молчите? Неужто не хотите отдохнуть денек-другой? — Насимович улыбнулся.

— Не поняли юмора, Андрей Александрович, — пробурчал в ответ Григорий Белоглазов. — Объясни популярней...

— А что тут объяснять? — Насимович сдвинул брови, отчего они, и так почти сросшиеся, вытянулись темным жгутом. — Что тут объяснять... Сегодня восьмой день пути. Продуктов мы брали на десять дней. Вьюга, как видите, разыгралась не на шутку, и когда эта вся свистопляска закончится — сказать трудно. Идти отсюда до Красной Поляны — день, не меньше. Вот и смекайте, о какой зимовке я говорил...

Дебатировать особенно было не о чем. Решили не колеблясь: нужно урезать паек. И не паниковать!

Спать было тепло — снег, который намело вокруг хижины, защищал от ветра. Ветер бушевал всю ночь и был таким напористым, что открыть дверь одному было не под силу — наваливались гуртом. И поэтому старались не выходить из хижины без особой нужды. Даже днем пролежали в спальниках, экономя энергию. Самочувствие было неважным — как всегда у деятельных людей от вынужденного безделья и неопределенности. Тем более что вьюга, казалось, не только не стихает, но набирает силу. «Попали мы в ловушку...» — ворчали самые слабонервные, забираясь в спальники после прогулки за дверь, в бешено вертящуюся холодную мглу.

Но к следующему утру ветер вдруг затих, и снегопад прекратился. Псеашхо, укутанный молодым снегом, предстал перед посветлевшими взорами «зимовщиков» во всем своем неотразимом великолепии. Западнее серебром светился острый конус горы Перевальной — путь был открыт, и надо было спешить воспользоваться им.

Спуск к реке Холодной не составил трудности. Легко проскользнули лыжи и по снежному мосту через нее. Но подъем на перевал достался с большим трудом. Шли по густому криволесью, заваленному трехметровым слоем снега. Верховья Уруштена, озера Дзитаку — все под толстым снежным одеялом. На гребнях гор — снежные козырьки. Чем только держатся! Кажется, гукни посильнее — и рухнут они тысячетонными массами, ломая на своем пути скалы, заваливая балки, уничтожая тропы...

Вся надежда на крепкий мороз: это он держит снежные козырьки на гребнях. И пока стоит мороз, лавины не рухнут. Но надо поспешать. И путешественники поспешали из последних сил. За два часа безостановочного

бега группа Насимовича вышла на перевал. 2050 метров над уровнем моря. Где-то здесь должен быть камень. Он, высоченный — 5 метров! — стоит почти на самой перевальной точке. Осмотрелись — нашли: лишь вершинка камня выступала из снега. «Оро!» — сказал Белоглазов и принялся устанавливать треногу фотоаппарата — ведь именно от этой точки перевала растекаются в разные стороны Уруштен и Пслух, берущие начало на склонах Перевальной долины.

Ребята дружно помогали Григорию Ивановичу, заслужившему их глубокое уважение: ведь он всю дорогу сам тащил на горбу громоздкую треногу с тяжеленным рюкзаком и спальником. И не пищал!

Снимки сделаны — снова в путь. Вышли на Бзерпский карниз, к Медвежьим воротам, и тут ледник Псеашхо спохватился — выдохнул из своих арктических недр накопившийся за два часа холодный воздух и обжег им и без того задубевшие на морозе лица. Дул ледяным ветром в спины зло и настырно, словно сожалел, что выпустил людей из своей ловушки.

С Бзерпского карниза на лыжах не спуститься — больно крут, даже не заглянешь вниз. Решили идти в обход — по хребту Бзерпи, затем по его отрогу Псекохо, на который выходит главная тропа. Но до этой тропы надо еще добраться...

Несмотря на ледяной ветер, подгонявший лыжников, Белоглазов решил «поснимать» и с Бзерпского карниза: вон какая красота вокруг! И действительно, вид отсюда великолепный: на западе царапают небо скалы Ассары и Чугуша, что вздыбился выше всех соседних гор, четко вырисовываются очертания Ачишхо, просматривается Чура; к югу змеится Аибга, у подножия которой, по правому берегу Мзымты, рассыпала свои домики Красная Поляна; прямо к ней, на юго-запад тянется Псекохо, дальше высятся громады Псеашхо, а еще дальше вглубь убегает Аишхо. В общем, весь Западный Кавказ перед глазами. Как тут удержаться от фотографирования!

Но ледник делал свое дело терпеливо и умеючи: пока Белоглазов возился с треногой, поднялся туман. А склон, по которому выходить на Псекохо, очень крут, снег на нем держится зыбко, идти нужно крайне осторожно. С трудом прошли по хребту Бзерпи — и заскользили вниз. А следом за ними и туман, перевалив хребет, заскользил вниз по водоразделу Псекохо. Види-

мость сузилась до 40 метров, все, что дальше за этим кругом, — молоко. А место здесь лавиноопасное. Пришлось «спешиться» — снять лыжи. Насимович решил послать разведку. Вызвались альпинисты С. Любский, Г. Белоглазов и П. Буков. Вскоре в дело пошли веревки и ледорубы — впереди обрыв. Минут через пятнадцать разведчики подали голос: «Можно идти!» Пошли, соблюдая десятиметровую дистанцию, используя лыжи как опорные палки. Шли точно по гребню, снег уползал из-под ног, ссыпаясь по склону, ноги проваливались до камня, и все вокруг казалось абсолютно ненадежным — весь этот черно-белый каменно-снежный мир. Если бы не мороз, здесь не пройти — это место рождения лавин.

От напряжения прошибало потом. Ветер схватывал мокревшую одежду, обдувал потные лица, затягивая их ледяной корочкой. Скорей бы в лес!

И вот отряд в лесу. Здесь снег плотный, его много, лыжи идут — поют: скорее, скорее, скорее к жилью, в тепло...

И вдруг снег кончился. Незаметно как-то исчез, словно и не было его еще полсотни метров назад. Значит, север кончился, значит уже юг! И птицы — чу! — поют, и вон следы кабаньи, совсем свежие... Юг!

Еще одно усилие — и зимний марафон через весь заповедник завершился в Красной Поляне.

* * *

Поставил точку и... еще раз перелистал почти полувековой давности дневниковые записи А. А. Насимовича, что легли в основу этого очерка. Перелистал и задумался: ну что влечет людей на такие вот маршруты? Чем привлекательны лишения, опасности, подстерегающие на каждом шагу, причем опасности порою смертельные? Что за сладость в горько-соленом поте, заливающим глаза и хлюпающем в сапогах, какая радость в невыразимой усталости, когда пересохло в глотке, когда дрожит и всхлипывает каждая жилочка в тебе, а сердце колотится так, что кажется — сейчас лопнут, повыламываются ребра? Ну что подталкивает, заманивает людей к вершинам гор, в дебри тайги, в таинственно пугающий мрак пещер, в глубины океана и бездну космоса — что? Тщеславие? Нет, тщеславие не любит рисковать собою, здесь требуется мужество, которым тщеславие не обладает.

Безрассудность? Нет, здесь всем руководит здравый смысл, жесткая логика, глубокое осмысление каждого шага, всякого действия. Тогда — долг? Да, долг — он в этом подвижничестве мощная движущая сила. Но главное — неудержимо влекущее и манищее путешественника-исследователя — это жажда познания. Человек потому и человек, что непрестанно жаждет знаний, новых открытий, новых свершений, к которым ему непременно нужно приложить свою руку, свой разум. А это возможно лишь в постоянном, непрерывном восхождении к новым и новым вершинам. Пытливый ум, взойдя на вершину, никогда не успокоится достигнутым, но спросит, видя вдали новые вершины: а что там, за теми горами?

* * *

Изучение зимних условий жизни животных в заповеднике продолжалось и в последующие годы. В итоге А. А. Насимович написал ценную работу «Зима как узкий период в жизни копытных Западного Кавказа».

В эти же годы зоологи заповедника деятельно исследовали биологию хищников, обитающих в заповеднике. Работы В. П. Теплова и С. С. Донаурова по биологии самого вредоносного хищника — волка до сих пор являются путеводной нитью в изучении биологии этого вида. В отчетах зоологов заповедника тех лет можно узнать много интересного и о повадках медведя, шакала, лисицы, куницы, дикого кота, рыси и уж совсем даже в те далекие годы редко встречавшегося барса (леопарда кавказского).

30-е годы характерны и широкими ботаническими исследованиями в заповеднике. Эту работу вели научные сотрудники Лесной опытной и Горно-луговой станций. О глубине и большом научном значении ботанических исследований тех лет можно судить по таким работам, как статьи А. В. Кожевникова «Материалы по экологии буковых лесов Западного Кавказа» и «К методике изучения растительности на раункиеровских площадках в лесах Западного Кавказа», как «Типы леса Кавказского государственного заповедника» Л. И. Соснина. Широко известны лесоводческие работы геоботаника-лесовода П. Д. Лазука, обследовавшего 60 тысяч гектаров горных лесов заповедника.

В 1932 году Лесная опытная станция развернула опыты по интродукции экзотических древесно-кустарниковых пород, были заложены питомники растений Дальнего Востока, Америки, ряда других стран. Эти опыты позволили затем рекомендовать для хозяйственного разведения в горах такие породы, как дугласия, ликвидамбр, криптомерия, катальпа, тюльпанное дерево, бархат амурский и другие.

Летом 1933 года Лесную опытную станцию заповедника, обосновавшуюся в Красной Поляне, посетил академик Николай Иванович Вавилов — ученый с мировым именем, основоположник современного учения о биологических основах селекции и учения о центрах происхождения культурных растений, первый президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Приехал он с сыном Сергеем и, как принято теперь говорить, с сопровождающими лицами на двух легковых машинах из Ростова, остановился в краснополянской гостинице и сразу же направился на опытную станцию. Заведовавшего в то время станцией А. Я. Шмидта не было, и гостя встретила научная сотрудница станции А. И. Северова, заведующая интродукционным питомником. Она рассказала Н. И. Вавилову о работе станции, показала ему коллекцию плодов грецкого ореха, собранную в районе Красной Поляны, главным образом в старых и заброшенных черкесских садах. В коллекции было представлено 28 форм, отличавшихся по величине, структуре скорлупы и по другим признакам. Коллекция Вавилову очень понравилась, и он сказал, что из-за одной этой коллекции, показывающей большой полиформизм грецкого ореха и большие перспективы для его селекции, стоило посетить Лесную станцию заповедника.

На другой день приехал А. Я. Шмидт и организовал по просьбе Н. И. Вавилова поездку в горы верхом на лошадях. Поездка была небольшой — выехали утром и к вечеру вернулись. Вавилов рассчитался за лошадей, похвалил маршрут, но высказал сожаление, что поездка эта не удовлетворила его любопытства. Ученый хотел побывать в глуши, в одичавших черкесских садах, он хотел видеть дикие фруктовые породы...

На третий день пребывания в Красной Поляне Николай Иванович попросил показать ему опытный интродукционный питомник. Выехали в питомник рано ут-

ром — в четыре часа. Свой рабочий день Н. И. Вавилов начинал очень рано, говоря, что жизнь коротка, а сделать надо успеть многое. В питомнике академик осмотрел каждую грядку, особо заинтересовавшись сеянцами грецкого ореха.

Посещение Н. И. Вавиловым Лесной опытной станции воодушевило лесоводов заповедника на более широкие и более смелые исследования и эксперименты.

30-е годы оставили заметный след и в изучении растительности высокогорных лугов, в инвентаризации богатейшей флоры заповедника. Изучению лугов начало было положено еще экспедицией профессора М. И. Крылова, когда пришлось воевать за границы заповедника. И это были, так сказать, «обозрительные» исследования — что за луга, велика ли их площадь и в каком они состоянии? А первые флористические сборы на территории заповедника были сделаны А. И. Лесковым — в 1928—1930 годах. Затем научные сотрудники заповедника А. В. Кожевников и Н. П. Введенский делали флористические сборы. Особенно ценными оказались сборы Н. П. Введенского, который нашел на Фишт-Оштенском массиве ряд редких для Кавказа видов и в том числе четыре вида ранее науке неизвестных — один из них, мытник, назван именем Введенского.

Очень большую работу по изучению флоры Кавказского заповедника проделала Л. Н. Васильева, особенно флоры грибов, лишайников и мхов. В опубликованной ею сводке по грибам заповедника дается описание 722 видов, среди которых ряд новых для науки, для СССР и Кавказа. Новые, не обычные для Кавказа виды были найдены и среди мхов и лишайников.

В ученом мире чтут имя ботаника Ричарда Аполлинарьевича Еленевского, положившего начало геоботаническим исследованиям высокогорных лугов. Его очерк «Горно-луговые этюды Кавказского заповедника», красочно и живо характеризующий растительные ландшафты заповедника в сопоставлении их с другими районами Кавказа, горными районами Европы и Азии, и поныне не утратил своего научного значения. На основе исследований высокогорных лугов заповедника Р. А. Еленевский разработал общие ландшафтные и классификационные схемы, увязав их с другими районами Кавказа, Альп с целью выяснить место Западного Кавказа в системе горных систем Евразии. Одна из главных работ

Р. А. Еленевского — «Основные ландшафтные черты луговой растительности северного склона Большого Кавказа (Фишт — Казбек)». Р. А. Еленевский много ходил. Например, в 1938 году он проделал рекогносцировочный маршрут вдоль Главного Кавказского хребта от Фишта до Эльбруса с целью выяснить основные ландшафтные смены растительности. Современники помнят Еленевского юношески энергичным, брызжущим жизнелюбием, заражающим окружающих неизбывным энтузиазмом. Он и научные труды писал так, что ими можно зачитываться, как зачитываются рассказами путешественников по далеким, неизведанным странам. Вот, например, как начинаются его «Горно-луговые этюды»: «В ближайшем соседстве с одним из наиболее посещаемых районов нашего Союза — Сочинским побережьем Черного моря — по горным скатам Главного Кавказского хребта и его отрогов, выше верхней границы леса расположены обширные высокогорные субальпийские луга, поражающие буйным ростом травостоя, яркостью красок и богатством своего флористического состава. Выше субальпийских лугов располагаются не менее красочные и капризные в своих рисунках альпийские луговые ковры, которые вместе с лежащими ниже высокогорными образованиями как бы венчают горные массивы Западного Кавказа.

Все здесь чудесно — и громадные заросли субальпийского высокогорья, в чаще которого свободно скрывается человек на лошади, и широкий простор альпийских ковров, и необычная для Кавказа нетронутость луговой растительности. Целыми днями едешь по этим горно-луговым скатам — и ни одной живой души, кроме дикого зверя: стада серы, горных туров, оленей... И разве, действительно, не диковина, что здесь, в каких-нибудь 80—100 километрах от Сочи, встречаются такие обширные мало тронутые человеком луговые массивы, в то время когда повсеместно по Кавказу столь обычные сильно вытравленные луга. И разве не странно, что именно этим лугам Западного Кавказа не посвящено ни одно описание?..

А в то же время именно эти луга со своим ярко выраженным мезофильным океаническим типом, своей своеобразной реликтовостью, своим флористическим богатством, в условиях исключительной нетронутости представляют выдающийся интерес для науки. Можно

без преувеличения сказать, что в лице их мы встречаем наиболее яркий и красочный тип высокогорной растительности, как нигде в другом месте Евразии. Даже воспетые многими ботаниками луга Алтая ни по мощности травостоя, ни по богатству и яркости флоры не в состоянии конкурировать с высокогорными лугами субальпийки Западного Кавказа. Здесь более южное географическое положение, сравнительно большая сумма тепла при исключительном избытке осадков, достигающих в отдельные годы до 3000 миллиметров, выгоняют мощный травостой гигантских двудольных. А изолированное, почти островное положение в третичное время горных поднятий Кавказа, стык с Малой Азией немало способствовали в процессе развития флоры созданию того особого букета трав, в значительной мере реликтового, оставляющего неизгладимое впечатление у каждого, впервые попадающего в эти замечательные места».

Ну скажите, разве это не поэзия? Так писать научные отчеты может лишь человек, влюбленный в жизнь, в природу, положивший на ее алтарь свой разум и свое сердце.

Вот за эту влюбленность в природу и в свое дело Ричарда Аполлинарьевича любили в заповеднике все — любили этого «весьма уже пожилого, хрупкого сложения человека с белоснежной шевелюрой и горящими карими глазами», как пишет о Еленевском Э. Н. Альпер, на которую он оказал большое влияние как ученик и наставник.

И вот теперь о самой Эвелине Натановне Альпер, легендарной Веле, чьи глубокие исследования флоры Кавказского заповедника, чья познавательская одержимость и неутомимость в деле могут служить примером безоглядного служения науке. Научные труды Э. Н. Альпер и по сию пору являются серьезным подспорьем для многих современных исследователей растительного мира Западного Кавказа. Созданная Э. Н. Альпер еще в 1939 году флористическая сводка, включающая около 1400 видов высших растений, ее общедоступный определитель полезных растений заповедника, куда вошли лекарственные, пищевые, плодоягодные и прочие растения, а также особо ядовитые, не устарели и поныне, да и вряд ли устареют.

Мне часто приходилось слышать имя Альпер — к нему апеллировали научные сотрудники заповедника в своих

спорах и доказательствах. На Альпер ссылаются ботаники и зоологи, даже такие корифеи, как Е. В. Шифферс и С. В. Зонн. И я сначала думал, что Альпер — это ботаническая маститая знаменитость времени Н. Я. Динника, то есть конца прошлого века. Или в крайнем случае начала XX века. И вдруг узнаю, что знаменитость эта скромно трудилась в Кавказском заповеднике с 1937 по 1954 год, до 1976 года жила в Красной Поляне, а сейчас живет в Киеве. Один из старейших работников заповедника, ныне почетный член Географического общества СССР Петр Алексеевич Савельев дал мне адрес Э. Н. Альпер — и вот у меня в руках ее письма. Первое, второе, третье... Добрые, немного грустные — ведь человек преклонных лет вспоминает свою молодость, годы работы в заповеднике, который — «моя радость и моя боль»...

Коренная ленинградка, Эвелина Альпер училась в Ленинградском университете у таких ботанических светил, как академик В. Л. Комаров (будущий президент АН СССР), академик В. Н. Сукачев, профессор Н. А. Буш, и других не менее знаменитых корифеев науки. Дипломную работу Альпер делала в Крымском заповеднике — и влюбилась в горы. Поэтому, когда ей предложили работать в Кавказском государственном заповеднике, она согласилась без колебаний.

В 1937 году, когда Альпер приехала в заповедник, ботаники обитали в Красной Поляне вместе с лесоводами. Из зоологов, вспоминает Э. Н. Альпер, в Южном отделе, то есть в Красной Поляне, находился только И. В. Жарков. Управление заповедника размещалось тогда в Гузеришле, где жили все научные сотрудники, кроме зоологов, которые находились на кордоне Киша. Несмотря на такую разобщенность, коллектив научных сотрудников и наблюдателей заповедника работал очень дружно и плодотворно, в основном на энтузиазме — зарплата в то время как у научных работников, так и у наблюдателей, была крайне низкой. Но именно в те годы из-под пера ученых, работавших в заповеднике, вышли работы, на которые до сих пор ссылаются и еще долго будут ссылаются нынешние и будущие зоологи и ботаники, лесоводы и почвоведы. Именно в те годы прославились любовью и преданностью своему очень нелегкому делу многие наблюдатели заповедника — следопыты и охранители природы, проводники и верные

помощники ученых. Один из старейших работников заповедника, вступивший на его тропы в 1933 году наблюдателем и закончивший более чем сорокалетнюю службу в нем лесничим Южного лесничества, Василий Михайлович Татарков из наблюдателей тех лет называет Александра Васильевича Никифорова, Петра Прокофьевича Гукова, Петра Ивановича Комнатного, Ивана Павловича Станкевича, Алексея Федотовича Цыркунова, Якова Федоровича Бельмеса, Илью Семеновича Дементеева и еще многих. И о каждом из них можно написать если не повесть, то большой очерк. Ну а если взяться за рассказ о Борисе Артамоновиче Заславском, работавшем еще с Х. Г. Шапошниковым, то получится большая и занимательнейшая книга, ибо человек этот стал легендой еще при жизни.

Интересно можно написать и о многих научных сотрудниках заповедника тех лет. О тех же Ю. В. Авенине и С. С. Донаурове — зоологах, или о лесоводах Л. И. Соснине и П. Д. Лазуке. Но — увы! — нельзя объять необъятное, и я смогу лишь немного рассказать о тех, кого коснется мое повествование. Вот как про Велю Альпер, например. Веля — ее так стали звать чуть ли не на второй день после появления в заповеднике: несколько аристократическое и даже чопорное «Эвелина» как-то не вязалось с этой маленькой хрупкой, но упрямой до отчаянности девчушкой, безропотно взвалившей на свои тонкие плечи огромный рюкзачище с тяготирами высокогорных экспедиций. Абсолютная горожанка, она боялась даже подойти к лошади, а ей сразу же пришлось преодолевать верхом большие расстояния по узким горным тропам. Но верхом ездить приходилось мало — все больше пешком, с рюкзаком и тяжеленными гербарными папками за плечами.

О своем первом выходе в горы Альпер вспоминает с мягким юмором: «При самом первом своем подъеме на Аишхо-1, дойдя всего лишь до верхней границы леса, я вдруг почувствовала, что совсем не могу идти дальше, что безумно хочу спать... И легла тут же, на тропе, и мгновенно уснула. А проснулась только тогда, когда мои спутники, уже успевшие подняться к перевалу, спустились ко мне. Оказалось, что со мною приключилась горная болезнь. Мне было и смешно и страшно, неловко... Но больше со мной такого никогда не было».

Очень трудно, невероятно тяжело было этой женщи-

не в первое время работы в заповеднике. Сколько раз, остужая горящие от рюкзачных ремней, натертые этими ремнями плечи, плакала она, забившись в темный угол балагана, от боли, от непроходящей усталости, от отчаяния, наконец, и говорила себе, что это последняя экспедиция, что, спустившись с гор, бросит все и уедет в Ленинград. Насовсем. Безвозвратно — эти горы не по ней. И уезжала на камеральные работы (у нее была такая возможность — обрабатывать собранные летом в заповедных горах материалы в Ботаническом институте Академии наук, в его Кавказском отделе всю осень и зиму). А весной ее снова тянуло на Кавказ, в заповедник, и она возвращалась. «...Пожалуй, самым главным «подвигом» в своей жизни я считаю то, что преодолела все трудности, свою слабость, непригодность и не оставила работу в КГЗ, хотя у меня тогда были все возможности остаться работать в Ленинграде», — вспоминает Э. Н. Альпер.

Да, преодолеть самое себя, свою слабость — это нужно уметь, это требует характера. И бывает, что такое преодоление действительно можно назвать подвигом — без кавычек. Ведь горы слабых не приемлют. Они их отвергают, пытаются избавиться от них раз и навсегда, пугая узкими тропами над пропастями, дремучими дебрями непроходимых лесов, невиданной мощи и размаха грозами, бурями, внезапными снежными зарядами, обвалами, оползнями, хищными зверями и ядовитыми тварями. И если ты слаб в коленках, если хлипкая у тебя душа и вся твоя любовь к природе, страсть к путешествиям и неодолимая любознательность суть показуха, блажь и притворство, — пощады от гор не жди и в горы лучше не ходи: пропадешь.

Альпер тоже горы страшила. Сначала они окропили ее росой с борщевика, оставив на лице и руках болезненные, долго не заживающие ожоги. Затем вытряхнули на ее коня осиное гнездо, и конь сбросил ее. И напустили на нее и ее спутницу-студентку страшную, невиданную ими дотопе почную грозу, прижав их к земле на берегу озера Кардывач под открытым небом. А сколько раз приходилось переправляться вброд через бурные стремительные и ледянохолодные горные речки, что для Альпер, не умеющей плавать, было тяжким испытанием. В общем, много чего было неприятно. Но все это перетерпелось. И как-то незаметно для окру-

жающих, а еще более для себя робкая и тихая Веля Альпер превратилась в очень незаурядного ученого, крепкого характера, бескомпромиссного человека, не стеснявшегося сказать в лицо правду любому, имевшего свое мнение и умевшего это мнение отстаивать. Но, познавшая, почему фунт лиха на горной тропе, Веля Альпер даже в принципиальном споре всегда оставалась доброжелательной и терпимой к товарищам и всегда искренне радовалась успехам других. Ее бескорыстие просто поражало. Она, чрезвычайно требовательная к себе, считала это элементарной нормой жизни. И когда профессор Н. А. Буш предложил Альпер готовить диссертацию на основе ее сводки по флоре заповедника, Альпер наотрез отказалась, считая, что еще мало знает для настоящего ученого, что мало еще сделала для науки и что, кроме всего прочего, она не флорист-систематик, а геоботаник и цель ее исследований — высокогорные луга. В общем, как сказали некоторые, держала Веля синицу в кулаке, да и выпустила ее...

Но что значат кандидатские и докторские степени тех, чьи диссертации пылятся на полках, никому не нужные и всеми, даже их авторами, забытые, в сравнении с трудами настоящего, хоть и не «остепенившегося» ученого, с трудами, всем известными и всем нужными настолько, что порою и автора не вспоминают, цитируя...

В общем, в 30-е годы совсем еще молодой коллектив Кавказского заповедника стремительно приобретал авторитет и вес в ученом мире, привнес в науку многое такое, что и поныне не утратило актуальности. Именно в те нелегкие годы этот коллектив принял дерзновенный план восстановления популяции горного кавказского зубра. И можно только представить, как широко зашагал бы коллектив Кавказского государственного заповедника, если бы не война...

ОБЕЛИСКИ В ГОРАХ

В глубине заповедника, на берегу реки Чистой, под скалою, в густых зарослях чернеет сруб. Он почти сгнил. Много лет прошло с того дня, когда его здесь срубили солдаты, насмерть вставшие на пути фашист-

ских захватчиков, рвавшихся через Главный Кавказский хребет к Черному морю. Может, это был штабной блиндаж, а может, банька — кто теперь скажет? Да и неважно это. Главное в том, что сруб этот живо напоминает о суровых и крайне тяжелых месяцах героической обороны Кавказа. Он как памятник, хранимый не людьми — природой, ибо мало кому известно это место. Люди оберегают другие памятники тем далеким, но незабвенным дням — на горных тропах и перевалах, в пригородных поселках белеют в зелени берез и дубов, пихт и кленов, на многоцветье высокогорных лугов скромные обелиски. Здесь нет мрамора и гранита, нет бронзы, не пылают здесь прозрачные в солнечном свете факелы Вечного огня. Скрепленный цементом дикий камень с привинченной металлической доской, или сваренная из листовой стали тумба, увенчанная стальной же звездой, простые, идущие из глубины вечно тоскующего сердца слова бесконечной, неизбывной благодарности ныне живущих тем, кто осенью и зимой 1942 года в этих скалах и долинах положили свои жизни на алтарь Отечества, — вот какие обелиски стоят в горах. И если тебе, мой читатель, посчастливится побывать когда-нибудь в Кавказском заповеднике и пройти по тропе, обочь которой стоит такой обелиск, низко поклонись памяти защитников нашей Родины, вспомни, что смертью своей ранней они даровали тебе долгую счастливую жизнь...

Стоит обелиск и в Гузерипле — центре Северного лесничества. На одной из его граней — список имен солдат и офицеров, погибших в том памятном неравном бою, когда был разгромлен авангард гитлеровских войск, попытавшихся с ходу овладеть столь невзрачным поселком.

...В августе 1942 года военная обстановка в предгорьях Западного Кавказа ухудшилась. После ожесточенных четырехдневных боев на рубежах рек Кубани, Лабы, Белой, к исходу 9 августа фашистские танки ворвались в Майкоп. 12 августа гитлеровцы захватили станцию Белореченскую, 13 августа — Тверскую, 18 августа — Хамышки и 19-го подошли к Гузериплю. Фашисты рвались кратчайшим путем к Белореченскому перевалу.

В эти же дни, прорвавшись в долину Большой Лабы, фашистские войска перешли Умпырский перевал и заняли кордон Умпырь. Обтекая хребты Ачипста и

Алоус, они устремились по долине Малой Лабы к перевалу Аишхо-1, а по долине Уруштена — к перевалу Псеашхо.

Фашисты полагали, что путь в Сочи для них открыт. Но споткнулись о мужество и стойкость советских солдат. Бой завязались в урочище Цахвао и на подступах к лагерю Холодному. Яркой выраженной линии фронта здесь не было. Враг, имея специально подготовленные горные части, использовал для проникновения через Кавказский хребет каждую дорогу и тропу, действуя как крупными, так и небольшими диверсионными группами. В директиве Ставки Верховного Главнокомандования командующему войсками Закавказского фронта от 20 августа 1942 года отмечалась именно эта характерность тактики немецко-фашистских войск, штурмовавших Кавказ. В этой директиве подчеркивалось, что Кавказский хребет только тогда становится непроходимой преградой для противника, когда его умело и упорно защищают¹.

Тропы и горные перевалы на территории Кавказского государственного заповедника, на которых в августе и сентябре развернулись бои с фашистами, защищались умело и мужественно. Бок о бок со стоявшими здесь насмерть бойцами и командирами Красной Армии сражались на этих тропах и перевалах наблюдатели заповедника. Они были и бойцами, и проводниками, и связистами. Уже в 1941 году на фронт ушли основные кадры работников заповедника. За этот год заповедник передал армии почти всех коней — сто или более голов — со всем верховым и вьючным снаряжением. А когда огонь войны запылал на территории заповедника, на передовой линии оказались все.

...В Гузерипле, где тогда находилось управление заповедника, стекались беженцы. Из оккупированных станиц и городов Кубани, из Майкопа пришли и приехали сюда женщины с детьми, здесь было немало раненых бойцов, пригнали сюда и часть скота, эвакуированного с Кубани. Стало тяжело с жильем, с продовольствием. Но люди кое-как устраивались, жили в тревоге, в ожидании беды, но жили дружно. Научные сотрудники заповедника под руководством Леонида Ивановича Соснина не оставляли исследовательской

¹ История второй мировой войны, т. 5, с. 211.

работы, только теперь она приобрела оборонный уклон. Так, Альпер продолжала работы по изучению лекарственных трав, уточняла методику их сбора и сушки. Заповедник организовал широкие заготовки скополии, белладонны, валерианы, шиповника, черники и другого лекарственного сырья. Все это шло на оборону.

Надо сказать, что научно-исследовательская работа Э. Н. Альпер по лекарственным растениям, проведенная ею в первые годы войны, получила высокую оценку — за эту работу Альпер была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Жил напряженной жизнью Кишинский зубропарк, захват которого фашисты считали одной из первоочередных задач военных действий в этом районе.

И ничего не было удивительного в том, что в прифронтовом лесном поселке для детей сотрудников заповедника и беженцев организовали экстернат за десятилетку. Бумагу, карандаши и учебники доставил для школы из Сочи По-2 — «кукурузник».

А огненный вал войны катился по степям Северного Кавказа, как подгоняемый ветром шар перекати-поля.

Рота бойцов 319-го полка 20-й горно-стрелковой дивизии под командованием старшего лейтенанта Федора Шипа вошла в Гузерипль в ночь на 18 августа. Собственно, она не в самый поселок вошла, а расположилась возле него, на опушке леса, заняв огневую позицию в полутора километрах от поселка ниже по течению Белой, заперев каменную теснину урочища Рыбалкин обвал станковыми пулеметами и минометами. Вокруг поселка встали заставы. Утром жители Гузерипля — те, кому нужно было сходить за водой, выгнать на пастбу коровенку, впервые за всю войну слышали строгие окрики: «Стоять! Кто идет?» И обрадовались: войска пришли, значит, враг сюда не пройдет! И успокоились люди. А то ведь начала нарастать паника — фашисты в Хамышках, а долго ли проскочить ихним машинам оставшиеся до Гузерипля 15 километров по хорошей дороге! И люди готовились идти в горы. А люди эти были в основном женщины, дети, да еще раненые бойцы...

Днем над горами, там, где размещался зубропарк, над Гузериплем кружили фашистские самолеты, нагоняя тоску и уныние, ночью поселок погружался в крошечную тьму — хоть глаз выколи.

Старший лейтенант пришел в поселок, попросил собрать все население, обратился к нему с краткой речью:

— Товарищи, будьте спокойны за себя и своих детей — мы врага сюда не пропустим, ни один фашист живым в Гузерипле не появится, пока мы живы. Но нам нужна ваша помощь — нужно построить несколько дзотов...

...С приходом роты Федора Шипа в поселке воцарилось спокойствие. Люди уверовали в то, что гитлеровцы сюда не пробьются. Через сутки передовой фашистский отряд наткнулся на огневой заслон красноармейцев. Бой был жестоким, но коротким. Наши бойцы не жалели ни патронов, ни мин, ни гранат. Попавшие под кинжальный огонь с флангов гитлеровцы, потеряв больше половины колонны убитыми, ринулись в панике назад. Уйти удалось немногим...

Наших погибло трое. Их захоронили в братской могиле — это рядом с нею стоит обелиск на кордоне Гузерипль, это их имена начертаны на нем — политрука роты старшего сержанта Зиновьева, пулеметчика младшего сержанта Габова и еще одного бойца, чье имя, к сожалению, не установлено.

В феврале 43-го в эту могилу легли еще двое — военные летчики лейтенант Леонид Шульгин и техник-лейтенант Василий Бирюков. Их имена высечены на камне обелиска...

После разгрома гитлеровцев под Гузериплем он стал опорной базой действовавших в этом районе военных и партизанских подразделений. Здесь был организован госпиталь. По инициативе Федора Шипа в Гузерипле была создана группа содействия Красной Армии, в которую вошли все наблюдатели и научные сотрудники заповедника, находившиеся в Гузерипле. Командовал группой Константин Григорьевич Архангельский, а политруком был назначен директор Гузерипльского лесного участка Майкопского леспромхоза Анатолий Яковлевич Шишов. В общем, вооружены были все, даже бухгалтер выходил на работу с винтовкой. Сотрудники заповедника несли постовую службу наравне с солдатами, патрулировали окрестную территорию днем и ночью. Мост через реку Белую, собственно, не мост, а кладка, на ночь поднимался воротом, а на день вновь соединял Гузерипль с леспромхозом.

Наблюдатели заповедника за активное участие в

обороне Кавказа отмечены медалью «За оборону Кавказа».

Обломав зубы об Гузерипль в открытом бою, фашисты пытались разбомбить поселок. Заодно они бомбили и зубровый парк. Вместе с бомбами фашистские летчики сбрасывали листовки с призывом сдаваться. В Хамышках немцы объявили населению, что Гузерипль уничтожен со всеми его защитниками, и призывали не пить воду из Белой, так как она, дескать, смешалась с кровью, и река наполнена трупами солдат и партизан...

Над этой выдумкой потешались и в Гузерипле, и в Хамышках — ходила ведь хамышкинские по горным тропам в гости в Гузерипль...

30 августа вечером Федор Шип вызвал к себе наблюдателей А. Ф. Цыркунова и П. И. Комнатного.

— Я получил сведения, что минометный взвод, шедший к нам в Гузерипль на подкрепление, напоролся в верховьях Белой на фашистов и, уклонившись от маршрута, заблудился. Нужно найти взвод и вывести его в Гузерипль. — Старший лейтенант развернул карту. — Вот смотрите, где он может быть...

Алексей Федорович и Петр Иванович во главе небольшого подразделения солдат вышли на поиски взвода минометчиков утром 31 августа вверх по Белой. Погода стояла ясная, и отряд двигался ходко — уже к вечеру вышли в урочище Горелое, где обосновался партизанский отряд. Здесь, у партизан, и заночевали.

Утро 1 сентября началось мелким дождем, который к середине дня полил по-настоящему, по-осеннему. Решили, пока не поднялась река, перебраться через Белую на левый берег и идти напрямую через гору Бзыке. И здесь их остановил окрик: «Стой! Кто идет?» Это были минометчики.

Им пришлось туго, минометчикам, спешившим на подкрепление к роте Федора Шипа. Не зная гор, не ведая троп, с материальной частью и боеприпасами на плечах, без продуктов, брели они наугад, по карте да компасу. И многие уже еле держались на ногах. Команда А. Ф. Цыркунова и П. И. Комнатного быстро соорудила балаганы, приготовила обед.

Под неумолчный шум дождя смертельно уставшие солдаты спали беспробудно. Комнатный и Цыркунов несли вахту посменно.

А утром стали соображать, как переправиться на

правый берег вздувшейся от дождя и без того бешеной речки. Знали: по старой тропе золотоискателей, что вилась когда-то по левому берегу до самого Горелого, теперь не пройти — она давно не расчищалась, и лесные завалы на ней для выбившихся из сил солдат практически были непроходимы. Оставалось одно — кинуть через реку кладку. Но из этой затеи ничего не вышло: стремительный поток уносил лесины, как спички...

— Ну что делать будем, мужики? — Комнатный попытался свернуть сигарку, но раскисшая бумага расплзлась под пальцами, да и махорка была хоть отжимай — плюнул с досады, выбросил. — Как думаешь, лейтенант? — обратился к командиру минометчиков. Тот устало пожал плечами:

— Может, надо подождать, пока дождь кончится?..

Комнатный невесело рассмеялся:

— Эх, лейтенант, это — горы, это — осень в горах...

Цыркунов предложил:

— Вот что мы сделаем, Петр Иванович. Ты останешься с солдатами, а я пойду золотоискательской тропой, спущусь до Горелого, закажу обед, возьму людей и со свежими силами найдем подходящее место для кладки или же прорежем тропу. Ну как?..

— Ну что ж, — поразмыслив, согласился Комнатный. — Пожалуй, так и сделаем...

Тропа была — и тропы не было. На что уж Цыркунов был опытный горнопроходец, но и он с трудом пробился до Горелого. Партизаны встретили его радушно, с готовностью взялись помочь минометчикам. Женщины, принялись готовить еду на всех, а мужчины, вооружившись топорами и найдя подходящее место, довольно быстро соорудили кладку через Белую. Но едва работа была завершена, как плотники увидели идущих к ним бойцов-минометчиков во главе с П. И. Комнатным и своим лейтенантом. Солдаты были мокрые, крайне уставшие, согнувшиеся под грузом боевого снаряжения. Пораженные встречей партизаны обступили их, перегрузили на свои плечи минометы и боеприпасы.

— Как же вы перебрались? — удивился А. Ф. Цыркунов.

— Вброд, как же... — ответил Комнатный. — Ждали, ждали — стало немого. Ну и решились... Все равно ведь мокрые.

— Конечно, риск был большой, — сказал лейте-

напт, — я, было, даже испугался — перетонут мой парни: вода сшибала с ног со страшной силой. Если бы не Петр Иванович... И вообще — большое спасибо вам, ребята, — без вас мы бы так и остались в лесу...

3 сентября минометчики расквартировались в Гузерипле. А в ночь на 6-е в составе роты Федора Шипа они уже вели бой с фашистами за Хамышки.

К концу дня 5 сентября Федор Шип вызвал к себе наблюдателей Петра Прокофьевича Гукалова и Александра Васильевича Никифорова.

— Я получил приказ выбить немцев из Хамышков, — без обиняков приступил командир к разъяснению боевой задачи. — Вместе с партизанами моя рота должна скрытно подойти к селению, атаковать фрицев и, сковав их силы, дать возможность соседней части обойти фашистов со стороны Лагонак, с их левого фланга, и зайти им в тыл. Товарищ Лаврентьев рекомендовал мне вас как лучших проводников... Вы ведь хорошо знаете окрестности Хамышков?

Никифоров и Гукалов переглянулись, улыбнулись — им ли не знать места, где родились и выросли! Шип правильно понял их улыбки:

— Ну тогда готовьтесь — через час выступаем. Будете оба при мне неотлучно. К рассвету мы должны занять позицию у самых Хамышков...

...Шли буквально на ощупь — такой темной выдалась ночь с 5 на 6 сентября. Шли тайной тропой, наполовину заваленной валежом, кое-где осыпавшеюся, неся пулеметы и минометы, боеприпасы. Шли в тяжелом молчании, боясь выдать свое движение случайным хрустом ветки, постуком камня, покотившегося в обрыв, в бурные воды Белой. Шли 16 километров без остановки и отдыха — и к рассвету вышли под Хамышки. П. П. Гукалов и А. В. Никифоров подробно ознакомили старшего лейтенанта Шипа с обстановкой, с рельефом, подказали, где, на каких позициях лучше всего разместить пулеметы и минометы, где поставить огневые заслоны. Командир отдавал приказания, которые четко и бесшумно выполнялись. И еще далеко было до восхода солнца, а бойцы Шипа и партизаны, ему подчиненные в этой операции, были готовы к бою.

Противник ничего не подозревал. Лавина огня, обрушившаяся на него с выстрелом из ракетницы, посеяла панику, а ее внезапность парализовала способность к

сопротивлению — фашисты отступили до Даховской. Бой был выигран отрядом Федора Шипа без потерь. Теперь Гузерипль стал глубоким тылом. Можно было немного отдышаться и оглядеться — как быть, что делать дальше? А что делать, коли война еще гремела на территории заповедника — фашисты сидели на Умпыре, пытались пробиться по долине Малой Лабы до перевала Аишко-1, штурмовали Холодный, стремясь через перевал Псеашхо вырваться на оперативный простор, захватить Красную Поляну. Но здесь им путь преградили минометчики лейтенанта Лимаренко. Их было всего шестеро с четырьмя минометами — это все, что осталось от подразделения после боев в районе Умпыря, на Мастакане. Минометчики Лимаренко пришли на Холодный, когда наши части уже заняли оборону по ту сторону перевала Псеашхо. В лагере Холодном лежали штабеля мин, которые намечено было подорвать. Лейтенант сказал своим: «Мы отсюда не уйдем, пока все эти мины не выпустим по фрицам!»

Неоднократно пытались фашисты обойти минометные позиции по скалам и подавить отважных. Над позицией минометчиков неутомимо висела «рама» — двухфюзеляжный самолет-корректировщик. На минометчиков обрушивались сотни бомб с пикирующих бомбардировщиков. Но четыре миномета били и били по фашистам. А вскоре к ним присоединили свои гулкые голоса два станковых пулемета — это к минометчикам Лимаренко подошло подкрепление — двадцать автоматчиков с пулеметами.

Выйти на перевал Псеашхо фашистам не удалось.

Так что с победой под Хамышками война для заповедника не закончилась, и те, кто жил в эти тревожные и тяжелые месяцы в Гузерипле, прекрасно это понимали. И поэтому жизнь здесь была подчинена военному распорядку и военным законам. Николай Елизарович Лаврентьев, возглавивший в эту пору заповедник, поставил дело так, что каждый наблюдатель и каждый научный сотрудник (впрочем, этих после эвакуации осталось совсем немного — сам Н. Е. Лаврентьев, заведующий научной частью И. Г. Розмахов да старший научный сотрудник Л. И. Соснин) считал себя лично ответственным за сохранность заповедника, несмотря на то что на его территории шли военные действия. В то тяжелое время пришлось пойти на отстрел диких копытных: нужно было кормиться и армии, и партизанам, и

населению Гузерипля. И все это строго учитывалось — общее количество добытых для пропитания животных в заповеднике не превышало пяти процентов от поголовья и, по мнению работников заповедника, это не могло сильно повлиять на развитие популяций в дальнейшем.

Могло ли, не могло ли — а что было делать? Война... В Восточном отделе, оккупированном фашистами, вообще был полный разбой. Оккупанты ничего не щадили — уничтожали, калечили, корежили все, что можно было уничтожить, искалечить, искорежить... Хорошо, что до зубрового парка не добрались, а ведь как охотились!

ЗАДАЧА КАЗАЛАСЬ НЕСЛОЖНОЙ...

Восстановление режима заповедности началось сразу же после изгнания фашистов с территории заповедника. 28 января 1943 года в заповедник возвратился К. Г. Архангельский. На него была возложена задача организации истребительного батальона по борьбе с бандитами как на территории заповедника, так и на сопредельных с ним территориях.

3 февраля Н. Е. Лаврентьев написал обращение к местному населению, в котором сообщалось о восстановлении полного заповедного режима на территории заповедника и содержался призыв к оказанию заповеднику в этом всемерной помощи. В приказе № 7 от 7 февраля 1943 года по управлению КГЗ говорилось, что в связи с освобождением территории Кавказского государственного заповедника от немецких оккупантов и удалением зоны военных действий от его границ с 3 февраля на всей территории заповедника полностью восстанавливается заповедный режим, нарушенный обстоятельствами военного времени. Приказ запрещал какую-либо охоту на территории заповедника и обязывал охрану вести самую решительную борьбу с браконьерством: «...браконьеров задерживать, оружие отбирать с составлением актов, всякое разрешение на охоту в КГЗ считать недействительным». Приказ подписал Н. Е. Лаврентьев.

В заповеднике стали поговаривать о приглашении на свои рабочие места эвакуированных осенью

1942-го научных сотрудников, о развертывании научной работы.

Но появление бандитских шайк спутало все планы. Все взрослое население окрестных станиц и поселков получило оружие для борьбы с ними. Было определено, что истребительные отряды, состоящие не из работников заповедника, могли вступить на его территорию только с ведома и разрешения дирекции заповедника и действовать затем только в сопровождении работников охраны заповедника. Это была правильная и своевременная мера.

21 мая Н. Е. Лаврентьев собрал научно-технический совет управления заповедника. Собственно, собрались лишь троем — он сам, И. Г. Розмахов да Л. И. Соснин. Собрались, чтобы продолжить начатый еще в феврале разговор о восстановлении и развитии научно-исследовательской работы, о проблемах зубрового парка. О состоянии дел рассказал И. Г. Розмахов. Состояние это, правда, было досконально известно здесь каждому, но раз совещание по науке, значит, и доклад должен быть! Все по науке...

Розмахов говорил недолго. А вот молчание после его доклада несколько затянулось: каждый с большой болью переживал это самое «состояние дел», которое так резко сфокусировал Розмахов.

Восстановить научно-исследовательскую работу, конечно, важно и нужно — тут спорить не о чем... Но для нормальной работы научных сотрудников должны быть созданы и нормальные условия.

Давно ли рядом с Гузериплом была вооруженная стычка с бандой, давно ли на Кише ранен бандитской пулей наблюдатель! А в каком состоянии тропы? Они же почти все минированы — как по ним передвигаться? Да и на чем передвигаться: лошадей-то нет! Даже сбруи нет...

Первый вывод: условий для нормальной научно-исследовательской работы нет, и поэтому от приглашения даже стойких характером научных сотрудников нужно пока воздержаться. Второй вывод: наличные наши немногочисленные кадры, проверенные и закаленные почти годом военной обстановки, нужно непременно сохранить — это костяк большой будущей работы. И третье: на данное время основная работа — охрана и сохранение того, что осталось после военных действий в

заповеднике. Особое внимание следует уделить зубровому парку, сохранению поголовья зубробизонов и созданию там нормальной обстановки.

Ясно, что развертывание научно-исследовательских работ невозможно без восстановления разрушенного хозяйства заповедника. И все же надо признать, что восстановление заповедника в целом немыслимо без проведения, хотя бы в урезанном виде, ряда срочных научных работ... В первую очередь, конечно, надо палатить работы по выяснению наличия поголовья диких животных. Кое-где животные пострадали сильно, кое-где меньше — где именно и в какой степени? А растительность? Что случилось с лесами в том же Восточном отделе, особенно в районе военных действий? Очень сильно пострадала тисосамшитовая роща, ведь здесь собирали мох для госпиталей. Было бы интересно зафиксировать на Белореченском перевале изменения в субальпийских лугах.

Лаврентьев и Соснин посетили зубропарк — никто из начальства заповедника не был в нем с начала военных действий, и всю осень, зиму и весну никто не знал, как там и что там? А там зимовали четверо мужчин, трое женщин, двое детей да кавказская овчарка по кличке Черкес. И непросто зимовали, а оберегали стадо зубробизонов, угнав его подальше в горы от постороннего глаза, от немецких воздушных пиратов, рыскавших над горами в поисках зубропарка. У них не было хлеба, но они решили не ходить никуда, чтобы не оставлять следов на снегу. Недоедая сами, они старались кормить зубробизонов так, чтобы те не очень отощали за зиму. Правда, выдачу соли, овса и свеклы пришлось урезать, но сена было вдоволь.

Связь с Большой землей отсутствовала, но они устроили для зимовавших вместе со взрослыми ребятами — детей В. М. Татаркова — новогоднюю елку под патефон...

Зубров выпустили из загона на свежую травку только 10 апреля. Спустя месяц руководство заповедника смогло посетить зубропарк и полюбоваться веселыми и жизнерадостными зверями.

И еще решили пройти пешком по Восточному отделу: нужно было посмотреть, что с ним случилось после хозяйничанья оккупантов.

Выйти сумели лишь в августе. Н. Е. Лаврентьева

и Л. И. Соснина сопровождали два наблюдателя — Н. С. Литягин и Р. К. Ястремский. До Псебая доехали, а от Псебая двинулись своим ходом — через Кировский прииск, Черноречье, 3-ю Роту, Умпырь и отсюда — через перевал — на Карапырь, Загедан, Рожкоа, Азиатский прииск, Бескес и опять Псебай. «Кругосветка» получилась не из легких в общем-то. И впечатления от нее тоже не из радостных.

Практически все кордоны были уничтожены, сожжены, разрушены. Сожжены были также и мосты через Уруштеп, Лабу. На Умпыре располагался, по всей видимости, какой-то немецкий штаб, а на Умпырском перевале обитал пост: еще были целы окопы, стоял домишко из драни, валялись ящики с минами для минометов. Отсюда до Карапыря тянулся провод полевого телефона.

Карапырь тоже был сожжен, осталась лишь баня, в которой холостяковали наблюдатели Багма и Шишин. Был цел дровяник. Лаврентьев и Соснин определились в дровянике, Ястремский «загостевал» у Багмы и Шишина. Никита Степанович Литягин на Карапырь не пошел: отпросившись по каким-то своим делам у Лаврентьева, он еще с Умпыря вернулся домой, в Гузерибль.

Лаврентьев, Соснин и Ястремский возвратились в Псебай не скоро. А когда вернулись, узнали, что Литягин домой не дошел: в районе Ачешбока — Чертовых ворот, он наткнулся на бандитов, навязал им бой и геройски погиб...

С бандитизмом на территории заповедника было покончено лишь в октябре 1943 года. Но гуляла по заповеднику еще одна беда — разнузданное браконьерство. Причем браконьеры действовали нагло и неуловимо. Чувствовалось, что они прекрасно знали охранные порядки. Нужно было принимать самые жесткие меры.

В конце октября Н. Е. Лаврентьев собрал на совещание весь состав охраны. Вопрос был поставлен остро: с браконьерством должно быть покончено до Нового года. Предложено было также восстановить фенологические наблюдения. Северный отдел вызвал на социалистическое соревнование за скорейшее восстановление заповедного режима и досрочное завершение подготовки к зиме (заготовка дров, ремонт жилого фонда и тому подобное) остальные отделы.

Жизнь в заповеднике постепенно приходила в норму, и в этом огромная заслуга была Николая Елизаровича Лаврентьева, возглавившего заповедник в самое трудное время.

Вообще нужно сказать, что влияние этого незаурядного человека, великолепного организатора и пытливого исследователя природы на деятельность заповедника в предвоенные, военные и послевоенные годы, его роль в становлении заповедника как научно-исследовательского учреждения и в восстановлении его значения после войны переоценить невозможно.

Николай Елизарович любил природу до самозабвения. Родившийся в глухом лесном краю — Новгородской губернии, получивший «лесное» образование (Лесная школа, затем Ленинградский лесной институт), он всю жизнь свою связал с жизнью леса. Работая то помощником лесничего, то лесничим, то инспектором лесов, Лаврентьев не просто исполнял административную должность — он всегда и везде был пытливым исследователем жизни леса. В этом смысле заповедник для него, куда он пришел главным лесничим в 1938 году, стал родной стихией. Он знал заповедник так, как знают родной дом, где родились и выросли, знал все тонкости флоры и фауны этого уникального уголка Северо-Западного Кавказа.

Николая Елизаровича трудно было застать в кабинете — он не был кабинетным администратором, а тем более — кабинетным ученым. Верхом на своем любимом Варяге Николай Елизарович забирался в самые-самые глубинки заповедника, внимательно наблюдая, изучая, дотошно описывая все, что называется жизнью дикой природы. А вернувшись из поездки по заповеднику, Николай Елизарович любил посидеть за кипящим самоваром, попить крепкого чайку и порассказать дочкам о том, что видел на заповедной тропе. «Он мог часами и с восторгом рассказывать о какой-нибудь травке или букашке, редком цветке, неожиданно найденном в лесу... И очень переживал за каждое уничтоженное дерево, сломанный куст, убитое животное...» — это из воспоминаний дочери Лаврентьева Галины Николаевны.

Он был не только ученым и великолепным организатором, этот невысокий большелобый спокойный человек. Он был незаурядным поэтом, художником. Хотя и

отрицал эти свои таланты. Но почитайте, как он пишет о заповеднике:

«Я не поэт, к великому сожалению, чтобы в звенящих стихах передать всю красоту изумительной природы Кавказского государственного заповедника — этой стихии гор и долин, лесов и лугов, ледников и вечных снегов, озер и никогда не умолкающих ручьев и речек, берущих своё начало там, за облаками, из холодных ледников. И кажется, что эти речки — серебряные струны большого чудесного инструмента, сверкающие под яркими лучами горного солнца, поющие о том, что скрыто в седой старине древнего Кавказа, и о том, что будет...»

Я не художник, к моему сожалению, чтобы чарующими красками изобразить на полотне величественные пейзажи — то нежные и красочные, то ласкающие, то грозные, угрюмые... Те полотна, которые написаны уже, слишком слабы, чтобы передать всю гамму природных комплексов заповедника. Придет время, и наше горячее желание того, чтобы заповеднику были посвящены труды великих мастеров слова и кисти, исполнится. А сейчас будем терпеливо ждать и хранить наш заповедник...»

ДЕРЗКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Всегда испытываю тревожно-радостное чувство, когда случается возможность выйти на горную тропу заповедника. Трудно объяснить, почему это так. Может, предчувствие встречи с необычным заставляет сжиматься сердце? Ведь это же великолепно: ты, твой надежный конь (пусть не под седлом, пусть под выюком — неважно! Главное — у тебя конь!) и дикая, девственная природа, эти потрясающие неприступные, таинственные, безудержно манящие горы; эти дремучие, полные скрытой жизни леса; эти гигантские травы на солнечных полянах; и сверкающие семицветьем радуги тугие струи басовитозвонких водопадов безымянных рек; и гордые красавцы олени, при встрече с человеком не бегущие от него, а степенной рысью уходящие чуть в сторону, чтобы вон на том взлобке остановиться, застыть бронзовым изваянием, впечатав в яростную синь неба четкое кружево велико-

лепных рогов; и любопытные серны, это воплощение грации и легкости, глядящие на тебя большими красивыми немного грустными глазами; и могучие зубры — живое чудо, сотворенное гением и энтузиазмом ученых и простых рабочих, истинных патриотов нашей Родины, беспредельно влюбленных в ее природу; и многоцветье альпийских ковров, мерцающее искрами, переливающееся волнами под лихой посвист стремительно скатывающегося с крутого хребта ветра... Ну как тут не вспомнить: «Кавказ подо мною. Один в вышине стою над снегами у края стремнины: орел, с отдаленной поднявшись вершины, парит неподвижно со мной наравне».

Много лет хожу я по заповедным тропам, кажется, пора бы и привыкнуть. Но нет, трижды нет! Нельзя, невозможно привыкнуть к узкой, обдутой ветрами до стеклянного блеска, выбитой тысячами копыт на крутом боку скалы сернячей тропе, по которой не идешь, а тихохонько, смиренно скользишь, оставляя на острых камушках-скребках рядом со звериными шерстинками ниточки от своей рубахи, и замираешь, впяивши вдруг повлажневшие ладони в шершавый камень, когда из-под сапога выскользнет и застучит, зашуршит, покатится вниз, в бездну угловатый осколочек скалы. Невозможно, нельзя привыкнуть к совершенно невыразимому чувству победы — победы над стихией, над этими неприступными, угрюмыми с первого взгляда (и до последнего!) скалами, бурными холодными потоками, выглаживающими свое ложе огромными валунами, над снежными зарядами, больно секущими лицо, наконец, над собой, своей слабостью, своим страхом, когда тошнота сжимает горло... Невозможно привыкнуть и к дымку костра, когда ты, преодолев все то, о чем сказано выше, сидишь, откинувшись на горячий еще и мокрый от твоего пота рюкзак, и умиротворенно внимаешь бульканью супа в котелке, что коптится на костре, и впитываешь такое живое, такое доброе тепло костра и с тихой радостью ощущаешь, как стихает дрожь в коленках.

А разве можно привыкнуть к свежести утра в горах, когда, слегка озябнув, выползаешь из спальника, выходишь из балагана ли, из палатки — и буквально остолбенев понимаешь, до чего же хорошо на свете!

Какие утра бывают в этих диких, суровых и прекрасных горах!.. Пихтарник стоит черный, и на его фоне лиственные деревья — словно случайные светло-

зеленые или золотисто-багряные мазки. Далекое скалистое вершины еще окутаны нежно-сиреневой дымкой, и небо над ними сероватое. На западе еще звезды мерцают. И — тишина. Такая тишина — слышно, как собственное сердце стучит. И вдруг — солнечные лучи — россыпью по скалам, стрелами — в крутые бока снежников и ледников — и запылали горы, заискрились брильянтами льды и вечные снега, и небо вспыхнуло пронзительной синью, и луг, и лес словно засветились изнутри, а тишину взорвал многоголосый птичий хор...

Вот какие утра бывают в этих неповторимых, забываемых горах. Разве можно к ним привыкнуть?

В одно из таких свежих и звонких августовских утр мы с Александром Владимировичем Дубенем вышли из Умпырского кордона по тропе на Умпырский перевал. Не до самого перевала — до него 13 километров, за день так просто не обернешься, тем более пешком. Мы решили пройтись до зубровых пастбищ, поискать зубров и, если повезет, поохотиться на них — Сашино фоторужье стреляло без промаха. Ну и мой «Зенит» тоже чего-то стоил. Шли налегке, не торопясь, приглядываясь к каждой травинке, прислушиваясь к каждому писку и шороху. Среднего роста, поджарый Александр Дубень легок на ногу на тропе, неутомим и, по моему, ему все равно как идти — в гору или под гору. Поблескивая очками на спутника, он может говорить всю дорогу, рассказывая о зверье, — Саша один из зоологов заповедника. Охотовед по образованию, он долго работал на Сахалине, на Дальнем Востоке и Алтае, накопил за эти годы немало наблюдений. С ним интересно в горах. И надежно.

Александр Владимирович занимается экологией тура и серны, обитающих в заповеднике, но отдает предпочтение сернам, этим удивительно стройным и ловким животным, великолепным скалолазам и бесстрашно любопытным. В заповеднике нет такого места обитания серн, куда бы не заглянул в свое время Дубень. И мне порою кажется, что серны отлично знают и хорошо отличают этого бородатого человека от других людей и не боятся раскрывать перед ним тайны своей сернячей жизни. А Дубень тоже не делает из этого секрета и может говорить о серпах непрерывно, активно убеждая собеседника, что грациознее серны в отряде парнокопытных зверя нет.

Но в то пряное августовское утро мы вышли поохотиться на зубров, и поэтому Александр Владимирович основное внимание мое обращал на следы пребывания этого зверя. Мы шли по «зубровке» — по зубриной тропе, и следов этих попадалось нам предостаточно. Вот отпечаток следа на сырой земле — глубоко вдавленный, округлый, большой — сантиметров 25 в диаметре. А вот — на стволе дерева: обгрызенная кора. Это след, оставленный зимой.

Александр обращает мое внимание на странные пролысинки на крутых земляных склонах — на что похоже? А похоже на то, что будто кто-то большой каталки себе устраивал. И точно: это были зубринные каталки. Взбирается эта остророгая и свирепая на вид скотина на вершину такой вот каталки, укладывается на бок — и фюить вниз! Катится, взбрыкивая ногами, вздымая пыль и похрюкивая от удовольствия (кстати, зубры именно хрюкают, а не мычат. Хотя и сродни коровам). Каталки эти, видимо, один из способов избавления от паразитов и чистки шерсти.

За разговорами да разглядыванием следов по «княжеской» тропе, проложенной еще во времена Кубанской охоты, берегом речки Умпырки незаметно вышли на Азиатскую поляну. И столкнулись с зубрами. Их было восемь особей: пять самок и двое телят. Встреча произошла несколько неожиданно — зубры лежали в траве, в тени деревьев, и мы их издали не заметили. Но нас, видимо, услышали издали — у зубров отменный слух и очень тонкое обоняние. Зрение у них на втором плане.

Едва мы показались на поляне, звери взметнулись и ринулись в лес — только мы их и видели. Лишь самец не торопился убежать. Он степенно прошелся краем поляны вслед за сбежавшим семейством и остановился на опушке, задрав хвост и похрюкивая (не представляйте только, что хрюканье зубра столь же добродушно, как хрюканье хавроньи, вовсе нет! Это нечто куда более басовитое, в нем чувствуется сдерживаемая мощь и, так сказать, предупреждение сквозь зубы. Услышав его, как-то сразу утрачиваешь желание подойти и этак запанибратски потрепать бычка за холку. И невольно проникаешься уважением к этому могучему зверю. Представьте себе быка с очень крепкой грудью, мощной шеей, поросшей густой черной длинной гривой, с широколобой курчавой головой, увенчанной острыми, изогну-

тыми, как серпы, крепкими рогами, слегка горбоносого, бородатого, высокого — до двух метров в холке, выгнутой горбом, отчего кажется, что зверь все время смотрит на мир сбычившись: вот-вот гребанет копытом землю и ринется в атаку неудержимо...).

Наш знакомец постоял еще минуты две, косясь на нас свирепым глазом и подрагивая задраным тонким с длинной кистью волос хвостом, затем развернулся — только кусты затрещали. Мы не успели и снимка сделать. Александр Владимирович, хоть и сам был расстроен не меньше моего, утешал, мол, не горюй, зубров здесь хватает на всех фотоохотников.

Да, сегодня зубров в Кавказском заповеднике около девяти сотен и за его границами сотни три. И мы гордимся этим, ибо зубры эти и все возрастающее их количество в дикой природе — дело рук человеческих, дело ума и сердца многих людей — зуброведов и зуброводов, работавших и работающих сегодня в Кавказском заповеднике.

Напомню: летом 1925 года помощник Х. Г. Шапошникова А. П. Гунали искал и не нашел зубров на территории заповедника. Искал и тоже не нашел зубров два года спустя и профессор Д. П. Филатов. Некогда многочисленные стада уникальных горных зверей, пока длились дебаты об организации зубрового заповедника, были рассеяны и истреблены полностью. Сыграла свою зловещую роль и эпизоотия ящура и сибирской язвы, занесенных в горы и распространившихся на диких животных в 1919 году.

Перед советской наукой встала задача: возродить исчезнувшее по вине человека животное. Это была престижная задача: уникальный зверь был эндемиком нашей территории и истреблен он был до последней особи. За охрану и спасение горного кавказского зубра от уничтожения в свое время ратовала мировая наука. Еще в 1920 году известный немецкий ученый профессор Конвенц на X конференции правительственного отдела охраны природы в Германии говорил: «...вторая охранная зона для зубра была около Кубани... Но и эта область, благодаря казачьему господству, совершенно лишена дичи, что дает основание к предположению, что свободно проживающий зубр здесь совершенно уничтожен...»

Да, восстановление горного зубра на Кавказе лежа-

ло на советских зоологах. И они взялись за эту, казалось бы, совершенно неразрешимую задачу.

Но восстановить исчезнувший с лица земли вид нельзя. Советские ученые надеялись, что отдельные особи кавказского зубра все же сохранились на планете — в зоосадах. К тому же кавказский зубр — это не отдельный вид животного, он — подвид европейского зубра, некогда широко распространенного, и отличается он от своего ближайшего сородича — равнинного беловежского зубра — только, так сказать, габаритами: если вес старых беловежских быков достигал 850 килограммов, то кавказских — 700. Сказалось обитание в горных лесах...

В заповеднике Аскания-Нова содержался чистокровный зубр Бодо, потомство которого могло стать исходным материалом для работы по восстановлению популяции горного зубра на Кавказе методом так называемого поглотительного скрещивания на зубра. Именно на этой основе был разработан в 1938—1939 годах советскими учеными план восстановления горного зубра: скрещивание гибридов зубра и бизона, находившихся в Аскании-Нова, с чистокровным зубром должно было непрерывно повышать кровность стада, которое в конце концов станет стадом практически чистокровных зубров. Затем — селекционный отбор особей, близких к горному типу. Предполагалось всю работу вести в условиях полувольного содержания зверей — летом на выпасах, зимой в загоне.

В 1939 году при Биологическом отделении АН СССР была организована комиссия по охране зубра. Первым ее председателем стал академик В. Л. Комаров. Членом комиссии был молодой ученый М. А. Заблоцкий, один из авторов упомянутого плана восстановления кавказского зубра.

Осуществление этого плана начали с подбора местности в Кавказском заповеднике, где предполагалось организовать зубропарк. Остановились на южном склоне хребта Сосняки, в 7 километрах от кордона Киша. Здесь, на Сулиминой поляне, на высоте 1400 метров над уровнем моря и был построен загон с двумя кормовыми базами, сараем для укрытия зверей от непогоды, родильными стойлами и прочим необходимым хозяйством. Неподалеку от зубропарка была сооружена и усадьба для зуброводов.

Место было выбрано довольно удачно: к востоку и западу от Сулиминой поляны, по склону хребта, в массиве дубовых и буковых лесов разбросаны другие поляны с богатой травой, окаймленные зарослями ольхи, берез, ильма, диких фруктовых деревьев. Для выпаса зубров и сенокоса эти поляны — а некоторые из них площадью в 20—25 гектаров — превосходные места, тем более что зимой здесь, на выгревах, зубры могут держаться на подножном корме. Да и сама Сулимина поляна — место великолепное.

Привезли «исходный материал» в Кавказский заповедник в начале августа 1940 года.

Сейчас это представляется простым — перевезти за 1,5 тысячи километров 5 голов крупного рогатого скота. Тогда этот вопрос решался на уровне Наркомата путей сообщения. М. А. Заблоцкий, как член комиссии АН СССР по охране зубра (и как начальник экспедиции по переброске зубробизонов из Аскании-Нова в Кавказский заповедник), написал письмо на имя заместителя председателя комиссии профессора С. А. Северцова и вручил это письмо К. Г. Архангельскому — ученому секретарю Кавказского заповедника. Архангельский отвез письмо в Москву, передал его С. А. Северцову, а тот представил Архангельского В. Л. Комарову — уже президенту Академии наук. Владимир Леонтьевич обратился в Наркомат путей сообщения с просьбой включить вагон со зверями в состав прямого пассажирского поезда, и не просто так прицепить, а поставить в голову поезда — с таким расчетом, чтобы можно было без помех брать воду для зверей там, где она подается для паровоза, а в крайнем случае — прямо из паровоза, в пути. Дело в том, что зубробизоны потребляли в день не менее пяти ведер воды...

Для зверей был выделен пульмановский вагон. Контроль за перевозкой животных Наркомат возложил на заместителей начальников грузового и пассажирского управлений железных дорог. «Персональные» клетки для зверей достали в Крыму. 25 июня клетки с отобранными М. А. Заблоцким и ветеринарными специалистами Аскании-Нова животными — самцом Журавлем, самками Волной, Еруней, Жанкой и Лирой (две последние — нетели) — на автомашинах были доставлены из Буркутов, где звери находились на свободе, на железнодорожную станцию Новоалексеевка и погружены в вагон.

Теперь все заботы по доставке зубробизонов в Кавказский заповедник легли на плечи троих энтузиастов — Михаила Александровича Заблоцкого, Константина Григорьевича Архангельского и техника-охотоведа Кавказского заповедника Василия Алексеевича Дементева.

До Днепропетровска доехали без приключений. А здесь перед самой отправкой с поездом Киев — Баку осмотрщик вагонов обнаружил неисправность колесной пары. Пришлось катиться в депо — «свой» поезд, естественно, пропустили...

Но затем до самой Белореченской ехали нормально. Правда, звери порою беспокоились — храпели, бились — вагон на большой скорости сильно раскачивался. Но клетки были специально сделаны для дальней дороги — крепкие, неширокие, в вагоне их прочно закрепили, и звери не пострадали.

Кормили в пути зубробизонов прессованным сеном и отрубями. На станциях Заблоцкий, Архангельский и Дементев вооружались ведрами и бежали за водой. Это и необычность товарного вагона в голове пассажирского поезда привлекало массу любопытных.

На станции Белореченская вагон с зубрами отцепили от пассажирского поезда и отдельным паровозом доставили на конечную станцию Хаджох. Здесь клетки с зубрами перегрузили на автомашины и повезли в Даховскую, где и выгрузили — на Поповой поляне, чтобы гнать дальше пешим ходом.

Пожалуй, это был самый ответственный момент во всей экспедиции. Перегнать зубробизонов нужно было через Сахрай и Кишу до зубропарка. Перегон за 35 километров по горной лесистой местности представлял исключительные трудности. Для этой работы были мобилизованы все наблюдатели Северного отдела заповедника. Все участники перегона были начеку, однако в первую же ночевку на Поповой поляне зубрица Волна сбежала. Перескочив через костер, у которого сидели наблюдатели, она рванулась в темноту — только ее и видели.

В погоню за беглянкой пошли сразу же и конные, и пешие. И если остальные зубры весь перегонный маршрут прошли спокойно и уже на второй день были в зубропарке, то Волну пригнали лишь на восьмой день. Она прибилась к стаду колхозных коров возле Хаджоха, наделав переполоху, и никак не хотела уходить из него.

Недели через три пятеро новопоселенцев чувствовали себя на Сулиминой поляне так, как будто здесь родились и выросли. Они стали упитаннее, шерсть залоснилась... С удовольствием поедая подножный корм — козлятник, буквицу лекарственную, овсяницу, лигустикум, подбел и другие травы, а также подрост ольхи, ильма, дикой груши, зубробизоны отдавали предпочтение диким фруктам — груше, яблокам, алыче. И очень быстро привыкли к подкормке: с самого первого дня пребывания зверей в зубропарке им давали овес, отруби — 3—4 килограмма на голову в сутки, 4 килограмма свеклы и соль. А с зимы, как упал снег, зубры стали получать и по 12 килограммов сена. Особенно нравился им овес: стоило постучать об кормушку или ведро палкой, как невидимое дотоле стадо стремглав неслось в загон. Впереди, задрав хвосты, мчались молодые зубрицы-нетели, а за ними, чуть скромнее, но с не меньшей прытью, бежали и «старики».

В октябре и декабре на Сулиминой поляне появились две телочки — отелилась Волна, а затем и Еруня. Дочку первой назвали Валькирией, а вторую телочку нарекли Ельмой. Отец обеих зубришек был бык Бодо — чистокровный зубр кавказской линии: его дедом был знаменитый Кавказус.

О Кавказусе (он еще известен как Кавказ) следует рассказать особо. Он был сыном совершенно диких зубров из стада, обитавшего на отрогах горы Пшекиш в начале этого века, и был изловлен еще малышом в мае 1907 года в Тишковой балке егерем Кубанской охоты Терентием Смеяновым на солонце, неподалеку от устья Безыменки, что впадает в Кишу (кстати, это место и поныне известно как «Смеянов балаган»). Смеянов застал на солонцах зубрицу с теленком и, отогнав ее, спутал малыша, которого доставил затем в караулку, стоящую на Белой. Отсюда зубренок попал в Беловежскую пушчу, а через год хозяин Кубанской охоты великий князь подарил теленка известному натуралисту Карлу Гагенбеку — основателю Гамбургского зоопарка (это тот самый Гагенбек, который ввел вольновольерное содержание диких зверей в зоопарках). Гагенбек и нарек зубренка Кавказусом.

Кавказус был единственным настоящим горным кавказским зубром, потомство которого от беловежских зубриц сохранилось и представляет группу зубров кав-

казской линии. Именно это обстоятельство и позволило советским ученым надеяться на восстановление популяции горного кавказского зубра.

Когда собирались завозить зубробизонов из Аскании-Нова в заповедник, то опасались, что на зверей отрицательно подействуют и высота над уровнем моря, и высокая, особенно в сравнении с засушливой степью прежнего местообитания, влажность, и горный рельеф. Но все сомнения оказались напрасными. Звери охотно паслись по склонам и даже устраивали бега вперегонки и скачки, совершенно не страшась высоты и крутизны. Массивные, неповоротливые на вид, они в этих своих играх просто поражали людей подвижностью и резвостью. Они не боялись ливней и не прятались от дождя, а снег доставлял им видимое блаженство: зубры с фырканием катались по снегу или подолгу лежали под снегопадом, пока их совсем не засыпало. Так что сарай для укрытия зубров от непогоды не понадобился, звери быстро и отлично приспособились к условиям жизни в Кавказских горах, даже солонцы естественные отыскивали — и именно те, которыми некогда пользовались их горные сородичи.

В общем, все в поведении зубробизонов, завезенных из Аскании-Нова в Кавказский заповедник в качестве исходного материала для постепенного возрождения горного кавказского зубра, обнадеживало в успехе начатой работы. М. А. Заблочкин разработал даже план разведения зубров в СССР, который был одобрен комиссией по охране и восстановлению зубра при Биологическом отделении Академии наук. Осуществлению этого интересного плана помешала война.

Началось с того, что осенью 1941 года в зубропарк были доставлены зубробизоны, эвакуированные из Московского зоопарка, — два самца и две самки. Заповедник не ожидал такого «подарка» и не был готов к приему совершенно постороннего стада. А звери прибыли очень ослабленными. Длительное путешествие по железной дороге, во время которого за зверями практически не было не то что должного — никакого ухода, затем двухнедельное томление в тесных транспортных клетках в ожидании машин для переброски в заповедник, все это настолько подорвало силы животных, что их организм не смог противостоять заражению геморрагической септицемией во время перегона стада к месту обитания.

И так как в зубропарке не было специального карантинного помещения, то новых его обитателей, не зная, что они больны, поместили в одном из базов на территории зубрового загона, надеясь, что этого достаточно для карантинной передержки. Однако не в меру опытный бык Журавль сбил ворота карантинного загона и выпустил из него «москвичей» в общий загон. Наблюдатели быстро навели порядок, но было уже поздно: заболевание распространилось. Вскоре пали самцы из Московского зоопарка, а затем и Журавль. Срочно проведенные прививки и перевод стада в другой загон предотвратили гибель всех зубробизонов. Но рост стада был застопорен: не стало производителя. Правда, в 1942 году Еруня, Волна и Лира, покрытые в свое время Журавлем, принесли троих бычков — Ермыша (от Еруни), Витязя (от Волны) и Лугана (от Леры). Приплод оказался исключительно здоровым и крепким, как, кстати, и приплод 1940 года. И телочки, и бычки хорошо развивались. Особенно хорош был Ермыш, ставший производителем в полтора года.

Война не позволила осуществить отгон зубробизонов на альпийские пастбища, что намечалось на лето 1941 года: были мобилизованы наблюдатели зубрового парка и работники охраны; в 1941 году намечался завоз чистокровного зубра из Беловежской пуши и пяти самок из Аскании-Нова — это не было сделано; в августе 1942 года браконьеры убили зубрицу Гедэ — «москвичку», осенью, когда бои шли под Гузериплем, фашистский диверсионный отряд налетел на кордон Кишу, где размещалась зоолаборатория, во время этого налета были уничтожены материалы работы с зубрами. Гитлеровцы трижды бомбили зубровый парк, стремясь истребить стадо. Видимо, оккупанты были хорошо осведомлены о работах в заповеднике по восстановлению кавказского горного зубра, весьма интересовались им и во что бы то ни стало хотели захватить и стадо, и работающих с ним сотрудников заповедника, а если это не удастся, то уничтожить все. Но парк жил. Сохранение стада зубров и в ту лихую годину было главной задачей работников заповедника, оставшихся в зубровом парке. В тяжелейших условиях почти полной изоляции охраняли они зубров и ухаживали за ними. И зубры были спасены. Это прямая заслуга наблюдателей П. Б. Кондрашева, К. Н. Кушниковой, С. Т. Дубовского

и В. М. Татаркова, а также трех женщин — Н. Д. Дубовской, З. И. Татарковой и Л. Н. Шатаевой, поделивших невзгоды с мужчинами.

В 1944 году в Гузерипль вернулась из эвакуации Лидия Васильевна Крайнова, которая вместе с Михаилом Александровичем Заблочким начала в заповеднике работу по восстановлению зубра. Вернулась, пройдя пешком через весь заповедник, — из Сочи до Гузерипля. Крайнова поражала своей работоспособностью, энтузиазмом. Она была в состоянии за лето обследовать огромную территорию. Л. В. Крайновой принадлежит первенство в изучении питания зубров в Кавказском заповеднике — она установила, что здесь зубры поедают 240 видов травянистых и древесно-кустарниковых растений.

Ей было очень трудно, Лидии Васильевне: не хватало людей, кормов для животных, застопорилась работа по ингабтации зубров — выведению чистокровок из стада зубробизонов путем искусственного отбора потомства с ярко выраженными зубровыми чертами, внешними признаками — габитусов — горного кавказского зубра: ведь в стаде не было ни одного чистокровного зубра-производителя. Нужно было срочно решать эту проблему, но — еще шла война.

Чистокровный зубр-производитель появился в стаде лишь в 1949 году. Это был могучий, красивый бурый бык, по облику — типичный горный зубр. Еще бы, ведь его прадедом был Кавказус!

Поскольку этот красавец был доставлен в Кавказский заповедник из Беловежской пуши, то и нарекли его Пушениным. Василий Васильевич Никифоров, работавший в те годы наблюдателем в зубровом парке, рассказывал, как везли Пушенина от поселка Сахарный до парка. Собрали, говорит, всю охрану, запрягли в сани четыре пары волов, водрузили на сани клетку с зубром — и поехали. По горам да по лесам.

Собственно, таким же способом переправляли потом и других производителей — Пухара, Белка, Бересклета. Очень удобным оказался воловий санный поезд...

Четыре года пробыл Пушенин в стаде — и дело пошло на лад: молодняк стал появляться здоровым и рос хорошо. К сожалению, Пушенин пал, чем-то отравившись.

К началу 50-х годов стадо зубров в Кишинском

зубропарке достигло трех десятков. Начался распад стада с выделением самок с потомством — образовались мелкие стада. А самцы стали ходить парами или в одиночку. Процесс дичания полуручных животных проявлялся все ярвственнее. Зуброведы стали подумывать об организации нового зубропарка. Он был создан в 1952 году в устье речки Умпырки, у кордона Умпырь. Из Кишинского зубропарка сюда перегнали два десятка зубров — почти через весь заповедник. Это очень трудное дело возглавил зубровед Сергей Гаврилович Калугин.

Позволю себе небольшое отступление от «зубровой» темы, чтобы познакомить читателя с этим удивительным человеком, сделавшим восстановление зубра на Кавказе целью своей жизни. Все, чего добился заповедник в этом деле с 50-х годов и поныне, связано с именем Калугина.

Выросший в крестьянской семье на Ставропольщине, Сергей Калугин с детства познал, почему фунт лиха. Батрачил у богатых, учился по путевке комсомола в школе для взрослых, служил действительную в Красной Армии, попытал судьбу на заводе ферросплавов в Челябинске — и вновь вернулся на Кавказ, в колхоз: земля притягивала крестьянскую душу. Поступил в сельскохозяйственный институт на зоофак, закончив — остался в аспирантуре. Мечтал о карьере ученого-зоолога, а тут война. Воевал кавалеристом. Часть попала в окружение — плен, концлагерь где-то под Одессой. Бежал. С сентября 1943 года до освобождения Одессы в апреле 1944 года скрывался в подполье под чужим именем. А когда город освободили — явился в полевой военкомат и уже воевал до Победы. За храбрость был награжден орденом Славы.

Демобилизовавшись, Калугин вернулся на свою кафедру и работал там до сентября 1950 года. А с конца сентября Сергей Гаврилович Калугин — старший научный сотрудник Кавказского заповедника, ведущий тему «Восстановление кавказского горного зубра». Эту тему он вел более 25 лет...

Какая краткая анкета и какая долгая, многотрудная и великолепная жизнь...

С приходом в заповедник С. Г. Калугина ингабтация зубра поднялась на новую ступень. Под его руководством уплотнилась и выкристаллизовалась великолеп-

ная группа наблюдателей-зуброводов, знаниям которых по экологии зубра могли бы позавидовать многие зоологи с учеными степенями. Из этой славной когорты преданных идее и мастеров своего дела я назову Василия Васильевича Никифорова, старшего зубровода, проработавшего в зубропарках заповедника более трех десятков лет и награжденного за этот труд орденом Трудового Красного Знамени, Михаила Александровича Дементеева, Петра Федоровича Цуканова, Алексея Харитоновича Пилипенко. Это в основном они косили для зубров сено, выращивали для них свеклу и морковь, строили загоны, «родилки», вели наблюдения за зубрами, переведенными на вольное содержание.

Собирая материалы для этой книги, я встретился с Василием Васильевичем Никифоровым. Он уже давно вышел на пенсию, но продолжает трудиться, правда, уже не в заповеднике. Свои трудовые годы в заповеднике Василий Васильевич вспоминает как лучшие годы жизни. Он и рассказал мне, как перегоняли в 1953 году стадо зубров из Кишиневского зубропарка в Умпырский. И о судьбе Пухара — великолепного представителя пятого поколения потомков Кавказуса, давшего возрожденной популяции одиннадцать самцов и десять самок.

ПУХАР ВЫБИРАЕТ СВОБОДУ

Это был красивый, хорошо развитый бык темно-бурой масти с длинными широко расставленными рогами, высокий в ногах и холке. Короткий, плоский, как у леща, но мощный корпус, подтянутое брюхо, характерная для зубров линия спины — все это создавало впечатление легкого, ловкого зверя, каким он, собственно, и был, этот знаменитый Пухар (или «Пухарь», как звали его наблюдатели), хотя весил он 700 килограммов.

...Пухару не понравилось на новом месте. Он затосковал, держался в сторонке от стада и подолгу стоял неподвижно, понурился кудрявую широколобую голову. Все это сильно беспокоило зуброводов, но они ничего не могли поделать. Решили: пообвыкнется, приживется. Остальные же зубры привыкли, хотя стадо не очень охотно покинуло привычные, родные поляны на хребте Сосняки, и людям пришлось проявить немало смелости, смекалки и осторожности во время перегона.

Но Пухар решил иначе: через несколько месяцев, в середине ноября 1953 года он исчез из Умпырского зубропарка. Высадив ночью массивные ворота загона, он ушел в непогоду, по глубокому снегу — домой.

Ни снег, ни мороз не были страшны Пухару. Раздвигая мощной грудью сугробы, легко перепрыгивая через валеж, смело перебрывая незамерзающие ручьи и речки, каким-то непостижимым чутьем угадывая верное направление, шел Пухар ночь и день, и еще ночь и день, и неделю, и две, и три, останавливаясь лишь, чтобы поглотить кору пихты или осины, или раскопывать укутавшийся снегом куст ежевике и полакомиться ее зеленым и зимой листом.

Он не боялся и погони: попробуй найди зверя в чащобах горного зимнего леса! Да и кто пойдет, по какому следу? Все замела метель...

И хищники не страшили Пухара — какой клыкастый осмелится напасть на зубра!

Пухар шел вперед.

Но он плохо знал горы, ему еще никогда не приходилось так далеко забредать, да еще зимой, когда снег все подваливал да подваливал и совсем уже завалил глубокие балки. Пухар не раз проваливался в такие, но выкарабкивался благодаря своей мощи. Однако всему приходит конец, даже такой силе, какую обладал Пухар, — он стал преодолевать глубокий снег. И однажды, обходя его, Пухар повернул резко на север, спустился пониже, в лес, прошел скалы — и пересек границу заповедника. Он заблудился...

— Ну, что будем делать? — спросил Калугин собравшихся, когда поисковая группа доложила, что Пухара догнать не удалось и что даже след его снегом занесло. — Бросить быка на произвол судьбы мы не можем — золотом за него плачено, а искать... Сами видите — по такому снегу и людей сгубить можно...

— Да уж... Дурное дело не хитрое, — уныло поддержали Калугина зуброводы.

В избе повисла гнетущая тишина. Люди — что греха таить! — растерялись: а ну, попробуй, сыщи-ка зверя в горной тайге, в этих заснеженных дебрях! Хорошо, если бык и в самом деле на Кишу подался. А если заблудится? Свалится в пропасть? Провалится в расщелину и сломает ноги? И надо же такому приключиться!..

Тишину нарушил Василий Никифоров.

— Я так думаю, товарищи, — не след нам за Пухаром гоняться, все едино не догоним. Куда б он ни подался — на Кишу или еще куда, он непременно объявится. И тогда уж мы его вернем...

— А если не объявится? — засомневался Петр Цуканов.

— Ну, а ежели не объявится... — Никифоров развел руками.

На том и порешили: выждать, когда Пухар объявится сам.

И он объявился — 6 декабря в районе станицы Баговской.

Здесь зубра заметили местные жители, знавшие из оповещения о сбежавшем из загона в заповеднике зубре. Власти Псебайского района срочно разослали по всем населенным пунктам специальное указание об охране бесценного зверя. И надо сказать, население с пониманием отнеслось к этому указанию — зубр-беглец фактически находился под всеобщей охраной.

А тем временем Пухар бродил в окрестностях Баговской, выбирая место для зимовки — чтоб и тепло и сытно было. Такое место он нашел на выгривных склонах горы Агиге, невдалеке от небольшого поселка Бугунжа, на поляне Хамхутова. Он появился там внезапно 15 декабря.

На этой поляне была оборудована зимняя база лесозаготовителей. Высились стога сена, дремали под навесом волы и лошади. Пухар вывалился из лесу в тучах снежной пыли, тормознул передними ногами, увидев население поляны, принялся, утробно рыкнул и принял боевую стойку. Его голова опустилась почти до копыт, рога угрожающе выставились вперед, горб поднялся и стал похож на башню танка, хвост задрался крчком, ноги напряглись — и вот атака!

Рассказывали, что разбежавшихся в панике волов и лошадей собирали потом дня два...

А Пухар, разогнав конкурентов по сему, обосновался на поляне на всю зиму, никого не подпуская под навес и к стогам, как сказали бы люди, на пушечный выстрел. А когда потеплело и растаял снег, Пухар отправился бродяжничать по окрестным лесам. Однако нет-нет да и возвращался бродяга на свою зимнюю базу, разгоняя ее робких обитателей, и царствовал, как хотел.

Зуброводы старались во что бы то ни стало вернуть Пухара в стадо. Один раз, уже весной, это почти удалось — понукаемый со всех сторон, Пухар пошел было на поводу у людей. И те вздумали торжествовать победу. Но Пухар решительно повернул назад, на свою постоянную базу. Погонщики схватились за палки, стали махать ими перед мордой быка и даже несколько раз бабахнули в воздух из ружей — хотели напугать Пухара. Но, рассвирепев, зубр бросился на погонщиков. Те, естественно, врассыпную кто куда. А Пухар ушел в лес.

— Но сколько же можно такое терпеть! — возмутился и Калугин. — Обязательно нужно заставить Пухара заняться его непосредственной задачей.

— Так как же ты его заставишь, Сергей Гаврилович, если он зубрих уже больше года не видит?..

Решили — раз гора не идет к Магомету... Короче, отбили от основного стада молодых половозрелых зубриц и пригнали их к Пухару. Пусть образуется новое стадо, на вольных харчах — так даже интересно. Все равно ведь цель — расселение зубров по Кавказу. Вот с Пухарова гарема и начнем...

Идея, конечно, была куда хороша. Да только у зубриц сказалось по этому поводу особое мнение: они не пошли к Пухару. Может, обиженные были на него за то, что он их бросил, может, еще какая причина была, — но не пошли.

В общем, пришлось отказаться и от этой, на первый взгляд столь заманчивой, идеи. И тогда Василий Васильевич Никифоров предложил построить на поляне, где обитает Пухар, загон со стрункой и клеткой и постепенно приручить Пухара, заманить его прикормкой в загон, а затем и в клетку. Предложение обсудили и в принципе одобрили, хотя многие сомневались в успехе и этой затее.

Строительством загона руководили С. Г. Калугин и В. В. Никифоров. Строили его наблюдатели Восточного отдела из крепких лесин. Загон получился солидный — в 175 метров длиной, постепенно сужавшийся в узкий коридор — струнку, которая заканчивалась массивной клеткой. Ворота загона имели сторожок, к которому привязали длинную веревку. Когда сооружение загона было закончено, наблюдатели ушли, и на поляне остался один Никифоров. В его задачу входило прима-

нить Пухара в загон, а затем и в клетку. Чтобы зверь не ушел от этого места, настороженный шумом строительства, Никифоров придумал маленькую хитрость — стал рассыпать прикормку — соль да овес — задолго до начала сооружения загона. Пухар не отказался от угощения и довольно аккуратно посещал места, в которых были насыпаны эти деликатесы. И не заметил, как кормушка все ближе и ближе подвигалась к загону, а затем и вовсе оказалась за оградой. Так и зашел Пухар, привыкший ко вкусной подкормке и к человеку, дающему ее, в загон. А едва зашел, как несложный механизм сторожка сработал, и ворота захлопнулись, накрепко заперев выход. Зверь оказался в ловушке.

Никифоров снял шапку и вытер ею испотевшее лицо. Десять дней нервного напряжения кончились. И кончились трехлетние скитания бродяги-зубра.

...Пухар был потрясен своей оплошностью. Несколько дней таранил он изгородь, пытаясь разбить, сломать ее. От могучего натиска трещали толстенные латы, дрожали столбы, но загон выдержал. И Пухар смирился, перестал бросаться на ограду, стал есть. Люди, ходившие по ту сторону ограды, уже не бесили его. И начальник Восточного отдела Александр Васильевич Никифоров — старший брат Василия Васильевича, решил, что теперь Пухара можно выпустить из загона на водопой. «Ой, не надо выпускать — не вернется он в загон!» — раздались голоса. Вернется, успокаивал скептиков начальник отдела, побольше овсеца подсыпем — вернется. Повинуясь настоянию начальника, открыли ворота загона. Пухар спокойно вышел, подошел к реке, шумевшей неподалеку, попил смачно... и решил остаться на воле. Тогда один из наблюдателей решил подогнать Пухара к загону, кинув в него увесистую палку. И попал в быка. Пухар расвирипел и бросился на обидчика. Тот рванулся к ближайшему дереву, но взобраться на него не успел — зубр догнал его и взял на рога. Счастье человека, что удар рогами пришелся вскользь — Пухар поддел только фуфайку. Мощным рывком зубр подбросил человека в воздух... и вытряхнул его из фуфайки. Наблюдатель шлепнулся на землю, вскочил и побежал куда глаза глядят. Нашли его потом в густых зарослях лещины, дрожащего, перепуганного насмерть.

А Пухар в бешенстве крутился на месте, ослепленный накрывшим его голову ватником. Наконец, он

сбросил его на землю и стал яростно топтать и рвать копытами и даже зубами. Когда от стеганки остались клочья ваты, зверь успокоился и пошел в загон. Сам, без понуканий.

Пришли в себя и люди. Переглядываясь и нервно пересмеиваясь, заперли ворота и принялись подкармливать зубра, чтобы заманить его в клетку. Это удалось не сразу, а когда зубр все же вошел в клетку, ее быстро захлопнули и водрузили на тракторные сани. Два трактора, «впряженные» в сани цугом, тащили клетку с зубром по лесу, по бездорожью километров пятнадцать, пока не притащили к дороге, по которой можно было транспортировать зубра автомобилем. Довезли Пухара на грузовике до поселка Сахрай — через Псебай, Лабинск, Майкоп и Хаджох, а там снова перегрузили на тракторные сани и доставили, наконец, на Кишу. Здесь его выпустили из клетки, и зубр сам направился в зубропарк.

Но недолго погулял Пухар в родных местах со своим стадом, очень недолго...

Как-то вышел он за территорию заповедника, забрел в урочище Западня — там, помнил он, груши росли сладкие, полакомиться захотел. Но не знал зверь, да и не мог знать, какая коварная западня поджидала его под этими грушами: пуля задетого им браконьерского самострела ударила его в челюсть и перебила ее. Острая боль затуманила глаза, отняла силу, и Пухар рухнул на колени. Но крепким зверем был Пухар! Он поднялся на ноги и пошел, шатаясь, к людям, в свой загон.

«Видим мы — идет Пухар, голову от земли поднять не может, — рассказывал Василий Васильевич Никифоров, — мокрый и ноги у него дрожат. Поняли — беда! Живо отворили ворота, запустили быка в загон, а что делать с ним — не знаем. Как подойдешь к раненому зверю? И я, и Калугин, и Заблоцкий — он в то время навестил заповедник, Кишинский зубропарк — идем следом за Пухаром, видим — зверю совсем плохо, а помочь ничем не можем... Так и пал наш буян и бродяга, надежда наша... Когда вскрыли — жакан в челюсти нашли...»

Случилось это 20 сентября 1957 года.

Но потомство Пухарово осталось, разрослось и вместе с потомством других чистокровных зубров-производителей дало возможность получить чистопородную микропуляцию горных зубров.

Уже в 1957 году в заповеднике насчитывалось 362 зверя — стадо ежегодно увеличивалось на 15—20 процентов. И через сорок с лишним лет, прошедших с того дня, как в Кишинском зубропарке появились первые 5 зубробизонов, в заповедных лесах и на заповедных — высокогорных лугах вы можете встретить зверей, совсем-совсем похожих на тех зубров, какие обитали здесь давным-давно. Кавказский горный зубр, уничтоженный человеком, можно сказать, восстановлен. Но восстановлен в виде нового животного, созданного в результате направленной племенной работы, изменения условий содержания и влияния окружающей горно-лесной среды. Полученные гибриды и чистопородные зубры, говорит С. Г. Калугин, — это пока только своеобразная породная группа зверей в желательном типе горного зубра. По экстерьерным признакам особи этой новой популяции горных животных отличаются от истребленного кавказского зубра. Однако следует ожидать, что под преобразующим влиянием среды обитания эти отличия будут постепенно сглаживаться. Сейчас именно среда обитания оказывает и впредь будет оказывать решающее воздействие на процесс формирования фенотипа горного зубра. Как пишет С. Г. Калугин, «зубры в заповеднике проходят сейчас длительный этап натурализации (экологической акклиматизации) в природных условиях. Происходит формирование и приспособление к внешней среде не отдельных особей, а микропопуляции в целом». И через ряд поколений сложится горное животное, все свойства и признаки организма которого — его фенотип — будут очень близки к фенотипу истребленного горного кавказского зубра.

За последние годы многое изменилось в работе с зубрами. Давно уж нет зубропарков — зубры ныне вольные, дикие звери, великолепно «вписавшиеся» в экологическую нишу, которую некогда занимали настоящие кавказские зубры.

Давно нет в заповеднике и тех самоотверженных людей, которые когда-то взвалили на свои плечи всю тяжесть работы по ингабтации зубра и с честью с нею справились. И уже нет того напряженного ожидания — «А что из этого выйдет?», которым томились зуброведы все эти долгие годы, — сейчас уже ясно, что из этого вышло. И сегодня в заповеднике зубриную жизнь внимательно наблюдает лишь Александр Степанович Нем-

цев — ученик С. Г. Калугина, который может, забыв о еде и отдыхе, сутками «мигрировать» вместе с заинтересовавшим его стадом зубров, может, не вспоминая об удобствах цивилизованного мира, месяцами — и зимой и летом — жить в горах. И который сегодня о зубрах знает, наверное, больше всех на свете. Да, да! Ведь таких зубров, каких Александр Немцев изучает сегодня, нигде в мире больше нет.

И вот их, таких гордых и могучих, ставших хозяевами заповедных горных лесов и лугов, вышедших уже за территорию заповедника и вольно обживающих новые для себя земли на северной покатости Северо-Западного Кавказа, — единственную в мире популяцию горного зверя, созданную гением человека, сегодня пытаются объявить вне закона. То есть вывести наших гибридных зубров за рамки научного интереса, поиска, за охранные рамки, лишить их права на существование или элиминировать, а попросту — уничтожить. Да, да, не больше и не меньше, как перестрелять всю популяцию, насчитывающую сегодня более тысячи голов. Причина? «Так они ж не чистокровные, они ж не настоящие кавказские зубры!» — говорят выдвинувшие идею элиминации (кстати, это понятие расшифровывается как естественная гибель особи, популяции, вида в силу естественных каких-либо причин. А здесь хотят прикрыть «красивым» научным словом поголовное насильственное истребление!). И утверждают, что гибридные зубры, обитающие ныне в Кавказском заповеднике, никогда не будут признаны как новая экологическая форма дикого горного зубра, созданная взамен уничтоженной, и что восстановление популяции не имеет никакого научного и практического значения.

И еще одну причину выставляют сторонники уничтожения популяции гибридного зубра: в Тебердинском заповеднике, в районе Архыза, поселили группу чистокровных беловежских зубров — так как бы они не «испачкались» о гибриды из Кавказского заповедника. И чтобы не случилось скрещивания «чистых» с «нечистыми», надо тысячу «нечистых» уничтожить, а на их место поселить три десятка «чистых» и ждать затем, пока они размножатся и превратятся в популяцию чистокровных горных зубров.

Идею так называемой элиминации гибридных зубров, размножившихся и обитающих ныне в Кавказском запо-

веднике и окрест него, выдвинул профессор В. Г. Гап-тнер — известный зоолог, специалист по копытным. А подхватил и активно пропагандирует эту идею М. А. За-блоцкий. Да, да! Тот самый Михаил Александрович За-блоцкий, который стоял у истоков нынешней столь бодро чувствующей себя популяции нового горного жи-вотного.

Странно иногда меняют свой ход события в нашей жизни. Еще вчера, вчитываясь в документы почти полу-вековой давности, я восхищался самоотверженностью энтузиастов восстановления горного зубра в Кавказском заповеднике, а сегодня сижу рядом с одним из авторов дерзновеннейшего плана помощи природе и никак не могу понять, как он может столь настойчиво, напористо добиваться уничтожения того, что было им задумано и начато. Не могу понять и принять того хладнокровия, с которым он говорит об отстреле зубров Кавказского заповедника... с применением вертолетов. Об отстреле, который предположительно нужно будет растянуть на десятилетие. О чудовищной акции, которая перечеркнет не только труд десятков людей, отдавших идее восста-новления зубра на Кавказе всю свою жизнь, не только надругается над памятью тех из них, кого уже нет с нами, но и уничтожит заповедник как таковой. Ибо он будет на долгие годы превращен в промыслово-охот-ничьи угодья.

Нет, не понимаю! И не приемлю!

Неприемлема эта идея уже потому, что ей противо-стоит неотразимый факт высокой жизнеспособности прижившейся, «притершейся» к биогеоценозам Кавказ-ского заповедника созданной человеком популяции ди-кого горного зверя, крупнейшего среди обитающих здесь копытных. Вся сегодняшняя жизнь этого зверя, все тон-кости его экологии и этологии говорят за то, что горный кавказский зубр восстановлен.

Да, генетический код этого животного нам неизве-стен, и мы не можем с полной уверенностью сказать, что имеем перед собой того самого горного зубра, который обитал на Кавказе еще семьдесят лет назад. Но ведь цель такая — воссоздать уничтоженный под-вид — и не ставилась! Целью было восстановление популяции горного зубра. И цель эта достигнута. И сейчас очень интересно знать, что же за животное мы получили в результате работы ученых и их помощни-

ков и воздействия среды обитания. Расшифровка гене-тического кода восстановленного зубра — разве это не задача для ученых? Тем более что систематики до сих пор не пришли к единому мнению в споре о том, явля-ются ли зубр и бизон разными видами животных или же это один и тот же вид, лишь обитающий в разных условиях — в степи, в лесу, в горах. А если так, то можно ли столь категорически заявлять, что восстано-вленная популяция есть популяция «нечистых», что это вовсе не зубры, а так — химеры какие-то.

Нет, не об уничтожении восстановленного животного нужно бы печься некоторым зоологам, а о широком изучении его существования в условиях дикой природы, об изучении тех естественных сил и причин, которые в столь короткий срок так резко изменили все свойства и признаки организма некогда завезенных в горы сов-сем не горных животных, превратив первоначальное небольшое искусственно выведенное стадо зубробизо-нов в мощную популяцию практически горного зубра. Разве это не задача?

ЗУБРИНЫМИ ТРОПАМИ

— Задача, да еще какая интересная, — согласился со мной Дубень, помешивая в котелке закипающий чай. После неудачной фотоохоты на зубров мы решили пере-кусить и теперь чаевничаем на каменистом берегу речки Каменистой. Солнце уже добралось до зенита, но жарко не было: все же август, да и высота сказыва-ется. Мы пили, обжигаясь, душистый и удивительно вкусный чай, а рядом, чуть ниже нашего стола, прыга-ла по скользким желтым, красным, черным валунам говорливая речка, пытаясь с разгона сдвинуть с места эти самые валуны, упираясь в их крутые гладкие бока острыми холодными струями. Но в августе у гор-ных речек силенок маловато, и поэтому у Каменистой ничего не получалось, и она обходила валуны, пенясь от злости. Своей скрытной и непонятной для непосвя-щенного жизнью жил высокий, пронизанный солнечным светом лес — в его глубинах что-то ухало, скрипело, хрупало ветками кустарников, свистело и чирикало. По стволу сосны мелькнула чья-то тень. Александр Влади-мирович отставил кружку.

— Глянь — белка...

И впрямь белка: сидит на ветке, прямо над нашими головами, и сердито цокает. Пушистый ее хвостик забавно подрагивает, глазки блестят.

— Темнохвостка, — говорит Дубень. Я не совсем понимаю, что это значит. Дубень просвещает меня. — Белки подразделяются на несколько категорий по окрасу шкурки, а если точнее, то хвоста. Есть бурохвостки, краснохвостки, чернохвостки, серохвостки и темнохвостки. Последняя — над нами. Присмотрись: хвост у нее в основной половине серый, а в концевой черный. Хребет темно-серый, бока серые, а лапки серо-черные. И голова серая, с рыжинкой. Замечаешь? В наших лесах теперь водятся, кроме темнохвостки, еще бурохвостки и краснохвостки — у этой кончик хвоста ярко-рыжий, как огонек, да и сама она рыжая...

Пока Дубень просвещал меня, я успел дважды спустить курок фотоаппарата. Белка швырнула в меня розоватую чешуйку шишки и «растеклась по дереву».

Белка эта не абориген кавказских лесов. Широко распространенная по всей лесной части Союза — от лесотундры до крайне южных лесов, она не встречалась лишь в горных лесах Кавказа, Крыма и Средней Азии. И ученые, идя, так сказать, навстречу пожеланиям охотников-промысловиков, решили акклиматизировать ценного пушного зверька там, где его не было. Выпуск белки, обитавшей в горных лесах Алтая, в леса Северного Кавказа был осуществлен в 1937 году на территории Тебердинского заповедника, на левом берегу реки Теберды в ущелье Малый Хутай и на левом берегу речки Гоначхир — всего 120 зверьков. Пришелице с Алтая на новом месте, видимо, понравилось, и она быстро расширила территорию своего обитания. Ее не остановили ни высокие — выше 3000 метров — скалистые хребты, ни широкие пространства альпийских лугов: через десять лет белку обнаружили в урочище Умпырь, а еще через четыре года она добралась до Черного моря — в Сочи, в Геленджик, в Новороссийск, и на север — в Апшеронск, под Майкоп. А сейчас этих бурохвостых, темнохвостых, краснохвостых смелых и озорных зверьков полно не только в лесах, но и в городских парках. Питания алтайской белке на Северном Кавказе хватает, климат подходящий — живи себе и размножайся.

Однако пора двигаться дальше: время поджимает.

В горах рассчитывай время так, чтобы при любых обстоятельствах возвратиться на исходную точку в контрольный час. А нам хотелось дойти до скал, где, по убеждению Дубеня, зимует несметное количество туров и серн. Поэтому мы шли ходко, насколько ходко можно идти на подъем по горной тропе. Мы могли бы двигаться еще быстрее, да мешала малина — ведь не пройдешь мимо суховатой колючей веточки, украшенной крупными, пронизанными солнечным лучом и светящимися алым, сладкими, духмяными ягодами. А у малинового куста не одна такая веточка...

А еще нас задержал необычный шиповник: на поляне Каменистой мы наткнулись на куртину шиповника, плоды которого выглядели весьма странно. Представьте большой, до дюйма в диаметре плод шиповника, каждая косточка которого тоже плод. Похоже в общем на лопнувший гранат. Объяснить это странное явление мы не сумели и, насобирав плодов-мутантов, решили при случае показать их специалистам (забегая вперед, скажу, что так нам никто и не объяснил, почему такое явление имело, как говорится, место...).

Отвлекли нас от исследования шиповника, поразившего воображение, ласточки. Они появились над поляной внезапно и сразу тучей, с писком, отчаянным щебетанием. Что-то их взволновало. Дубень остановился.

— А ведь они канюка гоняют, — сказал он. — Посмотри-ка...

Действительно — маленькие птички с отважными сердчишками смело атаковали довольно крупную птицу, похожую на ястреба, вертелись вокруг нее яростно кипящим клубком и не давали ей вырваться из этого клубка ни вверх, ни вниз. В отчаянии хищник, сложив крылья, пикировал прямо на своих преследователей, но они ловко увертывались и снова настигали своего обидчика — только перья летели.

— Видно, здорово канюк обидел ласточек, — Дубень вскинул фоторужье. — Достану, как думаешь? — И нажал спуск.

Высоковато шел «воздушный бой» — снимка не получилось.

Мы поспешили дальше. Гвалт птичьей драки еще долго стоял над нашей тропой. Наконец канюку удалось вырваться, он метнулся ввысь и растворился в сини августовского неба. Птичья мелюзга малость еще по-

возмущалась и тоже рассыпалась кто куда — у всего живого есть свои заботы.

Наша тропа выскочила на скалистый уступ, нависший над глубокой долиной, по дну которой где-то там, далеко внизу, укрывшись за густым девственным лесом, прыгала по камням речка Умпырка. Под ногами кудрявилась осиновая роща — ее светло-зеленые волны накатывались на склон отрога хребта Магишо, пестрея желтыми пятнами полян. Справа круто вздымался поросший пихтовым лесом хребет Луган, а впереди, за осинником, за пихтарником, под желтыми скалами горы Магишо, выше к небу зеленоватой дымкой просматривались субальпийские луга. Там был Умпырский перевал — он четко вырисовывался между двумя хребтами на синеве неба. Из-за перевала, из-за Лугана, там, далеко от нас, ветер вздымал кучевые облака.

А на скалках, где, по глубокому убеждению моего спутника, зимовали серны и туры (действительно, под ногами были настоящие россыпи козьих шариков), было тихо, знойно, пахло разогретой сосновой смолой, сеном и еще чем-то очень лесным, волнуяще пряным. Захотелось прилечь вон на том бугорочке, поросшем сочной густою травой, и вздремнуть под басовитое журчание пчелы-плотника — вон она, отливая сине-фиолетовым, как будто склепанная искусным Левшой из вороненой стали, деловито обследует какие-то цветки. Дубень так и сделал — бросил наземь куртку, сунул под голову пустоватый рюкзакишко и затих, вздыбив бороду в зенит. Я следую его примеру.

...Очнулся от чьего-то легкого прикосновения к щеке. Дремота ушла не сразу: сначала прояснилось в голове, затем пришло ощущение спины, там, где под правой лопаткой надавило, видимо, камушком, чуть позже появилась тяжесть в руках. И только ноги оставались где-то по ту сторону привычных ощущений — они еще спали, мои натруженные, безотказные пока ноги. Однако что же пощекотало мне лицо? Чуть-чуть приоткрываю глаза и заганяю дыхание: совсем рядом — рукой дотянуться можно — суетится небольшая рыжеватая зверюшка, какой-то грызун. А, да это же полевка! Снежная полевка. Чем это она занимается? Ну конечно же, заготовкой сена. Тащит куда-то, очевидно на главный склад, длинную стеблину. Ан нет, не тащит, а только подгрызает... Так, что-то насторожило ее — под-

пяла пухленькую мордочку, подергала носишком, пошевелила усами... Ушки — кругленькие, враспырку — чем не антенны локаторов! Постояла в напряжении мгновение какое-то — и снова за работу. Быстро-быстро работает острыми резцами, наклонив головку набок. Смешно двигаются ушки — туда-сюда, туда-сюда... Дергается подгрызаемый стебель, качается рядом растущая трава, щекочет мне нос — чихнуть хочется. Сдерживаюсь с трудом — интересно же досмотреть, что дальше зверек делать будет, — стебель уже склонился до земли. Полевка перестала грызть, обежала стебель кругом, ухватила зубами за его конец. Несколько раз дернула, упираясь лапками в землю. Стебель не поддался — видно, не до конца подгрызла. Бросила конец, побежала к погрызу — раз-раз-раз — все, дело сделано. Та-ак... Беремся теперь за толстый конец, пытаемся тащить. Не получается! Надо подумать... Умылась, расправила ушишки... Придумала: побежала вдоль ствола и стала обгрызать листья у самого основания черенка. Пообгрызла и принялась таскать на склад по одному. Ухватит за черенок и волочит. Склад оказался неподалеку. И как мы его сразу не заметили? Вон он под большим нависающим камнем-плитняком, стожок сена. А рядом с главным складом из всех щелей в камнях торчат пучки сухой травы. Запас.

Стукнул и покатился вниз камешек. Полевка стреканула в какую-то норку.

— Ах, спугнул! — Это Александр. Оказывается, он тоже наблюдал за зверьком. Да так неловко повернулся, что спугнул. Жаль...

Дремали мы недолго, времени еще у нас было достаточно — решили подняться повыше. Пошли по склону, поросшему осинной и сосняком. И наткнулись на «чесальную» сосну: мощное дерево, сваленное ветром, падая, зацепилось верхушкой за окружающие деревья, да так и осталось жить, раненое, но поддерживаемое товарищами. И теперь всякий зверь торопится сюда, чтобы почесать бока, или спину, или рога о шершавый ствол, покрытый натеками живицы. И чешутся звери не просто о ствол где попало, а именно там, где есть живица. Вот чесался кабан — след четкий оставил, и мы даже запах его уловили: видимо, только-только был здесь. Клыком поддел кору, собрал мордой живицу — она еще совсем свежая...

Чуть повыше чесался олень — рогами, боком. На боках, видимо, была грязь — остались следы ее на стволе вместе с шерстью. Дубень просвещает: грязный олень — верный признак начала гона. Но специфического запаха, присущего самцу на гоне, мы не ощутили. Кстати, мы и рева еще не слышали, хотя в этих местах олени начинают реветь во второй половине августа.

— Какое сегодня число? — спросил Дубень.

— Двадцать пятое...

— Пора уж им трубить, этим рогалям... Может, на Алоусе услышим?

Назавтра мы готовились отправиться на хребет Алоус понаблюдать за турами и сернами. Собственно, мы должны были выйти сегодня, но не оказалось под рукою лошадей — то ли они не были еще подкованы, то ли по какой другой причине. Вот мы и решили прогуляться по «зубровке». И не пожалели.

Однако пора возвращаться на базу — солнце светит в затылок. Конечно, заманчиво дойти аж до перевала — тропа так и рвется из-под сапог, но...

Вот что интересно в горах: вдаль они манят. Как бы далеко ты ни ушел, на какую бы вершину ни взобрался, и как бы ни устал, но если перед тобою еще хребет, если за достигнутой вершиной маячат скалами и поблескивает снегом и льдом другая, тебя так и тянет дальше, выше, потому что тебе до душевной дрожи хочется узнать — а что же там, за теми горами, за той вершиной, далеко ли видно с нее? И, ополоснув горячее лицо, остудив ноги, слегка перекусив, ты снова взваливаешь на горб рюкзак и идешь, карабкаешься по тропе, протоптанной зверьми, все дальше, все выше...

Говорят, горы — везде горы, одинаково крутые, одинаково угрюмые, одинаково опасные.

Неправда! Горы очень разные. Каждый хребет по-своему крут, каждая вершина по-своему величава, каждое ущелье по-своему заманчиво и таинственно. И даже горная речушка звенит и по камням прыгает по-своему.

Горы прекрасны. Хотя бы тем, что здесь, в этих мрачноватых дебрях, среди этих скал, на этой неизведанной тропе чувствуешь себя мужчиной. И вообще — «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бежал».

Вниз бежали шустрее. Время подгоняло...

Миновали, не замочив ног, Каменистую — она все еще пенилась, пытаясь сдвинуть валуны; тропа отвалилась влево, ближе к ложу Умпырки. Скоро поляна Азиатская, а там и речка того же имени, и останется нам идти совсем немного до кордона — как раз столько, сколько прошли.

А время уже к шести, заметно свечерело в лесу, солнце уже до дна лес не пронизывает, вот-вот свалится за Кочергу, за Алоус, за далекую отсюда Джугу — и включай фонарики, если не хочешь вернуться на базу с «фонарями». И мы нажимаем с носка на пятку, как ходят бывалые таежники. Так, говорят, ходить по лесным тропам спорившее и ритмичнее, а значит, экономичнее. В смысле экономии сил и времени. И обуви, наверное. Вот мы и стараемся. Я, во всяком случае (Дубень, по-моему, идет как обычно, не очень-то стараясь, «носки прямо — пятки врозь»). И идет споро, лишь шуршат отвороты его резиновых забродских сапог — шур-рр-шу-рр-шуррр). Но — чу! На подходе к Азиатской послышался шум, треск сучьев, похрюкиванье. Александр остановился, шагнул за дерево, поманил меня рукой, показывая, чтобы шел как можно тише. Иду на цыпочках, чуть дыша, утыкаюсь носом в Сашин рюкзак, слышу шепот: «Зубры... Большое стадо, с молодыком. Видишь?» Высовываюсь из-за Александра и вижу: на большой, заросшей травой поляне медленно движутся темные горбатые тени. Шесть или семь. Дубень шепчет: «Больше! Смотри внимательнее...» Смотрю-всматриваюсь — да, действительно: вон, у опушки, еще два зверя... Нет — три. Пять! Еще два поднялись — лежали в траве, не видно их было. Что такое — не понятно! На рогах — смотри! Слово бурки наброшены... Ба! Да ведь это траву они намотали себе на рога! Ин-те-рес-ное явление, непонятное. Вот крайний, что к нам поближе, сунул голову в траву, вертит там ею, хрюкает — и на рогах еще большой пук травы, целый стог! Славную мы диковинку этологическую¹ подсмотрели, хорошо, что ветер на нас тянет — зубры нас не чувят, спокойно себе возятся. Александр показывает на фотоаппарат — попробуй, мол. Согласно киваю, расстегиваю футляр, прицеливаюсь — ничего не видно. Во-первых, далеко мы от зверей, а во-вторых, уже темно. Правда, мой «Зенит» заряжен

¹ Этология — наука, изучающая поведение животных.

«стотридцаткой», может, возьмет, если поближе подойти? Ползком, скажем? Может, зубры не очень возмутятся нарушением их покоя? Помнится, у Ксении Юрьевны Голгофской, ведущего геоботаника заповедника, был подобный случай. Когда-то, еще «на заре зубровой юности» и будучи еще сама в отчаянно-смелом возрасте (сейчас Ксения Юрьевна уже на заслуженном отдыхе, хотя и не отошла от заповедника, все время находя здесь какую-либо заботу), она решила запечатлеть на пленке Ермыша (был такой в стаде — помните, от Еруни и Журавля? — могучий и довольно сердитый бык, его чучело теперь хранится в одном из музеев заповедника — видимо, это закономерный финал всех свирепых...). Сначала снимала зверя издали, из-за дерева, как мы вот. Затем решила сделать снимок покрупнее — подошла поближе, унимая дрожь в коленках, готовая чуть что задать стрекача снова за дерево. Однако зверь и ухом на нее не повел. Тогда отважная исследовательница подошла поближе. Щелк-щелк! — а зубр ноль внимания. Не таясь вовсе, Голгофская приблизилась почти вплотную — та же реакция. «Да что он — чучело, что ли!» — возмутилась Ксения Юрьевна и стала снимать зверя в упор, с полутора метров. Ермыш перестал жевать, вздохнул и... отвернулся. Надоело, мол, мне все это.

Так вот, может, и нам — в упор? Переглянулись и не пошли: на поляну из лесу вывалилось еще несколько зубров — взрослые и телята. Взрослые вышли степенно, а телятишки — задрал хвостишки. И ну брыкаться, бодаться!

Интересно наблюдать со стороны за поведением зверят — до чего же шустрые, потешные. Я просто уверен, что если бы почаще показывали кинофильмы из жизни звериных детишек, мы, люди, стали бы добрее к братьям нашим меньшим в частности и к природе вообще. Добрее и заботливее. Ведь малыши всегда вызывают и умиление, и жалость, и желание позаботиться о них, защитить от беды. Помню, как-то знакомый охотник-волчатник добыл волчицу со щенятами. Щенят принес домой — пятерых, малых, неразумных, голодных. Жена увидела, всплеснула руками, запричитала: «Ах вы ж мои несчастенькие, ах вы ж мои сиротки!» — и принялась поить волчат молоком из соски...

Слышал и про такой случай. Пала зубрица Жаннета (это было весной 1957 года), оставив новорожденного теленка. Он был обнаружен зуброводом Николаем Петровичем Карналюком у трупа матери лишь на третьи сутки в глухом углу лихтового леса, чуть живым. Карналюк закутал теленка в стеганку и чуть ли не бегом притащил домой, на кордон. Жена Николая Петровича — Любовь Андреевна — даже расплакалась, увидав совершенно беспомощного зверенка. И решили Карналюки выходить его. Нарекли Мишкой и окружили зубренка заботой и лаской. Поили сначала коровьим молоком из соски, затем стали добавлять в рацион теплое мучное пойло, зелень, морковь, свеклу и прочее витаминное питание. Бычок быстро окреп, стал отзываться на кличку и очень привязался к «папе» и «маме» — ни на шаг не отходил от дома, пасся неподалеку и, если Николай Петрович и Любовь Андреевна появлялись у него на виду, — стремглав несся к ним, напрашивался на ласку, терся курчавой головой о руки...

Когда Мишка подрос, Карналюки стали использовать его под легкий выюк, уходя на поиски вольного стада зубров. И не только под выюк: зубры, к тому времени уже порядком отвыкли от людей, одичавшие, видя зубренка рядом с людьми, не волновались, когда те подходили ближе к стаду. И только одна из молодых зубриц, видимо, решив, что люди насильно удерживают зубренка, атаковала их. Карналюкам пришлось, оставив Мишку, спасаться бегством. Думали, останется Мишка навсегда в стаде. А он, увидав, что его «родители» уходят, задрал хвост — и за ними вдогонку. Так и вернулись они домой втроем.

К осени у Мишки выросли маленькие острые рожки, а к зиме он покрылся густой мягкой курчавой шерстью и совсем стал похож на взрослого зубра, только маловат был еще. Но когда повзрослел настолько, что стал дичиться чужих людей, ушел в стадо.

А вот как Соньку воспитывали, я наблюдал сам. Было это на Умпырском кордоне, и занимались Сонькой все.

Пришла Сонька к людям сама — маленькая исхудавшая телочка, ветром качало, видимо, отбилась от стада в ту многоснежную зиму. Пришла прямо на конюшню кордонскую. Ее обнаружили утром, в дальнем углу славшей на сене. Алексей Харитонович Пилипенко не

стал тревожить гостей и попросил об этом всех обитателей кордона.

Сначала зубришка дичилась людей, но уже спустя неделю пообвыкла. А еще некоторое время спустя уже брала из рук сено, разгуливала по кордону, откликаясь на зов.

Прожила Сонька на кордоне довольно долго, кажется, до лета. А потом ушла. Но частенько заходила в гости к людям. И ее узнавали, встречали с теплом и, как говорится, с хлебом-солью в буквальном смысле.

Уверен: именно такую должна быть реакция нормального человека на доверие животных — братьев наших меньших. Именно такую должна быть человеческая забота о зверятах. Ведь Человек — старший сын Природы, самый умный и поэтому самый сильный и добрый. Именно сын Природы, а не царь. Мы же все — и люди, и звери — ее дети. Одна семья.

...Вдоволь натешившись, телятки угомонились наконец. Почти все стадо улеглось в траву — только рога торчат. Мы решили, что настало наше время, и двинулись перебежками от дерева к дереву поближе к зубрам. Александр взвел фоторужье и, добравшись до самого крайнего пня на краю поляны, сделал несколько снимков. Однако уже было слишком темно, и даже «стотридцатка» не взяла: когда мы проявили свои пленки, то в кадрах оказались только тени, в которых лишь при большой доле фантазии можно было определить зубров.

Возвратились мы на кордон к восьми часам, уже, собственно, по глубоким сумеркам. Кордон встретил нас незлобным лаем собак, приглушенным — из конюшни — ржанием и повизгиванием лошадей, запахом парного молока и мерцанием керосиновых ламп в окнах жилья лесников...

Лесники на Умпыре живут в основном в рубленых домах — дом на две семьи. Однако есть и турлучные хатки — в них холоднее, старые они уже. В такой хатке — с сенями, с передней, в которой печка, и с просторной второй комнатой, где стоят слегка помятые железные кровати с панцирными голыми сетками, колченогий стол да две длинные деревянные скамьи, — определились мы на временное жилье. Развернули и бросили на кровати спальники, налили в раковину холодной — из Малой Лабы — воды, накололи дров — можно зимовать.

Но зимовать нам здесь, конечно, не придется — завтра, если все будет в норме, отправляемся на Алоус. Едва мы разожгли лампу, пришел лесник Виктор Подгорный сказать, что лошади готовы на завтра и что с нами пойдут двое молодых лесников, недавно приехавших на кордон. И еще Виктор пригласил нас на борщ — и это было самое главное, ибо есть нам хотелось, а готовить ужин — нет.

У Виктора двое чудесных дочурок — Валя и Галя. Вале пора в школу — едет на днях с матерью в Мостовское (ее дома на этот раз не было — уехала обеспечить дочке интернат, так что девчонки сами верховодили дома, Виктор ласково зовет дочек «мои хозяйшечки»), а Галя еще маловата для школы. Кстати, Галя родилась здесь, на кордоне, и Виктор сам принимал у жены роды. Что поделаешь, такова жизнь лесника на далеком кордоне, расположенном в самом центре заповедника, в самой его сердцевине, куда вертолетом можно добраться, или верхом на коне, или же пешком...

Когда мы возвращались сытые и подбодренные от Виктора Подгорного, встретили Настасью Пилипенко — она несла нам крынку молока.

Ничем и никак не утешить человека, навсегда потерявшего кого-нибудь из своих самых близких. Настасья потеряла мужа: Алексей Пилипенко погиб два месяца назад, в то самое половодье, которое разнесло в щепы электростанцию кордона.

Сидим в хате, перебираем семейные фотографии, изредка перебрасываемся воспоминаниями. Настасья тихо плачет, вытирая слезы кончиком косынки. Фотографии в большинстве любительские, не ахти какого качества, но они довольно точно, хотя и скупо, характеризуют Харитоньча как неутомимого работника, без оглядки преданного заповеднику, которому он отдал без малого двадцать лет жизни, большого знатока и любителя природы. Старший зубровод, он был с зубрами на «ты», и, наверно, поэтому зубры так и не ушли из Умпырской котловины даже тогда, когда Умпырский зубропарк был расформирован, и не случайно, наверно, зубришка Сонька пригрелась в углу пилипенковской конюшни...

Он хорошо знал повадки зверей. И лес. И горы. В его жизни и работе в этих горах случалось всякое. Он и в лавину снежную попадал, и с браконьерами дрался.

С ним было легко в горах и интересно. Невысокого роста, коренастый, с карабином за плечами, спокойный в любой, самой экстремальной ситуации и немногословный, Харитоныч был опорой многих научных сотрудников заповедника в их нелегких горных маршрутах.

Посчастливилось походить с Алексеем Харитоновичем и мне. Было это в сентябре 1974 года. После закрытия слета лесной охраны заповедника, который проводился в глубине заповедника, в урочище Баня, на берегу речки Цахвоа, мы с Пилипенко должны были пойти на хребет Ахцархва — там, в скалах, по словам Харитоныча, масса всякого зверья.

Сентябрь есть сентябрь, особенно в горах. Накануне дня, назначенного исходным, лил дождь, и мы уж засомневались, а состоится ли маршрут вообще. Но внезапно похолодало, дождь прекратился, и гору Кочергу выбелило снегом до самой опушки леса. А ночью вывездило до самых далеких небесных далей, и утром мы верхом вышли к скалам Ахцархвы. Шли ходко — тропа отличная, утоптанная туристами. И погода ничего себе была. С утра. Но только мы вышли на Мастаканские поляны, посыпалась снежная крупа. Однако нас это не напугало — мы дошли-таки до цели и наблюдали это самое зверье: и оленей, у которых в разгаре был гон, и туров, и кабанов. Мне тогда посчастливилось заснять сипа — он парил совсем рядом, на одном уровне с нами и так близко, что все маховые перья можно было пересчитать. Слайд получился великолепный — огромная птица, на весь кадр, парящая в тумане. Это был последний в этот день кадр: сорвалась такая пурга, что в двух метрах ничего не было видно, верхом на коне невозможно было усидеть. Мы быстро скатились с альпийских лугов к лесу в надежде устроиться под какой-нибудь подходящей пихтой на ночлег, да не тут-то было: в лесу снег сменился ливнем, и Харитоныч решил, что лучше бежать домой под дождем, чем мокнуть под пихтой неизвестно сколько. И мы пошли...

Не знаю, смог ли бы я выдержать такой переход еще раз без Алексея Харитоныча. Вряд ли. Дождь лил такой, что ходовое выражение «как из ведра» не может определить и десятой доли того буйства стихии, какое нам тогда пришлось испытать. Почва раскисла и превратилась в жидкую кашу; все вокруг пропиталось холодной водой; сказать, что мы вымокли до костей —

значит ничего не сказать: раскисла даже сбруя на лошадях, и, когда мы перебирались через очередной завал (ветер был хорошим помощником ливню и легко валил подмытые деревья), вьюки на нашей заводной перекошились, перевернулись, лошадь потеряла равновесие и упала. Да так неудачно, что пришлось сбрую порезать, чтоб освободить лошадь от поклажи. Часть вьюка переложили на верховых, а часть, причем большую, Пилипенко приторочил... на свой горб; заводная, падая, сильно ушибла ногу и захромала. Харитоныч нес груз, ведя в поводу двух лошадей.

Два дня мы сушились, а на третий, как только заголубело над головой, двинулись таким же караваном через Алоусский перешеек на поляну Бурьянистую — на учет оленей. А затем наш путь должен был лечь по долине Уруштена к его верховьям — на лагерь Холодный и через перевал Псеашхо — в Красную Поляну.

Удивительно щедра на краски осень в горах! Какие смелые мазки маслом, какие тонкие, прозрачные акварели, какие мягкие пастели волнуют воображение, восхищают, заставляют трепетать душу! И как все это щедро, с каким размахом, просто удивительно...

Где-то там, на далеком и высоком — под самое небо — горизонте, голубеет вздыбившаяся и навсегда застывшая морская волна. Может быть, она бы и опала, эта легкая, прозрачная, пронизанная светом волна, да ее подпирает другая — мощная, резкая, синяя до черноты, а вторую подпирает третья, столь же крутая, но уже сложенная из многих более мелких и коротких волн, которые, в свою очередь, состоят из тысяч и тысяч острых темно-зеленых всплесков. И всматриваясь в игру голубых, синих, зеленых и черных тонов, в линии и пики, ты наконец начинаешь воспринимать все это как далекие и близкие хребты, покрытые косматыми бурками буквых и пихтовых лесов. И вдруг видишь перед собой — немного пройди и дотронешься рукой — яркие и сочные полотна веселой светлой зелени, украшенные там и сям броскими мазками золотистой охры и киновари. То осень позолотила пряди высокогорной березы, то она зажгла алым пламенем яворы...

Бежит тропа по тихому темноватому пихтарнику, перепрыгивает через многочисленные ручейки, огибают скалистый уступ — и останавливаешься пораженный: прямо перед тобой стоит молоденький клен, весь из

кованого золота, и роняет на тропу резные листья, и они звенят тихонько, ложась на землю. А вокруг сияние — нежное-нежное, прозрачное-прозрачное...

Это — тоже осень, ее искусство.

Может, потому, что осень так прекрасна, у оленей именно в этот период года наступает пора любовных волнений и утех?

На Бурьянистой срублен крепкий уютный домик. В нем есть нары, «буржуйка», из него великолепный вид на Алоус. Сама поляна раскинулась по левой стороне долины Уруштена, у подножия мощной Джуги — на ладошке одного из ее отрогов, а называется она Бурьянистой не зря: здесь бурьяны растут выше лошади, в основном борщевик. А вообще-то поляна уютная, даже и зверем излюбленная. Во всяком случае, в тот год, когда мы были здесь с Пилипенко, этих рогатых на Бурьянистой можно было снимать прямо из дверей домика.

Однако мы пошли на альпийские луга — Харитонич знал здесь каждую звериную тропку, каждую балочку, каждую скалу. Мы поднялись с ним по хребту, на котором косматой светло-зеленой гривой укоренились сосны, затем спустились в балку. Здесь бежит безымянный ручей, торопясь на свидание с речкой Аспидной, что катится из-под Аспидного перевала. Затем опять поднялись... Часа четыре шли мы на альпику под палящим солнцем — словно это не последняя декада сентября, а июль, и словно еще два дня назад не хлестал здешнюю землю косой холодный дождь, сменявшийся то снегом, то градом. И словно не было прошлой ночью мороза!

Харитонич, одетый в неизменную легкую стеганую фуфайку, в суконовые выдавшие виды брюки и обутый в кирзовые сапоги, глядя на меня, только посмеивался. Я натянул двое штанов, свитер и прорезиненную куртку, резиновые сапоги, четыре пары носков. На моей шее болтались фотоаппарат и бинокль. Я парил на ходу, как старый паровоз. Видя такое мое состояние, Алексей Харитонович выбирал тропки более пологие и не торопился. Так мы добрались до точки, откуда виден перевал Аспидный, верховья рек Аспидной и Грустной. Харитонич звал меня дальше, к какому-то озеру, но из меня уже весь пар вышел, и я решил... загорать. На снегу. Здесь снег лежал чуть ли не по колени, а солнце изо всех сил пыталось его растопить. И мне показалось, что если я

оголюсь хотя бы до пояса, то отдохну, подзагорю на высокогорном солнце и подсушу свои рубашки и майки. Харитонич резко возражал моим намерениям, но...

Честно говорю, ничего особенного со мною не произошло. Я не простыл, но и не загорел, да и сорочки не высохли, а выстудились — пришлось идти в темпе, чтобы согреться. И потому, что я был поглощен именно этой целью, я прозевал серну, которая буквально выкатилась из-за скалки в двух шагах от меня. Она стояла, сердито сверкая огромными, как мне показалось, глазами и топала стройной ножкой, «обутой» в изящное копытце. И свистела — громко и резко, словно созывала своих, чтобы помогли выпроводить незваного гостя. Растерявшись, я попытался сфотографировать серну... биноклем. Ох и смеялся же Пилипенко!

На следующий день мы с Харитоничем двинулись на Синюю — есть такая речка выше по Уруштению, приток Уруштена. Она синяя и в самом деле, хотя холодные струи ее прозрачны — речка эта бежит из-под ледника Дзитаку, по широкой троговой долине, вбирая на своем пути к Уруштению многочисленные ручьи, катящиеся с крутых боков хребтов Дзитаку и Уруштен. Здесь тоже зверей достаточно много, но Алексей Харитонович, всю дорогу тревожно поглядывавший на небо, на бегущие по нему растрепанные полупрозрачные, похожие на перья облака, заторопился: опять непогода настигает. И она настигла нас, вывалив ночью снег...

Лагерь Холодный мы проскочили с ходу. В том же темпе вышли на перевал Псеашхо и к Бзерпскому карнизу, с которого хорошо видна Красная Поляна. Но пройти с навьюченными лошадьми через Медвежий ворота уже нельзя было: снег здесь лежал глубокий. И тогда Пилипенко повел меня в обход — по хребту Бзерпи. Шли мы долго и трудно. Лошади проваливались в снег по брюхо, их надо было буквально тащить на поводу; солнце, отражаясь от совершенно девственной белизны снега, больно било по глазам, я отчаянно жмурился, и бог весть, чем бы окончились эти жмурки, не окажись Харитонич ко всему прочему еще и человеком предусмотрительным — у него нашлись простейшие щелевые очки...

До Красной Поляны мы в тот день не дошли — нас приютили на кордоне Лаура. Едва переночевав, Алексей Харитонович на следующий день двинулся обратно.

Он не боялся гор, не боялся непогоды, не страшился дальнего пути — он был здесь, в заповедных горах, как дома.

И вот его уже нет, и мы тоскливо перебираем пожелтевшие фотокарточки...

Сколько их, таких вот беззаветно преданных делу сохранения уникальных уголков природы, делу приумножения ее богатств и защиты их от хищников в образе человеческого, сколько их осталось в этих горах! На Умпыре есть простенький обелиск — памятник лесничему Петру Алексеевичу Пасечному, чью жизнь оборвала пуля бандита-браконьера в Воровской балке. Теперь эта мрачная балка носит имя Петра Пасечного. Ему было тогда всего тридцать два года...

Рядом с памятником Пасечному в одной ограде стоит и памятник Алексею Пилипенко. Будете случаем на Умпыре — положите к обелискам цветы. Для всех, кто отдал жизнь заповеднику.

В ЦАРСТВЕ ТУРОВ И СЕРН

АЛОУССКИЙ УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

...Ночью подморозило. Наша хата не выдержала морозного давления — пришлось вставать и подтапливать. Но утро выдалось ясное и теплое, мы быстренько собрались и караваном в четыре лошади двинулись давно знакомой тропой до Алоусского перешейка, с которого тропа должна была вывести нас на массив Алоус. Где-то там, под самой горой, почти трехтысячметровым Алоусом, на берегу речки Хаджибей стоит балаган из дранки, в котором нам и придется обитать. И не просто коротать время, а ходить в маршруты и считать поштучно зверье — серн, туров и оленей. Главным образом серн.

До перешейка добежали без приключений, лишь на Яворовой поляне задержались на миг, чтоб полюбоваться в багрянец одетыми лесными великанами — высокогорными кленами. Что-то больно рано заалели яворы... На самом перешейке — водоразделе между бассейнами Малой Лабы и Уруштена (хотя Уруштен — Черная речка тоже впадает в Малую Лабу) стоят два обелиска. Один — защитникам Кавказа в Великой Отечественной войне, другой — в честь 50-летия СССР.

Первый сложен из камня, сложен давно, второй — это большой пятигранник, склепанный из оцинкованной жести.

От обелиска хороший обзор окрест — на севере красуется Мастакан, укрытый по пояс тяжелой, местами протертой до охряной основы полостью из темно-зеленого меха пихтовых лесов, чуть правее громадится Сергиев Гай, слева, на северо-западе, желтеют Бамбаки и скалит каменные зубы угрюмая Джуга, а сзади, за спиной...

А за спиной — тропка, что желтобрюхим полозом скользит с перешейка сначала вниз, на желто-зеленую от цветущего девясила солнечную поляну, затем — несолько медленнее и даже местами с остановками — петляет по великолепному малиннику, весьма высоко (если судить по следам пребывания) оцененному косолапым, а уж из малинника тропа круто поднимается в пихтарник и идет по нему, дремучему и темному, до самого березового криволесья. Здесь светлее: лес-то пониже да пожиге, да и субальпника — вот она, пестрая и просторная, стелется под копытные копыта. Это уже хребет Алоус, одно из самых интересных мест.

Субальпника свежестью травы не радует — желтизной отдает травка, пожухла. Видать, здесь морозец был пожестче, чем на Умпыре. Да и то сказать — высота...

С увала на увал, с хребта на хребет, и вот перед нами, внизу — два пятна неба. Одно малое совсем, скорее коричневатое, чем синее, а другое достаточно большое, весьма неопределенной формы, хотя в основе этой неопределенности лежит форма полумесяца. Это алоусские озера. Спускаемся, чтобы полюбоваться ими, ополоснуть потные лица их студеной водой. Озера лежат в складке, меж двумя увалами, малое — бессточное, а из большого вытекает ручей. Вода чистая, но имеет какой-то странный привкус, вроде бы старая вода.

Вокруг озера — утопанные сотнями копыт площадки, здесь водопой для серн, туров, оленей. Да вот и они сами, собственной персоной — серняки, как панибратски называет Дубень этих изящных представителей славного рода Рупикапра из достойного семейства полорогих, в котором и зубры, и газели, и туры, и сайги, и горалы, и горные козлы, и винторогий козел — мархур, и даже горные бараны. Не правда ли, представительное семейство? К сожалению, в заповеднике обитают из этого семейства лишь зубры, туры да серны.

Он не боялся гор, не боялся непогоды, не страшился дальнего пути — он был здесь, в заповедных горах, как дома.

И вот его уже нет, и мы тоскливо перебираем пожелтевшие фотокарточки...

Сколько их, таких вот беззаветно преданных делу сохранения уникальных уголков природы, делу приумножения ее богатств и защиты их от хищников в образе человеческом, сколько их осталось в этих горах! На Умпыре есть простенький обелиск — памятник лесничему Петру Алексеевичу Пасечному, чью жизнь оборвала пуля бандита-браконьера в Воровской балке. Теперь эта мрачная балка носит имя Петра Пасечного. Ему было тогда всего тридцать два года...

Рядом с памятником Пасечному в одной ограде стоит и памятник Алексею Пилипенко. Будете случаем на Умпыре — положите к обелискам цветы. Для всех, кто отдал жизнь заповеднику.

В ЦАРСТВЕ ТУРОВ И СЕРН

АЛОУССКИЙ УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

...Ночью подморозило. Наша хата не выдержала морозного давления — пришлось вставать и подтапливать. Но утро выдалось ясное и теплое, мы быстренько собрались и караваном в четыре лошади двинулись давно знакомой тропой до Алоусского перешейка, с которого тропа должна была вывести нас на массив Алоус. Где-то там, под самой горой, почти трехтысячметровым Алоусом, на берегу речки Хаджибей стоит балаган из дранки, в котором нам и придется обитать. И не просто коротать время, а ходить в маршруты и считать поштучно зверье — серн, туров и оленей. Главным образом серн.

До перешейка добежали без приключений, лишь на Яворовой поляне задержались на миг, чтоб полюбоваться в багрянец одетыми лесными великанами — высокогорными кленами. Что-то больно рано заалели яворы... На самом перешейке — водоразделе между бассейнами Малой Лабы и Уруштена (хотя Уруштен — Черная речка тоже впадает в Малую Лабу) стоят два обелиска. Один — защитникам Кавказа в Великой Отечественной войне, другой — в честь 50-летия СССР.

Первый сложен из камня, сложен давно, второй — это большой пятигранник, склепанный из оцикованной жести.

От обелиска хороший обзор окрест — на севере красуется Мастакап, укрытый по пояс тяжелой, местами протертой до охряной основы полостью из темно-зеленого меха пихтовых лесов, чуть правее громадится Сергиев Гай, слева, на северо-западе, желтеют Бамбаки и скалит каменные зубы угрюмая Джуга, а сзади, за спиной...

А за спиной — тропка, что желтобрюхим полозом скользит с перешейка сначала вниз, на желто-зеленую от цветущего девясила солнечную поляну, затем — несколько медленнее и даже местами с остановками — петляет по великолепному малиннику, весьма высоко (если судить по следам пребывания) оцененному косолапым, а уж из малинника тропа круто поднимается в пихтарник и идет по нему, дремучему и темному, до самого березового криволесья. Здесь светлее: лес-то пониже да пожире, да и субальпика — вот она, пестрая и просторная, стелется под копытные копыта. Это уже хребет Алоус, одно из самых интересных мест.

Субальпика свежестью травы не радует — желтизной отдает травка, пожухла. Видать, здесь морозец был пожестче, чем на Умпыре. Да и то сказать — высота...

С увала на увал, с хребта на хребет, и вот перед нами, внизу — два пятна неба. Одно малое совсем, скорее коричневатое, чем синее, а другое достаточно большое, весьма неопределенной формы, хотя в основе этой неопределенности лежит форма полумесяца. Это алоусские озера. Спускаемся, чтобы полюбоваться ими, ополоснуть потные лица их студеной водой. Озера лежат в складке, меж двумя увалами, малое — бессточное, а из большого вытекает ручей. Вода чистая, но имеет какой-то странный привкус, вроде бы старая вода.

Вокруг озера — утопанные сотнями копыт площадки, здесь водопой для серн, туров, оленей. Да вот и они сами, собственной персоной — серняки, как панибратски называет Дубень этих изящных представителей славного рода Руликапра из достойного семейства полорогих, в котором и зубры, и газели, и туры, и сайги, и горалы, и горные козлы, и винторогий козел — мархур, и даже горные бараны. Не правда ли, представительное семейство? К сожалению, в заповеднике обитают из этого семейства лишь зубры, туры да серны.

Серны Западного Кавказа давно объект пристального изучения. Правда, в прошлом веке изучение это сводилось в основном к описанию видимого, наблюдаемого: встретила серна там-то и там-то, наблюдалось стадо серн во-он на той скале... И только в конце XIX века, с 1890 года, известный русский зоолог профессор Н. Я. Динник начал систематические исследования экологии серны, обитающей на Западном Кавказе. Н. Я. Динник занимался этими исследованиями в целом одиннадцать лет и опубликовал весьма интересные работы. В 20-х годах нашего века серной — уже в заповеднике — занимались и Х. Г. Шапошников, и С. С. Туров, и М. Т. Розанов, а с 30-х годов, когда в заповеднике наладилась настоящая научно-исследовательская работа, развернулись и интенсивные исследования биологии серн. Много времени в эти годы отдал изучению серн Андрей Александрович Насимович, разработавший методику количественного учета серн (а также туров и оленей). Это он открыл некоторые закономерности зимнего распространения и миграции серн в горах Западного Кавказа, исследовал влияние хищников на популяцию серн, дал научное объяснение пристрастия животных к так называемым солонцам, то есть минеральному питанию.

Немалый вклад в изучение экологии серны внес зоолог И. В. Жарков — сподвижник А. А. Насимовича. Он принимал активное участие в разработке методики учета серн и других копытных, это ему принадлежит идея зимнего учета копытных в условиях заповедника методом прогона и воплощение этой идеи в практику, а его работа «О взаимоотношениях серн с домашними животными на высокогорных пастбищах Северо-Западного Кавказа» уникальна.

Занимались серной и в 40-х годах, и в 50-х, и в последующие годы. Очень глубокие исследования сернячьего образа жизни провел Владислав Андреевич Котов в конце 50-х — в 60-х годах. Он изучал распространение, численность, морфологию, размножение, зимовки серн. Его работы посвящены также охране и рациональному использованию этого природного ресурса.

И тем не менее многое в биологии серн остается белым пятном. Например, до сих пор нет единого мнения о весе и размерах серн, очень мало данных по морфологии их внутренних органов, недостаточно ясны вопросы

роста и развития животных в условиях Западного Кавказа, их питания, суточных и сезонных миграций, полового и возрастного состава стад, несовершенно и методы учета серн: он основан на подсчете численности зверей в альпике, а в эту самую альпиду не всякий из учетчиков может добраться — больно уж высоко обитают серны, больно уж скалы любят...

А тут еще беда — сокращается ареал серны на Кавказе. Уже не увидишь ее на Скалистом хребте в пределах Краснодарского края, единицы зверя остались на Фишт-Оштенском массиве, в бассейне реки Цице, в районе горы Мессо и в других местах, ранее обильных серной. Принято считать основной причиной сокращения ареала серны антропогенный фактор.

Сейчас считается, что серн в Кавказском заповеднике 5200 голов. А сколько их будет завтра? А сколько их обитает на всем Кавказе?

На эти вопросы не ответить, если не знать, не изучать сегодняшнего состояния популяции серны в заповеднике. Вот А. В. Дубень и лазает следом за сернами по скалам, добывая возможность для «вытравливания» белых пятен в наших знаниях об экологии этих великокопытных животных, могущих стать при широком распространении объектом серьезного промысла.

— Кое-что нам уже известно лучше, чем, скажем, двадцать и даже пятнадцать лет назад, — просвещает меня Александр.

— Например?..

— Например, размеры серны. Многократные измерения отлавливаемых особей дали для самца такие параметры: длина тела 115—131 сантиметр, высота в крестце 82—98 сантиметров, а в холке 77—94. Вес варьирует от 29 килограммов в апреле до 42 в октябре. Вот сейчас, в конце августа, серняк весит примерно 35 килограммов. Самки у серн поменьше и полегче. Рога имеют и самцы, и самки, только у самок они потоньше и покороче. Изящнее, я бы сказал. Обрати внимание на форму рогов — примерно две трети их ровные, вертикально поставленные, а затем рога резко изгибаются назад, словно крючок. Причем верхняя часть рогов, изгиб, очень гладкая, а нижняя — от основания и до изгиба имеет хорошо заметную кольцевую морщинистость и наплывы — по ним можно точно сказать, сколько лет животному.

— А почему рога у серпы так резко изогнуты назад?

— Не знаю. Видимо, есть какая-то целесообразность. Природа зря ничего не делает...

Мы спешились, сидим у озера и вот так беседуем, наблюдая за серпами в бинокли. Они действительно толкуются на точкѣ — площадка довольно обширная, выбитая до основания, там, наверное, естественный солонец.

Любопытное это явление — паломничество зверей на солонцы! Солонцуются все звери, какие есть, — олени и серпы, туры и кабаны, косули и медведи, рыси и куницы, даже зайцы, а также птицы. Наблюдали, как пили солонцовую воду зяблики, дрозды, синицы, гаечки. Звери солонцуются так старательно, что даже выгрызают столь глубокие ямы, что голова в ней прячется, когда они достают желанную минеральную подкормку. Солонцы бывают разные по своим химическим компонентам — одни содержат кальций, другие — магний, есть серные, нарзанные, железистые, углекисло-щелочные, соляные солонцы. И все они посещаются зверьем. И одна из задач зоологов заповедника — определение мест, где есть естественные солонцы и где нужно заложить искусственные — калийную соль. Искусственные солонцы посещаются зверем с не меньшей охотой. Наблюдались случаи, когда копытные сгрызали доски корыт, в которые насыпалась некогда соль. Солонцуются звери в различные сезоны года, однако охотнее весной, когда меняется рацион, начинается линька, сбрасываются рога, а у беременных самок созревает плод.

Солонцы — излюбленное браконьерами место для «засидок», они делают у границ заповедника искусственные солонцы, зверь идет сюда — и натывается на бандитскую пулю. Именно поэтому заповедниковские искусственные солонцы закладываются подальше от границ, в глубине заповедной территории.

Серпам надоело смотреть на нас, вскоре стадо, задрав короткие хвостышки и блестя «зеркальцами», с дробным топотом умчалось за ближайшие скалы. Пора и нам.

Тропа вновь взбирается на гладкий хребтик, оцетившийся пожухлой травой и усеянный валунами, словно противотанковыми надолбами, и мы останавливаемся, пораженные открывшимися перед нашим взором просторами. Далеко внизу, за синими островершинными

лесами, за тонюсенькой голубовато-белой ниточкой Уруштена, над могучими уступами Джуги, на крохотной желтоватой поляне одинокий и сирый серел домишко — то приют наш на поляне Бурьянистой. А влево, к юго-западу, откуда вилась ниточка Уруштена, синели, голубели, зеленели, отливали старым серебром снежников и ледников громады Уруштена, Дзитаку и Псеашхо, а еще дальше, наверное, синело море. А может, небо? Разберешься разве тут, когда вокруг такое нагромождение, когда не поймешь, в каком ты и сам измерении находишься...

Тропа нырнула вниз, по склону, вбежала в криволесье и выкатилась прямо к балагану, срубленному на опушке. Спешились с хрустом в коленках и пошли не спеша, заметно выворачивая в стороны эти самые коленки — спускаться с горы даже на лошади верхом труднее, чем подниматься в гору. Ребята-лесники помоложе, им, видать, полегче — улыбаются. Ладно, поживем — увидим...

Пока солнце не закатилось за далекий Уруштен, надо запастись дровами: балаган — это вам не хата. В нем тепло, пока костер горит. Мы отыскиали топор и двуручную пилу, и вскоре под навесом забелели поленья березового сушняка, а в балагане запылал костер, а на костре стал коптиться большой казан — наши лесники затеяли кондер на тушенке, и это блюдо так здорово пахло, что на запах сбежалось, наверное, все алоусское зверье. Во всяком случае, вокруг нашего балагана что-то всю ночь топало, ломало кусты и вздыхало. Дубель бурчал из своего мехового спальника, что это наши лошади и не нужно морочить уставшим людям голову.

Проснулся я от холода. Хотя тоже забрался с вечера в спальник. Но дело в том, что есть спальные мешки, в которых можно спать, не замерзая, лишь в теплую тихую погоду, да и то в затишке. У меня такой: пока горел костер, мне в спальнике было тепло и даже жарко, а костер погас — и пришлось вылезать, раздуть чуть тлевшие угольки.

...Люблю смотреть в огонь, особенно когда он только-только начинает набирать силу, превращаясь из едва светящегося уголька в жарко-оранжевое, алое, прозрачно-синее трепетное живое пламя, тысячью горящих, дрожащих, как у эмси, язычков слизывающее щепочку за щепочкой, рассыпающееся в летучие, звездам подобные

искры, решительно высвечивающее все потаенные углы и обдающее жаром жизни лицо. Если не давать огню воли, то можно подолгу сидеть, глядясь в него, как в зеркало, и увидеть многое!.. Потрескивают в костерке полешки, выстреливая угольками, мечутся по углам в панике тени; стараясь спрятаться от веселого рыскающего света, а ты сидишь задумавшись... Право, эта любовь к живому огню в нас еще от далеких пращуров, только-только подружившихся с ним...

А над нами во всю широченную ширь Кавказских гор распахнулось звездное небо. Словно кто-то очень добрый и щедрый растянул над всем этим застывшим в дремоте камненным миром огромный, черного бархата полог, а затем сыпанул по нему — горсть за горстью — великолепно гранеными брильянтами, не пожалев ни бесценно крупных камней, ни маленьких пылинок. И вот теперь они сияют, колются длинными лучиками, дрожат — вот-вот сорвутся и упадут наземь, и ведь падают, падают многие! Вон за тот хребет, чуть выделяющийся на фоне темного сверкающего неба как густая, совсем черная тень, — пойти бы, поискать, поди, они в траве так же остро сияют, эти камушки с неба...

Сколько же их, этих звезд, на августовском ночном небе, раскинушемся над горами! Вот уж действительно «раскрылась бездна звезд полна»! Разве увидишь такое небо в городе?

...Тяжелое «топ-топ, топ-топ, топ-топ» и шумное, горячее дыхание в спину. Вздрагиваю, оборачиваюсь — лошади наши. Не уходят от балагана. Значит, Дубень не зря ворчал на меня за мои фантазии.

Лошади... В заповеднике без лошади на тропе делать нечего — это основное средство передвижения по горам. Если ты не верхом на коне, значит, конь в поводу за тобой, с вьюком. С конем куда хочешь пойдешь, кого хочешь догонишь. На коне и охрана — охраной, не чета пешему, у которого никакой солидности и вида. Без коня ты турист-однодневка. И это все в заповеднике прекрасно понимают. И не только в заповеднике, но и повыше. Понимают, а коней в заповеднике между тем нет. Настоящих коней — привыкших в горах обретаться, не боящихся ни крутизны, ни пропастей под ногами, ни дождя, ни мороза, ни горячего ветра и палящего солнца. И надежных в беде. А то, чем сейчас располагает Кавказский заповедник, то не кони, они для такой

службы не годятся. И потом, отношение к ним. Когда парни расседлали лошадей наших и сняли потники, у меня сердце сжалось от жалости при виде сбитых спин. Пришлось использовать для лечения коней весь запас зеленки, что был в нашей походной аптечке: дегтя у лесников не оказалось...

Топ-топ, топ-топ... Прыгают по лугу спутанные лошадки, хрумят сочной травой.

Тихо булькает и шелестит быстрыми струями невидимый в темноте ручей Хаджибей.

Нет-нет да и шумнет по вершинам деревьев, по криволесью шалый ночной ветер, принесший на пробу запахи каких-то зверей, трав, остывающих камней.

Чу! Загремело где-то камнепадом, видимо, столкнул лавину какой-то ночной зверь, и опять тишина стоит — оглохнешь! Лишь звезды перешептываются, помаргивая колючими сияющими ресницами.

Ночь стоит над Кавказом. Августовская прохладная звездная ночь...

К утру вода в котелках замерзла. Крыша балагана, трава посидели от инея. По долине ручья тянуло ледяным ветерком. Вода в ручье такая холодная, что умыться страшно — обжигает лицо, а руки краснеют. И все-таки умываться надо по пояс и ноги надо мыть... до пояса опять же. А как же, ведь пока взберешься на горку, семь потов сойдет, а спать в основном одетым приходится.

...Раздеваюсь до плавок и!.. Ух!.. Ум-мм!.. Ах!.. В-в-в! Мамочка моя родная! До чего ж холоднющий этот самый Хаджибей! Быстро хватаю полотенце и как можно энергичнее растираюсь, и вскоре блаженное тепло разливается по телу — кожа пылает. Набираю в котелок воды и бегу к балагану. Тут уже всю пылает костер — наши парни готовят завтрак...

Мы идем с Дубенем по ручью вверх, по его левому берегу, а точнее, по хребту к горе Хаджибей — меньшей вершине хребта Алоус. Главная вершина — собственно гора Алоус высится напротив Хаджибея, взметнув свой пик почти на 2955 метров. Между вершинами — дугообразная высоченная и крутая стена, подножие которой со стороны Хаджибея огромная осыпь из глыб величистой с двухэтажный дом. Словно мифический циклоп строил себе замок с двумя сторожевыми башнями, да не достроил, и строительный материал так и остался

лежать хаотической кучей, постепенно разваливающейся и сползающей в озеро: между вершинами, под стеной, оно лежит довольно большое с абсолютно прозрачной, но густо-синей, как кажется сверху, водой.

А к Алоусу стена становится все круче и издалека выглядит очень гладкой — оштукатуренной. Кое-где штукатурка осыпалась, и стена отблескивает чем-то матово-белым. Ба! Да ведь это лед! Под «штукатуркой», которая в самом деле осыпь, скрыт ледник. Весьма любопытно, весьма... Так вот почему вокруг озера типичный тундровый ландшафт, даже ягель растет. И вот почему в долине ручья так холодно. Цирк между Алоусом и Хаджибеем глубок, крут, открыт только с севера, поэтому солнце гостит здесь очень мало и редко, если вообще когда-либо его лучи достигают глади озера под ледяной стеной. Во всяком случае, даже на троне, что бежит вдоль отрога Хаджибея по внутренней его стороне, падающей к озеру, мы нашли выходы ископаемого льда — этакие хрупкие иголки, густо-густо пронизавшие коричневатую глинистую породу. Очень интересное место. Слегка сумрачноватое, но привлекательное.

...Идем альпийским лугом. Трава здесь свежая, по колено, а в ней ярко-оранжевыми факелами горит шафран Шарояна. «Что-то рановато он нынче зацвел», — удивляется Александр. Может быть. Однако природа знает, что делает, у нее, у природы, ничего нет беспричинного — все обусловлено необходимостью. Почему случаются аномалии, какая природная «эвм» определяет необходимость и пределы отступлений от нормы, каков механизм этого явления — это все и должен познать человек. Наилучшая лаборатория для этих исследований — заповедники.

Вот еще одна «аномалия» — бескрылые альпийские кобылки. У них даже зачатков крыльев нет. В определителе «Насекомые СССР» я похожих не нашел: может быть, в нем не все кузнечики указаны, а может, это не описанный еще вид?

Мы с Дубенем раздумывали над этим явлением, лакомясь альпийской брусникой, которой здесь целые плантации. Алые круглые, слегка приплюснутые ягодки приятно освежали рот горьковатой кислинкой, утоляли в какой-то мере жажду. Интересно, едят ли эту брусничку олени, скажем?

— А чего ты у меня об этом спрашиваешь? — Дубень

насмешливо сверкнул очками. — Вон олень стоит, у него и спроси...

Я вскинулся — на соседнем хребте в гордом одиночестве стоял великолепный рогаль. Он прямо-таки просился на фотопленку, да жаль — далековато был даже для фоторужья. К тому же ветер внезапно изменил галс — подул из-за наших спин и донес до оленя «информацию к размышлению». Но он размышлять не стал, а не спеша повернулся к нам «зеркалом» и в два прыжка скрылся за скалой. Мы решили, что гоняться за одним рогалем не стоит, и пошли на вершину.

Хаджибей — гора доступная. Идешь себе и идешь, поднимаешься с уступа на уступ легко и свободно. До тех пор, пока не оскользнешься. А оскользнешься, да глянешь через плечо вниз, и увидишь, что то самое синее, кажущееся бездонным озеро, в которое сыплются и сыплются глыбы с трехэтажный дом, с твоего уступа смотрится мелкой лужей, обсыпанной по краям галькой, так сразу сапоги становятся скользкими. И уже не хочется тебе идти с уступа на уступ во весь рост, но зато очень хочется прижаться к теплему шершавому боку скалы как можно плотнее. И уже потихоньку начинаешь жалеть, что пет у человека на ладонях присосок, таких же надежных, как у осьминога...

Когда начинаешь жалеть об этом, лучше сядь и посиди. И не ходи больше вверх, а не торопись, без паники, сторожко нащупывая скользким сапогом прочный камушек, спускайся на исходную точку.

Я так и сделал. А Дубень векарабкался выше и потребовал, чтобы я запечатлел его. Выбрав слабинку и слегка отдышавшись, я заснял своего спутника стоящим на уступе на фоне мутнеющего неба. Снимок получился размытым...

Обратно пришлось поторапливаться: откуда-то взялся холодный туман. Было такое впечатление, будто озеро втягивало в себя туман. Возникая из ничего, буквально рядом, ключьями, свиваясь затем в жгуты, в волны, туман скользил по ложбинам между скал вниз, к озеру, и накапливался там, медленно колышась, вращаясь и взбухая. Над нами совсем посерело. Стал окутываться серой дымкой и зуб Алоуса. Однако дальние хребтики еще были отчетливо видны, и Дубень разглядел за спиной Алоуса точок, на котором сновали многочисленные серны. «И туры есть», — добавил он, опуская бинокль. Мы решили

пройти завтра на тот точок. Видимо, там солонец. Прикинули: от балагана это будет километра четыре, не более. Если раненко подняться на крыло, добежим до точка раньше зверей и успеем сделать скрадок.

А холод становился все ощутимее, даже руки стали стынуть. И мы прибавили шагу, насколько это было возможно. И вдруг над горами прокатился собачий лай. Мы переглянулись и разом остановились, прислушиваясь. Лай повторился — вроде бы взрослая собака лаяла: то коротко, отрывисто, то с подвыванием и повизгиванием. Лай шел от балагана. «Может, лесник какой к нам пожаловал? С собакой?» — высказал предположение Александр. И вдруг за нашими спинами, где-то на Алоусе: «Гав-гав-гав!» Вроде бы откликнулся еще один пес на лай того, что внизу. «Знаешь, это, наверное, волки переговариваются, — Дубень даже присел. — Такого я еще не слышал, хотя и охотовед...» Я тоже. Знаю, что в заповеднике встречается кавказский подвид волка, отличающийся от обыкновенного, кроме ряда особенностей в строении черепа, более мелкими размерами и более коротким и грубым мехом грязно-охристого цвета. Но чтобы волки заповедника отличались от обыкновенных еще и уменьшем вести переговоры на расстоянии километров в пять по прямой... Но факт оставался фактом: волки (а мы уже успели утвердиться в мысли, что это были именно волки) «переговаривались» минут десять.

Парней наших в балагане еще не было, когда мы дошли к нему: они с утра ушли гайть волков и до сих пор не вернулись. Правда, контрольный срок их еще не вышел — семнадцать еще не было, но тем не менее...

В балагане на столе стоял солдатский котелок с молоком (странности за странностями сегодня!), а под ним записка: «Приходил — никого не было. Взял пару лошадей по распоряжению лесничего, очень понадобились. Постарайтесь обойтись одной парой. Молоко — на утешение. В. Подгорный». Дубень прочитал записку вслух, крикнул с досады — вот так всегда! Погоревали, погоревали, да делать нечего — выпили молока. И успокоились: а чего, в самом деле, обойдемся и двумя лошадьми — пожитков на выюк не так уж и много, обойдемся!

Подхватились рано — в пять часов. Утро стояло ясное. Обрадовались: как раз для съемок подходящее! — и заторопились. Надо заранее добраться до солонца, соорудить неподалеку скрадок, чтобы можно было зверя

в упор фотографировать. Ведь зверь он чуткий, осторожный, к нему так запросто на фотovyстрел не подойдешь, тут сноровка нужна.

Вот меня все спрашивают: ты часто в горы с фотоаппаратом ходишь, говоришь, что много всякого зверья встречаешь, а где же снимки?.. А нет снимков! Вы что ж думаете, это так просто — зверя на пленке запечатлеть? Как бы не так! Вот, помню, случай был. Когда ходил я с Алексеем Харитоновичем Пилипенко. И впервые зубров увидел. Загорелся я тогда — хочу заснять зверя! Надо ближе подойти! А Пилипенко мне: не падо, мол, зверя тревожить, свирепый он сейчас, как бы беды не нажить. Да куда там! Уперся я — хочу снимать, и все тут. Снимала же Голгофская почти в упор, ничего же с нею не приключилось.

В общем, уломал я Харитонича. Плюнул он в сердцах и сказал: «Ладно. Пойдем. Поведу тебя к стаду — снимай. Но только ежели стопчет тебя зверь — неий на себя. — И добавил как бы про себя: — Если будет на что неиять...» Потайную угрозу эту я расслышал явственно, однако и ухом не повел на этот нехороший выпад. Решимость моя была непреклонной. И мы пошли.

Мы долго карабкались по каким-то скалам, обросшим чертовски колючими лианами — это очень чувствовалось через рубаху и особенно через штаны. Поскольку руки были заняты хватательными, то есть непосредственно своими, функциями, фотоаппарат я держал в зубах. Вмятины до сих пор не выправились. Харитонич заметил по этому поводу, что так оно лучше, ибо зверь не любит резких слов. Потом мы скатились в долину какой-то сердитой речки. Неслышно ступая (во всяком случае, я не слышал своих шагов, поминутно занятый отдираньем плетей держидерева от остатков своих штанов), мы пришли на берег этой речки, и Харитонич сказал: «Видишь во-о-он ту поляну на том берегу?.. Сиди тихо, следи внимательно — и зубры будут твои. А я пошел. Свистнешь потом...» И исчез. Я даже не успел заметить, в какую сторону он подался.

И остался я один на один с дремучими дебрями заповедника. Даже как-то неуютно вокруг стало. Но я подавил идущее изнутри чувство этой самой неуютности — ничего, мол, не в таких дебрях, бывало, хаживали! — и поудобнее пристроил фотокамеру. А устроившись, огляделся.

Место ничего себе. Вперед, в двух шагах, струится совершенно прозрачная абсолютно горная речка. Через нее на тот берег перекинулась живым зеленым мостиком, видимо, подмытая и поэтому упавшая ольха. Ее тонкий, не более чем в руку толщиной, ствол прогибался до воды и от этого мелко-мелко дрожал, словно сильно замерз. За речкой сияла сочными красками цветов небольшая залитая солнцем поляна. А позади меня мягко шелестел о чем-то молодой ольшаник. Тихо. Лишь слышно журчание воды да удовлетворенное жужжание шмеля. А может, какого другого насекомого — этой живности здесь тьма-тьмуца. Разморило меня от этого покоя, от этой тишины и густо настоящего на разных травах, словно кислородный коктейль в санатории, высокогорного воздуха...

Очнулся я оттого, что кто-то дул мне в шею сзади. Подумал, что это мой сопровождающий, и сказал сердито: «Ну, чего дурака валяешь? Не напужа...»

Мгбрг!.. — вдруг рыкнуло за спиной, и шею опалило чем-то влажным и горячим. Я судорожно оглянулся и — ой, мама! Здоровенный зубр, свирепо вращая фиолетовыми с краснецей глазами, нацеливался на меня остро отточенными рогами...

«Михалыч, эй!.. Михалыч, где ты?» Чу, знакомый голос называет знакомое имя. И снова: «Эге-гей, Михалыч!» Бог мой, да это ж я — Михалыч, это ж меня кличут-ищут!..

«Ну че кричишь, здесь я, — ответил я сурово и с достоинством, тормозя ботинками слишком стремительный спуск с гладкой скалы. — Здесь я, вот он», — сказал, вышагивая из облака пыли и града камней, сопровождавших меня. Харитоныч смотрел на меня во все глаза и немел. Рядом с ним, на веревочке, стоял черный курчавый телок с едва пробившимися, но уже острыми рожками. Что-то знакомое промелькнуло в облике этого бычка, но я не обратил на это мелькание никакого внимания и степенно принялся отряхивать то, что лишь при патужной фантазии можно было назвать брюками. И сказал при этом: «Ну что кричишь! Цел я и невредим». — «А как же?..» — Харитоныч явно не мог уразуметь, как я оказался на другом берегу, как взобрался на такую гладкую и крутую скалу. А я и сам ничего вразумительного сказать не мог. Я сказал лишь, что на меня с тыла напал зубр (бр-р-р!). «Зубр? — переспросил Харитоныч. — Зубр?!» И вдруг захохотал так, что бычок

взбрыкнул, мекнул и, если бы не веревка, удрал бы в лес. «Вон он, тот зубр! — захлебываясь от смеха, показал Харитоныч на бычка. — Два дня всем кордоном его ищем, а он сам тебя нашел...»

Нет, что ни говорите, а зверей фотографировать трудно. Очень. Я так и сказал Дубеню, поведав вышеописанный случай. Но он то ли не понял меня, то ли просто съехидничать решил и ответил, что серны хоть и рога, но не бодливы и на фотографов не нападают.

К точку мы пришли раньше зверей. Осмотрелись. Приметили кучу достаточно больших камней, из которых можно было соорудить скрадок, и энергично принялись за дело.

Не уверен, что согласился бы ворочать такие камни в обычной, скажем, обстановке. А тут — горы гудели, когда мы с Дубенем перекатывали огромные валуны и перекантовывали плитняк, сооружая нечто похожее на дольмен. Мы даже сбегали в лес и притащили оттуда березовый сушняк — для маскировки. Сооружение получилось на славу, и, слегка отдышавшись и высушив потные сорочки, мы наладили фотоаппаратуру, выставив объективы в щели меж камнями во все стороны света, и стали ждать зверей...

Солнце добиралось уже до вершины Алоуса, когда мы услышали рокот вертолета. Выкарабкавшись из своего дота, наблюдали за Ми-8, пробежавшим ниже нас по Уруштену, и убедились, что зверя нет и не было. М-да... Дубень пожевал бороду и, глядя вдаль, осторожно высказал мнение о том, что мы, видимо, слегка ошиблись, выбирая место для засидки. Что, видимо, это не тот солонец, какой мы видели вчера с Хаджибея. Что, по всей вероятности, зверь солонцуется во-он там...

Зверь действительно солонцувался «во-он там» — километра за полтора от нашего скрадка, за двумя балками и одним хребтиком. В бинокль его было видно достаточно хорошо. Но как теперь подойти к нему, этому зверю, когда солнце в зените, когда ветер от нас? Решили замаскироваться ветками можжевельника и того самого березового сушняка и подбираться к стаду солонцующихся серн, так сказать, «индейским способом».

Я точно не знаю, как подбирались к стадам бизонов или какого другого зверья знаменитые Кожаные Чулки и Соколиные Глаза, но мы с Дубенем делали это на четвереньках. Полтора километра. Бежим-бежим, при-

ло трудно. Камни то и дело выскальзывали из-под сапог и стремительно скатывались, стуча и подпрыгивая, вниз по крутому сыпучему склону, а ветер, пользуясь моментом, запорашивал пылью глаза. Да и солнышко, вскарабкавшись под самый пик Алоуса, стало припекать. Брюки мои давно высохли, зато сорочка стала прилипать к спине, взмокнув под рюкзаком. Вдруг пересохло во рту и слюна загустела и прогоркла. И вообще состояние стало каким-то непонятным. Появилась вдруг боязнь высоты — мне как-то не очень хотелось смотреть влево. Я прислушался к себе. Горная болезнь? С чего бы это? Сколько хожу по горам, повыше, бывало, взбирался — и ничего. А тут... Но факт оставался фактом: что-то залихотило. Надо сказать Александру — пусть сбавит темп, расшагался, понимаешь...

Но, присмотревшись, я понял, что и Дубень чувствует себя неважно. Шаг его не был легок, как обычно, и сорочка была мокрее обычного. Прибавив шагу, я догнал Дубеня и взмолился:

— Саша, давай отдохнем... Что-то притомился я...

Дубень, не останавливаясь, оглянулся, возразил:

— Добежим до Веселого — там передохнем. Осталось немного — вон за той скалой...

До той скалы мы шагали еще минут двадцать. Я втянулся в ритм ходьбы и не заметил, как подсох и когда нога стала ступать тверже. Бодрее себя почувствовал. А вот Александр что-то заплешал. Темпа он не сбавил, но шел необычно тяжело и даже как-то согнувшись, словно фоторужье стало вдвое тяжелее.

Цирк Веселый действительно открылся весь «за той скалой», а через некоторое время мы сидели на осыпи черных, словно обожженных огнем вихрем камней, облизывая обшарпавшиеся губы.

Отродясь не видывал места более мрачного, чем этот самый Веселый. Эти угластые черные камни, этот сухой, жесткий зной, исходящий от них, эти тускло-рыжие склоны хребта, образовавшие цирк, и красноватые осыпи у его подножия — все наводило тоску. Да еще пехорошая, тревожащая тишина вокруг. Наверное, так выглядит полигон, который обстреливают атомными снарядами. Лишь обладающий мрачным юмором мог дать этой ступени в ад название «Веселый».

— Давай-ка, Саша, двинемся отсюда, да поживее — не нравится мне здесь...

— Мне тоже, — Дубень открыл глаза, приподнялся на локте. — Но у меня чертовски разболелась голова! Аж подташнивает... Немного отлежусь... Попить бы...

Я взболтнул флягу — не булькает. Надо искать воду. Не может быть, чтобы ее здесь не было вовсе: в торце цирка кое-где белело. Похоже, там в какой-то глубокой расщелине притаился, причесав от солнечных жаждущих лучей, то ли снежник, то ли ледничок.

Осыпь камней, на которых мы примостились, уступами сбрасывалась вниз, к далекому отсюда лесу. Спустившись по камням метров на тридцать, я прислушался: мне почудился звон струн. Осмотрелся — камни были сухими и шершавыми. Спустился немного ниже и приложился ухом к камню. Так и есть — где-то рядом, под осыпью бежит ручей. Пойдем...

Тоненькая струйка ледяной воды выбивалась из-под огромного валуна — главный сток проходил, видимо, где-то рядом и глубже. Но чтобы наполнить флягу, хватит и струйки...

В рюкзакишке нашлись таблетки от головной боли, мы погрызли сахару с водой — Александру стало легче. Плотно есть не хотелось, и мы решили идти дальше. Время уже было к полудню, а чтобы обойти отрог Старого Алоуса, нужно сделать крюк километров в пять, если не больше.

Мы уже совсем было наострили лыжи на хорошо утоптанную звериную тропу, что шла по склону хребта и в обход его, как Дубень вскинул на руку фоторужье и лихорадочно стал наводить его на нечто, мне невидимое.

— Что увидел?..

— Тур... Ты посмотри, какой красавец!

Я поднес к глазам бинокль. На одиноком камне, кривым корявым зубом врезавшемся в блестящую синь неба, стоял горный козел. Это был действительно великолепный экземпляр Капра кавказика — западно-кавказского, или кубанского, тура. Крупный зверь с сильными ногами и массивным туловищем, крепкой шеей и очень аккуратной, красивой и гордой головой, увенчанной тяжелыми саблеобразными рогами, круто изогнутыми назад, казался мне отлитым из меди. И камень под ним был ему пьедесталом.

Еще и еще раз удивляюсь природе — ее щедрости на красоту, ее неповторимому мастерству ваятеля, ее неистощимой творческой фантазии, ее непрестанным, неуто-

мимым поискам все новых, все более совершенных форм. Вот только что любовался грациозными сернами и был уверен, что в животном мире заповедника нет никого более совершенного и прекрасного, а теперь вот смотрю на тура и не могу не восхищаться безукоризненными пропорциями его тела, его точно рассчитанными прыжками по крутому скалистому склону, его гордым спокойствием, с которым он смотрел на нас...

— Ну, что скажешь?— Дубень взял у меня бинокль и еще раз тщательно осмотрел скалы. Я в ответ только руками развел.— Очень крупный зверь,— продолжал Дубень,— не менее полутора центнеров весом...

Где-то в скалах постукивали, осыпаясь, камни — видимо, из-под крепких копыт нашего знакомца. Александр, прислушиваясь к горам, не торопясь уложил бинокль.

— Между прочим,— сказал он, искоса блеснув в мою сторону очками,— вот эти самые места: хребты Алоус и Кочерга и соответственно верховья Ачинсты, Растайки, Кочерги, Веселой и Хаджибея — постоянное место обитания туров... Их ареал здесь занимает около восьми тысяч гектаров...

— И летом и зимой?— спросил я хитро, зная, что зимняя площадь обитания туров сокращается. Но Дубень игнорировал мою дилетантскую подначку и на полном серьезе прочитал мне краткую лекцию о турах как таковых. Честно скажу: слушать Александра было интересно, хотя я о турах кое-что знал. Например, то, что туры — обитатели субальпийского, альпийского, отчасти снежно-скального и лесного поясов гор. Причем на более высоких участках туры обитают летом, а в леса спускаются зимой. Не вообще в леса, а к верхней их кромке. И что каменные козлы потому и зовутся каменными, что превосходные скалолазы — по такой крутизне галопируют, что у наблюдающего за ними голова кружится и замирает сердце. И еще я знал, что туры издревле являются объектом промысловой и спортивной охоты — ради мяса и шкуры, добычей настолько желанной, что численность этого зверя сильно сократилась и его пришлось взять под защиту закона — западно-кавказский каменный козел как вид занесен в Красную книгу СССР. Сейчас в Кавказском заповеднике туров насчитывается около или немногим более 11 000 голов. А на всем Кавказе их обитает тысяч 30 — так считает доктор зоологических наук А. Г. Банников, известный советский уче-

ный. 30 000 — это имеется в виду, так сказать, сумма двух видов туров, обитающих на Кавказе, — кубанского (западно-кавказского) и дагестанского.

Я знал даже отличительные признаки двух этих видов: у кубанского тура более длинная борода, чем у дагестанского, несколько иная форма рогов (нет загиба внутрь) и более светлая окраска. Но я не знал, что современный ареал кубанского тура сильно ограничен и считается самым минимальным из естественных ареалов крупных копытных животных в СССР. Так, крайними западными границами обитания туров на Западном Кавказе являются горы Абаго и Атамажи на северном отроге Главного Кавказского хребта и гора Чугуш — южнее, на восток туры владения простираются до верховьев рек Малки, Баксана, Балкарского Черека, а на севере границы ареала каменного козла пролегают по горам Ачешбок, Дзювя, Белый Камень.

Не знал я также, что прапрапрародители современных нам туров были современниками шерстистых посорогов, саблезубых тигров, мастодонтов и другого подобного им зверья, жившего в конце плиоцена, — позднеплиоценовые останки кубанского тура были обнаружены в Ахштырской пещере на Кавказе.

И еще не знал я того, что, несмотря на девяностолетний период изучения кубанского тура (первые работы, в которых упоминается этот зверь, были опубликованы в начале 90-х годов прошлого столетия), подробных сведений о его биологии нет. В начале нашего века этой проблеме посвятил ряд работ Н. Я. Динник (с 1901 по 1910 год), в 30-е годы большое внимание турам уделил А. А. Насимович — закономерностям их зимовок и некоторым другим вопросам их экологии. В эти же годы, собственно, вместе с А. А. Насимовичем ряд исследований провел другой известный зоолог Кавказского заповедника — И. В. Жарков. О некоторых сторонах экологии кубанского тура писали в разные годы уже после войны Д. П. Рухлядев, В. И. Цалкин, В. Г. Гейтнер, А. Г. Банников и другие именитые зоологи. Но, пожалуй, никто не посвятил турам столько лет своей жизни, как Владислав Андреевич Котов.

И здесь я должен отвлечься от нашего с Дубенем путешествия, чтобы хоть немного рассказать о В. А. Котове — еще одном легендарном человеке, коммунисте,

ученом-исследователе, страстно влюбленном в природу вообще и в природу Кавказского заповедника в частности.

К большому моему огорчению, мне не повезло встречаться с В. А. Котовым, хотя я довольно часто бывал в Майкопе в те годы, когда он жил там, ходил по тем же улицам, по которым ходил и он, знаком со многими из тех людей, которые хорошо знали его и были дружны с ним.

Зная сегодня о Котове многое — из рассказов его друзей и близких, из его работ и даже фронтовых дневников, я не успел узнать Владислава Андреевича лично: он погиб в апреле 1970 года, погребенный снежной лавиной, будучи в экспедиции со своим лаборантом Сашей Вишневым. Они погибли вместе. А на Аспидном перевале, где они проводили свои последние исследования, стоит сейчас скромный, сложенный из дикого камня и увенчанный бронзовой звездой обелиск. На памятной бронзовой же доске его начертано: «Здесь 12 апреля 1970 года трагически погибли, исполняя свой служебный долг, старший научный сотрудник Кавказского заповедника Владислав Андреевич Котов и лаборант Александр Вадимович Вишневский. Горы взяли тех, кто любил их».

Да, они любили горы. Любили до самозабвения — и это их сдружило, двух одержимых с возрастной дистанцией не менее чем в два десятилетия, две поэтические натуры...

Рассказывают, как Саша Вишневский, будучи один в лагере, вдохновенно декламировал «Демона»: «И над вершинами Кавказа изгнанник рая пролетал: под ним Казбек, как грань алмаза, снегами вечными сиял...» — декламировал, а перед ним величественно вздымались инкрустированные серебром вечных снегов темные громады Псеашхо...

Об этом волнующем эпизоде рассказал мне Михаил Данилович Алтухов — один из наиболее известных исследователей флоры заповедника в 60—70-х годах. «Я пишу об этом, — читаю в одном из его писем, — чтобы подчеркнуть особый склад мыслей, характера, романтическую сущность людей, отдавших свои прекрасные жизни горам Кавказа. Сухарь и сибарит в горы не пойдет. Ему дороги иные жизненные увлечения, включая мягкое кресло у телевизора. А романтику больше

пристало сидеть на бревне у костра и наблюдать, как ночные тщи то яростно кидаются на пламя костра, то отскакивают назад, побежденные ликующим светом... Ведь только здесь, у костра, после нелегкого дневного восхождения к вершинам гор начинаешь постигать всю глубину значимости свершаемого тобой; ведь только отдаваясь без остатка любимому делу, преодолевая на пути к цели всевозможные трудности — объективные и субъективные, человек укрепляет свои нравственные устои, закаляется духовно и физически...

У наших костров звучали замечательно бодрящие, хотя и «самодельные» песни, снимавшие усталость, закалявшие волю, зовущие на новы, еще не покоренные вершины:

Неба синего снопь,
Скал слепящий оскал,
Сроки мне отодвинь —
Я свое не сказал...

Но не каждому были отодвинуты сроки...»
Да, не каждому...

Владислав Котов пришел «в природу» трудным путем — через войну. Он был из тех, кого назвали потом «огненным выпуском десятилетки», — после выпускного бала, что завихрился вальсом 22 июня 1941 года, десятки тысяч юношей и девушек (вы помните?) ринулись в то утро в военкоматы. Среди этих тысяч был и Владислав Котов.

Но его не взяли: он был сильно близорук.

До сентября обивал порог военкомата упрямый парень, добываясь медицинской комиссии. И медики вновь бракуют его. Владислав настаивает на повторной комиссии. Она состоялась — видимо, настойчивость хлопца заинтриговала. И каково же было удивление медиков, когда они убедились, что вчерашний безнадежный очкарик сегодня довольно сносно прочитал почти всю таблицу!

В октябре 1941-го Котов становится курсантом артиллерийского училища по классу артразведки. А в апреле 1942-го лейтенант В. А. Котов получает назначение на Северо-Западный фронт. Только дневник знает, как тяжело доставалась ему военная профессия: «Все последние дни в голове неотвязная мысль: пойти в санчасть и сказать, что ничего почти не вижу... Но тут перед глазами встает картина о том, как встретят меня дома, что

скажут знакомые, увидев меня, какие будут разговоры за спиной...»

Он пробит осколком, этот дневник. Сшитый из четвертушки ученической тетрадки (чтобы удобнее было хранить всегда при себе), истрепанный блокнот лейтенанта Владислава Котова сохранил не только курсантские откровения, но и зрелые мысли бывалого фронтовика, начальника артрэзведки дивизиона, коммуниста, кавалера ордена Красной Звезды, врученного ему за выигранный тяжелый бой под деревней Озерки.

Вот он, боевой офицер, смотрит весело и открыто с госпитальной фотографии, явно гордясь новеньким орденом, прикрученным прямо на пижаму. Ему исполнился тогда лишь двадцать один год.

Раньше было тяжелым — Владислава демобилизовали. Но как военный специалист он до конца войны работал и учился заочно на охотоведческом факультете пушного института.

После института поехал работать в Кроноцкий заповедник — на Камчатку, был сначала научным сотрудником, а затем его назначили директором этого заповедника.

К сожалению, недолго пришлось Владиславу Котову возглавлять Кроноцкий заповедник: его вскорости закрыли. Было такое поветрие в 1951 году — закрывать и урезать заповедники...

Сдал молодой директор бывший заповедник по акту какой-то геофизической экспедиции и отбыл в Москву, в главк, за новым назначением. И получил его в Кавказский госзаповедник старшим научным сотрудником.

Работал В. А. Котов одержимо. За что бы ни брался, все делал на редкость добросовестно. И все записывал — в любой обстановке, отчаянно уставший, вымокший под дождем, замерзший до онемения, он в первую очередь доставал полевой дневник и все, что было замечено, обдумано, запечатлено, любая интересная, спорная или бесспорная мысль — своя ли, чужая — все находило отражение в этом дневнике. И это не было просто страстью все записывать, нет! Это была жизненная потребность настоящего исследователя природы. Все записи затем анализировались, обдумывались, явления оценивались — так складывались глубокие познания окружающей природной среды, ее жизни, внутренних взаимосвязей, взаимозависимостей...

Вот отрывки из записанных Котовым примет июня в горах: «Цветет черника... Лошади с видимым удовольствием жуют ее тонкие веточки... Прямо с цветами... В июне цветет пихта, цветут ароматный чубушник и падуб, травы: ясменник, подлесник, желтый лютик, волжанка и воронец — это в буковом лесу. А если подняться повыше, то можно увидеть и еще цветущий рододендрон понтийский... Животные перекочевали на молодую травку субальпийки, на снежники — подальше от москитов и мух, мокрецов, слепней и прочего гнуса... Снега еще много. На снегу — масса следов.

...У птиц — синичек, зябликов, пеночек, поползней — пора заботы о потомстве... Дятел — черный, в красной шапочке... Белка рыжая уже, а брюшко и грудка белые, сердито покает на человека.

...В июне в лесу можно встретить косулю, хотя и довольно редко. ...1700 метров над уровнем моря; пихтарник уже не тот, встречаются розоватые стволы высокогорного клена, растущего группами по два—пять штук.

...В субальпийском лесу в июне цветут березы — тонхонько покачиваются желтоватые сережки; прижатые к земле деревца бука покрылись листочками с невзрачными комочками соцветий... Цветет рододендрон кавказский... Кусты волчьего лыка украшены розовыми, точно вылепленными из воска цветочками, распространяющими тонкий аромат. Лыко еще без листьев. И все это — на выгровах южных склонов...»

Котов любил работать один: меньше отвлекаешься. Даже выполняя специальное задание — изучая промысловых зверей Кубани, он сам бродил по кубанским лесам и степям, вызывая порой подозрение чрезвычайно бдительных обывателей.

Владислав Андреевич настойчиво и всесторонне изучал жизнь копытных зимой — это было одно из главных направлений его исследований. Ради этого зимой 1955 года он и еще двое зоологов — Л. С. Рябов и Б. Б. Парамонов обосновались лагерем в глубине заповедника и зимовали полтора месяца. Досталось им крепко — с трудом добрались после зимовки в Гузерипль. Те, кто их тогда встречал, рассказывают: шли и светились — так отошали. Но довольны были неописуемо!

Кстати, именно в тот день, когда «светившийся», обросший щетиной Котов гордо вышагивал во главе зимовщиков, его и заметила, выделив из всех, Ксения

Голгофская — новенькая научная сотрудница заповедника, ставшая вскорости и навсегда другом, женой и непременной спутницей Владислава Котова по горным тропам...

Научная работа В. А. Котова «Кубанский тур, его экология и хозяйственное значение», принесшая ему кандидатскую степень, получила высокую оценку в кругах ученых-биологов. Вот что писали об этой работе и ее авторе доктора наук В. Цалкин, С. Туров, В. Скалон, П. Юргенсон, И. Соколов и другие не менее маститые биологи:

«...В. А. Котов — неутомимый, тонкий наблюдатель живой природы, прекрасно владеющий научными методами полевых, экологических и лабораторных исследований, сформировавшийся зоолог-эколог...

...В. А. Котов — известный териолог, натуралист и энтузиаст охраны природы...

...Все важные вопросы экологии тура: морфология, распространение, сезонность, суточный цикл и поведение, питание, размножение, состав популяции и стадность, враги, паразиты, заболевания, смертность; методы учета, движение численности, охрана, восстановление запасов и хозяйственное использование — описаны на большом материале, с глубоким знанием дела...

Я позволяю себе еще одну цитату, теперь уже из работы В. А. Котова о турах. «Человека, впервые увидевшего туров в естественных условиях, — пишет он, — поражает исключительная ловкость этих с виду неуклюжих и медлительных зверей. При наблюдении за ними в природе невозможно себе представить их в иных условиях, где нет такого нагромождения скал и осыпей. Умение передвигаться по этим скалам у туров поразительное.

Там, где не в состоянии пройти ни одно животное, за исключением, может быть, серны, туры проходят совершенно легко. Причем это относится не только к спокойному ходу, но и быстрому аллюру...»

Я вскоре сам убедился в справедливости такой оценки ловкости этих животных. Едва Дубень произнес последнее «я» в своей лекции о жизни туров, как на вершине скалы вновь показался наш знакомец. Но уже не один, а в сопровождении небольшого стада, в котором среди взрослых зверей бегали двое турят — в бинокль хорошо различалась каждая особь. Звери постояли некоторое время, затем вдруг ринулись вниз.

Просто невероятно, как можно сбегать по отвесной скале, не срываясь! Кажется, совершенно не за что уцепиться, не то чтобы стать, а туры прыгали, прыгали, да так быстро, ловко, один за другим, растянувшись цепочкой, а в местах, где расщелина становилась узкой и крутой, они просто рикошетировали от одной стенки к другой. И не только взрослые — козлята демонстрировали чудеса эквилибристики. Ни один не замешкался, не сбился ритма — лишь камни срывались из-под их копыт и с далеко слышным стукотом катились вниз. Минута, две — и вот все стадо под скалой, спокойно вышагивает на поляну, зеленевшую ниже осыпи, и рассыпается по ней медленным шагом. словно и не было только что головокружительного спуска по гладкой каменной стене, по узкой расщелине между скал...

— Видал, как умеют наши? — спросил Дубень, по моему восхищенный не меньше, чем я, хотя ему наверняка такое зрелище не в новинку.

— Видал, — ответил я и спросил, как это им удается, этим «нашим». Александр пояснил, что у туров особое строение копыт — мякоть пальцев сильно развита, немного выступает за кромку копыт и представляет собой нечто вроде гуттаперчевых подушечек, даже присосок, если хотите. Именно такое строение копыт, отличающее копыта туров от копыт других парнокопытных, не обитающих в горах, позволяет животным удерживаться на самых незначительных выступах скалы, подниматься и спускаться по самым отвесным склонам и ледникам.

— Говорят, что туры при опасности, прыгая с обрыва, падают на рога, которые, пружиня, смягчают удар?..

Дубень весело рассмеялся:

— Охотничьи побрехушки! При опасности туры действительно могут делать большие прыжки вниз без вреда для себя, но всегда становятся на ноги, а не на рога. Еще Котов отмечал, что такого прыжка — чтоб, значит, на рога стать и спружинить и остаться невредимым — просто не может быть: рога тура не очень-то прочные. Даже если тур падает, скатываясь по склону, и то его рога ломаются. А что касается высоты, с которой тур спрыгивает вниз, то она, пожалуй, не превышает трех метров...

Нашу беседу прервал какой-то сухой стук — словно кто-то ударял сучком о сучок. Дубень вскинул бинокль и через минуту протянул его мне:

— Посмотри, как дерутся козлы...

В бинокль было хорошо видно, как выясняли отношения два крупных самца. Встав на дыбки, они резко опустились затем на передние ноги, сталкиваясь при этом рогами. Удары были сильными — это их отзвуки донеслись до нас. Вообще при хорошей погоде звук от столкновения рогов бывает слышен более чем за километр.

Пободавшись с минуту-две, бойцы разошлись, трясая бородами, и принялись спокойно пастись. Словно и не было только что драки.

Туры вообще флегматичны. И пасутся спокойно, не настораживаясь поминутно, как это делают, например, олени. Однако хищника или человека замечают на довольно большом расстоянии и в случае опасности издают резкий, очень далеко слышимый свист — тревожный сигнал. И чем крупнее стадо, тем труднее подойти к нему незамеченным: туры достаточно осторожны, слух, зрение и обоняние у них развиты превосходно. Лежки они обычно устраивают на открытых, с хорошим обзором местах, на каменистых склонах и осыпях. Причем в привычках своих они постоянны — редко когда покидают излюбленные места. Даже зимой они придерживаются открытых лежек, и когда идет снег, то видны бывают лишь рога — само животное «укрывается» снежной шубой.

— Ну что, двинулись? — спросил Александр, когда я вдоволь насмотрелся на пасшихся туров. — Идти нам неблизко...

— Ты снял стадо? — кивнул я на фоторужье.

— Нет. Далековато...

— Так, может, подберемся?..

Александр глянул на солнце, затем на часы и решительно блеснул очками:

— Давай попробуем подобраться...

Ветер охлаждал наши лица, и мы подбирались к турам без особой осторожности, не заботясь о том, чтобы не столкнуться камень и вообще не пашуметь. Дубень уверял, что туры на такой шум не реагируют. Может быть, и так. Но когда мы подошли к стаду довольно близко, хотя и не на фотовыстрел, какой-то не в меру осторожный бородач тревожно свистнул, и стадо словно ветром сдуло. Посыпались из-под копыт камни. Отбежали туры не очень далеко, и мы решили снова идти к ним, но уже поосторожнее. Однако и на этот раз «обстрелять» ста-

до не удалось: туры словно играли с нами, заманивая поглубже в скалы. И вдруг как будто растворились среди пагромождения камней. Только эхо от грохота камнепада еще долго металось по расщелине.

Когда легкая пыль осела и эхо замерло где-то в скалах, мы с Сашей поняли, что туры заманили нас в одну из расщелин, пересекающих хребет, и что расщелина эта была опасна живой каменной осыпью. Это такая осыпь, по которой ходить не рекомендуется. А если уж ступил на нее, то иди только вверх, если не хочешь, чтобы на твою голову свалились камушки, потревоженные твоей же ногой. И мы пошли вверх. Сначала шли рядом и вертикально, затем слегка опираясь на четыре конечности. А вскоре расщелина заметно сузилась, и вдвоем в ней стало тесно.

— Я пойду по скалам, — сказал Дубень.

— Дай мне бинокль, что ли... Все тебе легче будет...

— Еще чего! Я помоложе, да и поопытнее тебя в горах... Двигай. Да поосторожнее, пожалуйста, не торопись, — сказал и исчез за скалой. Не хуже того тура... Я прислушался вслед ему, но ничего не услышал — резиновые сапоги Александра не стучали по камню, как мои «вибрамы». Хотя и от моих шагов шуму было не так уж много — только и того, что создавали камни, сыпавшиеся вниз, едва я убирал с них ногу.

Подниматься становилось все сложнее — расщелина вовсе превратилась в круто вздыбившуюся щель. Ее корявые стены, казалось, смыкались над головой — столь густой стала тень, а камни, громоздившиеся на дне щели, едва держались, и стоило наступить, опереться на любой из них, как все они начинали шевелиться, переворачиваться, становиться на ребро и ползти вниз. Порою я едва успевал перебирать ногами по этим ожившим камням, раза два башмаки мои оскользнулись, и я больно ушиб колени.

Через полчаса я окончательно взмок, как говорится, до костей. Не только сорочка, шерстяной берет напитался потом, как губка водой. Пот хлюпал в ботинках и заливал глаза. Сильно саднило ладони — я посмотрел на них, и мне стало жалко себя: ладони были мелко посечены, словно я опирался не о камни, а на тысячи бритвенных лезвий. Я глянул вверх — щели не было кощакраю. Глянул вниз — и закружилась голова от распахнувшейся глубины каменного моря: мне показалось,

что камни шевелятся — ползут вниз, меняются местами, пересовываются от стены к стене... Даже солидный кусок скалы, о который я опирался спиной, казалось, покачивался, словно готовился сорваться и покатиться вниз, увлекая за собой в клубах желто-коричневой пыли тысячетонный каменный вал.

Испуганно откинувшись от столь ненадежной опоры, не отдышавшись как следует, я вновь покарабкался вверх.

...Сколько чертовски... Как будто кто жиром все здесь пообмазал... Так, верное решение вон за тот камушек ухватиться... Да дотянуться до него не так просто... Что, вниз потянуло? Да, не держат башмаки... Вниз потянуло...

Не знаю, не помню, сколько минут пролежал я почти без сознания. Я лежал бесформенный и смятый, как резиновый матрац, из которого спустили воздух. И был такой же плоский и бессильный. Во мне дрожала каждая жилочка. И не было желания подняться и встать хотя бы на колени. У меня вообще не было никаких желаний — я был опустошен и физически, и духовно. Кружилась голова, и слегка поташнивало.

А в скалах посвистывал ветер, над скалами металась альпийские галки, тревожно крича о чем-то. Но мне все было в высшей степени безразлично. Даже то, что солнце уже сместилось далеко мне за спину — наверное, скоро нырнет в далекое отсюда море. И станет темно... И холодно... И вдруг резкая — как всплеск молнии! — мысль подбросила меня: «Сашка!» Я вскочил, заметался — меня обдало горячей волной отчаяния и ужаса: пропал Сашка! Погиб!..

Да нет, не может этого быть! Просто он выбрал путь, что подлиннее... Надо позвать, поискать!..

Но у меня снова очень тошнотворно закружилась голова, задрожали ноги, я сел и вдруг услышал, словно из-под ног, голос Дубеня: «Я здесь». Я никак не мог сообразить, откуда он доносится, почему снизу? Наконец я увидел Александра. Он стоял на отвесной скале, раскинув руки и уткнувшись в нее носом. Вправо от его ног по выступам, по трещинам желтоватыми пятнами прослеживалась сернячья тропа. Александр ее не видел, наверное.

Он двинулся вправо, осторожно нащупывая ногой опору. Я наблюдал, подсказывал. Наконец он обошел

скалу, ступил на широкую полку и снова исчез. Однако ненадолго, вскоре его кудри показались в полусотне метров от меня, под нависающей козырьком скалой.

Александр, едва выкарабкавшись, сел рядом со мной. Посмотрели мы друг на друга — и рассмеялись.

Смеяться было над чем: мы походили на два растрепанных чучела.

Достав НЗ, перекусили. Послушали немного посвист ветра и решили все же двигаться: время поджимало нас. Тропа по хребту в нашу сторону оказалась довольно широкой и натопанной, спускалась вниз полого — чего ж не идти!

Но метров через двести мы остановились, пораженные: прямо у тропы, словно вырастая из земли, торчал большой камень. Он весь был усыпан крупными кристаллами дымчатого хрусталя. К вершине камня кристаллики были помельче.

— Вот это да!.. — Такое чудо должно остаться нетронутым. И мы пошли дальше. Но еще долго оглядывались, ища глазами драгоценный камень и не переставая удивляться щедрости матушки-природы.

Видимо, перенапряжение и резкая потеря сил сказались: я подвернул ногу. Наступил на маленький камушек, да так и присел.

— Ты что? — в голосе Александра тревога.

— Кажется, ногу подвернул...

— Именно этого нам сейчас и не хватало. А ну-ка, дай гляну...

— Не надо, я пойду...

Но после первых же ста метров я почувствовал, что идти дальше не могу. Тропа была едва натоптана, бурьяны стояли оплечь, а темень пала такая, хоть глаза выколи. Или то мне так казалось от боли в щиколотке. И тогда Александр буквально взвалил меня на плечи, сказав коротко: «Держись за меня!»

Спуск оказался далеко не таким простым, как я думал в начале тропы, которая теперь прыгала с уступа на уступ, огибая скалы, поднимавшие неширокие пологие площадки, пряталась в заросли можжевельника и рододендрона, спрыгивала на край торфяных болотцев, притаившихся под скалами, петляла в криволесье. Стало уже по-настоящему темно, и небо удивленно паялось мириадами звезд на двух едва ковыляющих представителях сильной половины человечества, оказавшихся

ночью в глухих горах. Тогда я удивлялся, как хорошо знает Дубень здешние места, и только потом понял, что шел он почти на ощупь, угадывая тропу шестым, как говорят, чувством, а точнее — по крайней необходимости идти правильно, чтобы не загибнуть самому и не дать погибнуть товарищу.

Нащупывая в криволесье тропу, ведущую к балагану, что примостился на берегу озера Ачипста, мы потихоньку поругивали себя и погромче — наших лесников, которые могли бы как-то и поигнать нам. И вспоминали про легендарных теперь работников лесной охраны, чья жизнь неразрывна с историей заповедника.

Нужно очень сильно любить заповедник и его суровые горы с такими трудными перевалами и облещеными тропами над бездонными пропастями, синее-синее небо над этими горами, и непролазные леса на их крутых боках, и широко распахнутые навстречу солнцу высокогорные луга, и все живое, что есть и живет в этих горах, лесах и лугах, нужно беззаветно все это любить, чтобы бескорыстно посвятить свою жизнь заповеднику. Кто-то из старых лесников, уж и не помню кто, сказал как-то, что человеку с мелкой душонкой здесь делать нечего. И действительно, большинство из тех работников лесной охраны заповедника, с которыми мне посчастливилось ходить по горам, делить хлеб и соль, большинство из них люди широкой и честной души, влюбленные в окружающий их мир, восторженные и любознательные, как дети, и суровые, смелые, когда приходится этот мир защищать. Это — одержимые.

Мне посчастливилось познакомиться и беседовать с одним из таких одержимых — с Борисом Артамоновичем Заславским. Он прожил долгий век и почти весь его отдал заповеднику. Его знал весь ученый мир, так или иначе связанный с заповедником, ибо Заславский работал здесь чуть ли не с самых первых лет существования заповедника и до начала 70-х годов. И он всех знал. И все, что касалось жизни заповедных гор, тоже знал.

Мне не пришлось ходить с Борисом Артамоновичем по горам, как, например, с Алексеем Харитоновичем Пилипенко или Иваном Михайловичем Бурачковским, — в больших годах был уже Борис Артамонович к моменту нашего знакомства. Но сколько хорошего рассказывают об этом легендарном человеке — «эндемике» заповедника — те, кого он сопровождал по заповедным тропам...

Сухопский, подвижный, седые вихры и седая борода-клинышом — таким запомнился Заславский Ксени Юрьевне Голгофской, которая познакомилась с ним еще в начале 50-х. И первый ее выход с ним в горы был довольно забавным — таким он сейчас вспоминается, тот выход. Это было в июле. Голгофской, тогда еще молодой и совсем малоопытной ботаничке, нужно было выехать на пастбище Абаго. В провожатые ей дали Заславского. «Сударыня, — сказал он ей, — я буду вас вести, как икону...» — и пошел впереди с палочкой, ведя лошадь в поводу. Голгофская же ехала верхом. К тому времени она хоть и научилась держаться в седле, да не привыкла еще к долгим подъемам, сидя верхом на лошади. А путь от Гузерипля на Абаго именно такой — долгий и все время на подъем. Немудрено, что вскоре у Ксени коленные чашечки словно пожом срезало. Боль была ужасной! Но виду не подала — стыдно было: что подумает, что скажет проводник? Однако пришлось таки спешиться и топтать пешком за Заславским, ведя непослушную лошадь в поводу (ушлое животное — сразу пользуется слабостью седока). Ковыляла, ковыляла в надежде, что проводник заметит ее страдания и устроит привал, а проводник идет себе да идет, палочкой постукивая... А тут еще и есть захотелось — ну просто беда как подвело! «Вот если за тем поворотом не остановится, лягу прямо на тропу и никуда больше не пойду!» — изнывала Ксения. А Заславский и не оглянется — палочкой туп да туп, туп да туп. «Да когда же ты остановишься?! Я упаду скоро... А тут еще эта вредная коняка не слушается. Брошу поводья — пусть сама топает...» И бросила — пошел конь самостоятельно, след в след за конем Заславского. А Ксения где-то далеко сзади — кисличку щиплет, есть же так хочется! А подать виду не хочет: «Скажет дед, что это за кисейная барышня в заповеднике появилась? Не будет такая здесь работать — сбежит...»

И вдруг — авария: конь Заславского, будучи весьма урослив, испугался шума падающей с дерева шишки, шархнул, сумы переметные растрял, мешок с мукой лопнул, мука рассыпалась, круглые сыры раскатились. А Ксения вроде бы даже и рада: причина для привала. А раз привал, значит... Но «значит» не состоялось. Собрали рассыпавшиеся пожитки, и опять застучал дед палочкой по камушкам...

И тогда схитрила Ксения: «А когда лошадей кормить будем?..» — «Лошадущек? Да уж скоро... Вот подыдемся...» Поднялись, стреножил Борис Артамонович лошадушек, пустил их пастись, а про обед и не вспоминает. И тогда взмолилась Ксения: «Борис Артамонович, я есть хочу — помираю!» — «Да что ж вы молчали, сударыня моя? Сейчас мигом...» — «Да и вы ведь тоже молчали...» — «А я в пути не ем. И сейчас еще погожу. А вы ешьте, не стесняйтесь. Вот пирожки — супружница моя специально для вас напекла...»

Ксения Голгофская потом много раз ходила «в поле» в сопровождении Бориса Артамоновича и всегда была с ним как «у бога за пазухой». И не только она — все, кто ходил с Заславским, вспоминают его добром и с благодарностью: многих, очень многих научил Борис Артамонович спокойствию и мужеству, находчивости и оптимизму на заповедной горной тропе. И добросовестному отношению к делу — к любому делу, к какому бы его ни приставили, Заславский относился с глубочайшей ответственностью и аккуратностью. В том, что Кавказскому заповеднику удалось восстановить, точнее, возродить популяцию горного зубра, есть немалая заслуга и Бориса Артамоновича Заславского: он долгие годы был заведующим зубровым парком.

Б. А. Заславский был не только добросовестнейшим работником заповедника и надежнейшим проводником. Он был и очень внимательным, весьма любознательным наблюдателем и испытателем природы. И все, что примечал, с чем экспериментировал, Заславский заносил в дневники. Я видел эти дневники — шесть или больше толстых общих тетрадей, он показывал их мне и даже обещал отдать для подработки в печать. К сожалению, после его кончины дневники эти затерялись. А в них наверняка было много чего интересного и из истории заповедника...

Под статью Заславскому были практически все тогдашние работники лесной охраны, наблюдатели, как они тогда назывались. Писатель Александр Павлович Оленич-Гнеденко в книге «Четыре времени года» посвятил теплым рассказам о них не одну страницу — он встречался со многими из них и до войны, и после нее. Я же из той славной когорты наблюдателей, а по-нынешнему лесников, знал немногих.

Вспоминаются встречи с Иваном Михайловичем Бу-

рачковским, ныне покойным. Он долгое время хозяйничал на кордоне Песлук Южного лесничества, и все годы его службы здесь царил порядок.

...Мы сидели у водопада под Семиколенкой и ждали выючных лошадей, которых должен был пригнать с Песлуха проводник нашей экспедиции по горным пастбищам Иван Бурачковский. Он приехал верхом на вороном жеребце, которого называл Орликом, ловко спустился, поздоровался со всеми и тут же принялся распорядиться, как, что и на какую лошадь выючить. И делал он это так просто и непринужденно, как будто знал каждого из нас давным-давно. И мы так же стали относиться к нему — как к старому и доброму товарищу. И не удивлялись, когда встречные группы туристов приветствовали нашего проводника, обращались к нему за советом и помощью: о нем слышали, о нем знали все, кто когда-либо проходил маршрутом от Красной Поляны до Авадхары.

Экспедиция та была достаточно длительной, не очень-то простой сложилась, и успех ее в немалой степени стал возможен благодаря нашему проводнику. Он знал каждую тропку, каждый камень, каждый родничок на нашем пути. Он показывал нам излюбленные места пастбы и водопою оленей и кабанов, по едва различимым следам раскрывал нам потрясающе интересную картину жизни субальпика, по только ему известным признакам предсказывал нам погоду на завтра, и его прогнозы были точными. Он был юношески легок и быстр на крутых тропинках — безразлично, вниз мы шли или вверх карабкались, пешком или верхом. Не замечал он ни палящего солнца, ни проливного дождя с пронизывающим ветром — мы не видели его в походе одетым иначе как в застегнутой на все пуговицы, перетянутой португесей гимнастерке, бриджах и сапогах, в егерской фуражке с дубовыми листьями на околыше, с патронгашем и поясом на поясе и с карабином за плечами. Это был удивительной неумоимости человек, и он всех нас заражал и поддерживал этой своей неумоимостью.

Как-то после довольно-таки тяжелого перехода мы заночевали в одном из урочищ в долине реки Цахвоа, в старом балагане. Нам пришлось немало пройти под про-

ливным дождем, поплутать по зарослям на болотцах, и мы все вымокли, выбились из сил. А когда вышли к балагану, то рады были просто упасть на старый лапник, лежавший в нем, забыться...

Не скажу, что Бурачковский тогда был с нами вежлив, он был с нами по-мужски крут и резок. Он заставил всех нас заняться и лошадьми, и дровами для костра, и еще много чем — лишь бы не раскисли. Спустя час мы сидели у костра сытые и притихшие, прислушиваясь к ночной жизни заповедного леса, к голосу прыгающей по камням недалеко речки, к вздохам пасшихся неподалеку коней. Откуда-то потянуло сквозняком, и отблески пламени запрыгали по нашим лицам. Я украдкой глянул на Бурачковского. В неярком свете костра лицо его казалось высеченным из камня. Резко очерченные скулы, твердые губы, нос с горбинкой делали Бурачковского похожим на горца. А что удивительного — полвека жизни в горах что-нибудь значит!

...Костер всегда располагает к воспоминаниям, побуждает поделиться пережитым. У нас тогда тоже получился вечер интересных воспоминаний. Не помню сейчас, кто о чем рассказывал, но рассказ Ивана Бурачковского запомнился.

...Тяжелый горячий жакан чиркнул по плечу — вата вылезла безобразными лохмотьями. Иван проворно упал за камень.

— Ранен? — с тревогой спросил Ермаков.

— Нет... Стеганку попортил, сволочь!..

— Ничего, стеганку жинка зашьет, — отозвался Татарков, заряжая карабин. И добавил озабоченно: — В лоб не возьмем — перестреляют, как куропаток. Нужно зайти с тыла. Добровольцы есть?

— Я пойду, — ответил Бурачковский и пополз, втискивая крупное тело в узкие щели между камнями.

— Осторожней, Иван!..

Браконьеры затихли. Но лесники голов не поднимали — что у этих бандитов на уме? Они на все способны...

Бурачковский появился за спинами браконьеров столь неожиданно, что те растерялись. Выналив в воздух, Иван спокойно предложил им бросить ружья.

— И отойдите в сторонку, в сторонку...

Услышав голос Иванова карабина, лесники вышли из укрытия. Браконьеры хмуро смотрели, как разряжали их ружья, как вытряхивали из рюкзаков мясо уби-

тых туров. Запросились, мол, не будем больше, черт пугал, отпустите с миром...

— Грабили — веселились, а попались — прослезинись? — оборвал их нытье Бурачковский. — Суд решит, как с вами быть...

— Вот как оно бывает, — подвел черту под своим рассказом Иван Михайлович, подбрасывая в костер дрова. Разворошил угли — полетели в небо искры...

Знаю я и Василия Михайловича Татаркова, проработавшего в заповеднике более полувека. Последние годы перед пенсией он был лесничим Южного лесничества. Это он руководил операцией по захвату браконьеров, о которой рассказал Бурачковский. Это он, кстати, определил тогда Ивана Бурачковского проводником в нашу экспедицию по выпасам — как самого надежного и опытного из своих лесников. Это он был одним из организаторов зимних лыжных обходов по заповеднику, благодаря которым заповедник был надежно огражден от набегов браконьеров-куничатников. Василий Михайлович, будучи уже много лет на пенсии, до сих пор сожалеет о том, что теперь такие обходы никто и ни в одном лесничестве не делает, да и лесников таких, чтобы хорошо владели лыжами в горах, нет теперь...

За полвека работы в лесной охране заповедника Татарков всякого навиделся. Я же приведу один из многих эпизодов его службы — он говорит об отношении тогдашних лесников к заповеданному.

Как-то зимой в лыжном обходе Василий Михайлович с товарищами вышли на поляну Сепную — это в глубине заповедника, километрах в тридцати от Гузепля. Снег был обильный — метра три. Шли неторопливо, внимательно приглядываясь к следам, чутко прислушиваясь ко всякому шороху. И вдруг услышали какой-то странный звук — словно кто-то всхлипывал приглушенно и отчаявшись. Звук шел вроде бы из-под снега. Решили поискать его источник, и неподалеку от тропы увидели воронку в снегу. А в воронке, края которой обледенели, метался дикий кабан. Он был до того истощенный, что на него больно было смотреть. Видимо, давно, бедолага, попал в эту ледяную западню. Об этом же говорила и почти съеденная трухлявая лихтовая валяжина, лежавшая на дне воронки. Увидев людей, склонившихся над ямой, кабан поднялся на задние ноги, словно хотел дотянуться, завизжал хрипло, как бы умо-

ляя спасти его. «Выручать надо кабана, — сказал кто-то из лесников. — Пропадает животное...» Татарков предложил вырыть в снегу траншею, чтобы зверь мог по ней выйти из своей западни. На том и порешили. А пока пробивали эту траншею, скормили кабану всю картошку — надо же было поддержать животное...

Но вернемся к мысли о роли и значении лесника в заповеднике. Мало нынче в лесной службе настоящих энтузиастов заповедного дела, истинных радателей родной природы. Видимо, пришло время по-иному взглянуть на подбор людей для работы в лесной охране заповедника. Нужно специально готовить таких людей. Чтобы каждый лесник заповедника имел специальное среднее техническое образование, был бы отменным следопытом, хорошо владел не только конем, карабином, самбо, но и современными средствами радиосвязи, знал фотодело, умел квалифицированно наблюдать за жизнью животных и растений, грамотно изложить свои наблюдения в дневнике. Заповедник — очень своеобразное научно-исследовательское учреждение, поэтому каждый лесник его должен быть в какой-то мере и научным сотрудником.

К балагану мы вышли часов в десять — уставшие и злые, и молча завалились спать, не отвечая на виноватые вопросы лесников, не попив даже чаю.

А утром мы увидели озеро. Оно застыло ясным голубовато-зеленым зеркалом метрах в десяти от балагана. Гора Кочерга так ясно и четко отражалась в этом зеркале, что можно было запросто потерять представление, где в этом мире верх, а где низ. «Вот ч-черт! — вырвалось у Дубеня. — Сколько раз бывал здесь, а все никак не могу привыкнуть к такой красоте...» Горы, обрамляющие озеро с трех сторон, похожи на тяжелую, из литой и уже старой бронзы, глубокую раму, почему-то и, видимо, давно лопнувшую вверху — там, где в озеро впадает речка Ачипста, берущая начало в серебре ледника Челипси. Раму, не имеющую низа, то есть открытую настежь там, где должен быть исток речки из озера и где его почему-то не было. Криволесье, шумно и беспечно сбегавшее по крутым бокам Старого Алоуса к озеру-зеркалу, чтобы поглядеться на себя в осеннем наряде, у самой кромки воды вдруг затихло и стало задумчивым и грустным, поняв, наверно, что осенний наряд

хоть и красив золототканым узором своим, да не веселит.

Нет, чтобы воспринять красоту горного озера, чтобы красота эта потрясла и на всю жизнь оставила в душе щемящее чувство тоски по прекрасному, нужно видеть это озеро. Нужно зачерпнуть и попить его воды, умыться ею, побродить босому по самой ее кромке, чтобы жгучая прохлада ломила кость и щекотала нервы. И чтобы легкий ветерок, струясь по серо-голубой глади озера, пригнал в твою ладонь золотой кораблик — опавший березовый лист...

Мы стояли и молча глядели на озеро. А мир, окружавший нас, был, как сказано у Юрия Константиновича Ефремова, опрокинут и сломан надвое бездонной емкостью зеркал. И еще припомнились мне его стихи о горных озерах:

Под гребнем, в выси вознесенным,
По изголовьям доли —
Амфитеатры кресловит
Резцом изваяны бессонным.
В глазницах чаш утаены,
Глядят глазки голубизны.
Здесь горы видят. Их глаза —
Озер немая бирюза...

МИР ОПРОКИНУТ И СЛОМАН НАДВОЕ

Удивительное это явление природы — горные озера. Ни в чем не повторяющиеся, они прекрасны каждое по-своему, и каждое наделено только ему присущей особой притягательной силой. Ни человек, ни зверь, ни птица не пройдет, не пробежит, не пролетит мимо озера.

В заповедных горах — множество озер. И таких величественных, знаменитых, как Кардывач или Инпси, и таких вот малоизвестных, как Ачипста, озеро Круглое, прячущееся в отрогах Чугуша. Большинство из них малы — лишь несколько заповедных озер имеют площадь более 50 тысяч квадратных метров (самое большое — Кардывач. Его площадь 133 тысячи квадратных метров, а глубина 17 метров, как у Азовского моря, даже глубже). Они занимают древнеледниковые цирки и кары — глубокие котловины. Как они произошли? Лим-

пологи (люди, изучающие жизнь озер) говорят, что большая часть горных озер своим происхождением обязана древним ледникам, которые, медленно спускаясь с гор, выпахивали глубокие котловины и нагромождали впереди себя и по краям огромные каменные валы — морены. Шли годы, пролетели века и тысячелетия — ледники отступили, пестаяли, а талая вода заполнила самые глубокие места их бывшего ложа. Процесс образования озер, между прочим, продолжается и поныне. Так, Кардывачу примерно 2,5 тысячи лет, а, скажем, Ацетукским озерам 150—200 лет. К числу ледниковых озер следует отнести озера на склонах Чугуша (то же Круглое, к примеру), на хребте Ачишхо, да и множество других. В том числе и озеро Ачипста. Кроме озер ледникового происхождения, в складках заповедных гор прячутся озера и другого происхождения — тектонические, карстовые, суффозионные. Образование тектонических озер тесно связано с современными вертикальными поднятиями Большого Кавказа, то есть с деформацией горных пород, когда при растяжении возникают прогибы (синклиналильные мульды) или трещины разрыва. Озеро Хуко, например, как раз и возникло вдоль такого тектонического разрыва, пролежавшего по оси Главного Кавказского хребта. Озера карстового происхождения образуются в основном в карстовых воронках, при закупорке их стволов, и площади их обычно невелики — от нескольких сот до нескольких тысяч квадратных метров. Глубины же их колеблются от метра до нескольких десятков метров. Такие озера можно созерцать в районе Фишта (озеро Псенодах, например).

И наконец, суффозионные озера. Эти образуются при размывании подземными водами глинистых сланцев, вследствие чего верхние слои горных пород проседают и образуют котловину. Как правило, такие озера мелки, малы по объему, быстро пересыхают и вновь образуются.

Есть еще и обвально-запрудные озера. Причина их возникновения — обвалы, вызванные землетрясениями. Ведь все Кавказское Причерноморье находится в 7—9-балльной сейсмической зоне. Обвалившиеся при землетрясении горные породы, бывает, запрудивают реки, так образуются запрудные озера. Одни из таких озер живут достаточно долго, другие постепенно, по мере рассасывания запруды, исчезают. Так исчезло

обвально-запрудное озеро, что образовалось было на 34-м километре автодороги Адлер — Красная Поляна, на скальном ее участке — в ущелье Ахцу, в январе 1968 года. Здесь произошел обвал скалы, нависшей над Мзымтой, и 25 тысяч кубометров горной породы закупорили русло реки в самом узком его месте сплошной плотной длиной 25 и высотой 20 метров. Вот и возникло озеро площадью 16 тысяч квадратных метров и глубиной до 17 метров. А через два года Мзымта сокрушила преграду, и озеро исчезло.

А вот озера Большая и Малая Рица, образовавшиеся в основном в результате обвалов лет 250—300 тому назад, видимо, будут жить еще века.

Горные озера, как и все в природе, цикличны в своем развитии — они переживают стадии юности, зрелости, старости. Лимнологи говорят, что в данный момент в складках Большого Кавказа рождаются новые ледниковые озера, а вот в низкогорной зоне его, на уровнях ниже 1800 метров, наблюдается заболачивание и обмеление старых озер.

...Дубень и лесники пошли побродить окрест, а меня, как больного, оставили готовить обед. Чуть выше балагана были густые заросли малины, и я начал со сбора ягод.

Продираясь сквозь колючки, я направился к поправившемуся кусту малины. Поднял ногу — и застыл в оцепенении, почувствовав, как похолодела спина: как раз на том камне, на который я собирался поставить поднятую ногу, свернувшись в тугое кольцо, лежала змея. Ее окраска, форма и агрессивная поза выдавали в ней знаменитую кавказскую гадюку, или гадюку Казнакова — «казнаковку».

Специалисты говорят, что «казнаковка» при встрече с человеком торопится уползти, исчезнуть, а агрессивна бывает, лишь когда ей наступают на хвост. «Моя» гадюка исчезать не собиралась, я ей на хвост не наступал, тем не менее она подняла изящную черную треугольную головку и зло зашипела.

Я не стал выяснять с гадюкой отношения, тем более щекотать ей нервы чрезмерным любопытством к ее особе.

...Когда я отдышался, то стал размышлять о ценности всего живущего на земле, и гадюк в частности.

Слишком поздно спохватились люди, что ядовитые гадюки, наводящие ужас почти на всех животных, — очень ценное творение природы. Настолько ценное, что самых ядовитых из них сейчас приходится разводить в специальных резерватах — серпентариях, потому что многие виды змей находятся сегодня на грани полного исчезновения. Кавказская гадюка, некогда обитавшая на всем Черноморском побережье Западного Кавказа, встречается теперь практически только в Кавказском заповеднике и, как прогрессивно сокращающийся вид, занесена в Красную книгу мира.

В Кавказском заповеднике есть специалист, занимающийся экологией змей. Это Борис Сакоевич Тушнев, молодой, но подающий большие надежды натуралист, для которого «казнаковка» — милейшее и прекраснейшее существо. Он о ней может рассказывать часами. Именно от него я узнал, что кавказская гадюка, кроме традиционного, так сказать, красно-кирпичного, желто-оранжевого и черного цвета, может окраситься даже в цвет старой бронзы. И что это ползучее холодное и ядовитое чудо природы населяет облесенные горы, субальпийские и альпийские луга, зарастающие каменистые осыпи, встречаясь от приморских биотопов (тисосамшитовая роща) до высот 2200 и даже 2600 метров. При этом одним из основных условий обитания «казнаковки» на Северо-Западном Кавказе являются озера, речки или ручьи. И еще Борис Сакоевич рассказывает, что кавказская гадюка, обитающая на высоте от 1800 до 2400 метров, активничает весь световой день как в солнечную, так и в пасмурную погоду, если температура воздуха выше 10 градусов. А если ниже, то «казнаковка» уползает в свою пору поспать. Исключением составляют голодные особи и брюхатые самки.

Кавказские гадюки питаются в основном мышевидными грызунами. Однако лакомятся они иногда птенцами и ящерицами.

У кавказских гадюк есть еще одна особенность — они образуют так называемые очаги плотности, то есть в особо и неизвестно почему излюбленных местах гадюк скапливается больше, чем хотелось бы. При этом наибольшая плотность гадючьего населения наблюдается на каменистых осыпях лесного и субальпийского поясов. Поэтому я, прежде чем взяться за приготовление обеда, покидал камушки в ближайшие кусты и

заросли бурьянов: откуда мне было знать, случайно оказалась вблизи балагана моя сердитая приятельница или тут много таких, как она.

Солнце наконец-то выбралось из-за Кочерги и заглянуло в озеро. Его длинный и уже по-осеннему хрупкий луч ткнулся в нахолонувшую за ночь и отвердевшую от холода голубовато-серую гладь воды и раздробился о нее на тысячи тонких острых иголочек, горячих и ярких. Иголочки брызнули во все стороны, ударили по глазам, ослепили, заставив зажмуриться. И озеро от солнечного удара изменило свой цвет — заголубело, зазеленело, заискрилось... Прошумел по вершинам криволесья ветерок, побежал, побежал вверх по склону, пригиная по ходу к земле сухие зонтики борщевика, добежал до скалы... Раздалось протяжное «о-а-а-у-у-у». Звук был низким, густым и очень мне знакомым. Я отставил в сторону котелок и прислушался. Ветер снова донес тот же трубный глас. И через мгновение — новый звук: йох-йох-йох! С хрипотцой, с надрывом. И опять басовито: о-а-а-у-у-у... Да ведь это же олень ревет! Начался рев оленей! Интересно, Дубень слышит ли? Ведь голос оленя, ревущего на открытых местах, по верхам хребтов, слышен на расстоянии до 7 километров, а то и дальше. Интересно, далеко ли от озера расположен этот басовитый рогаль? Судя по густому реву, зрелый красавец страдает. Один, без ланок. Рано ланкам-то быть возле него: рев только-только начался, а ланочки приходят к своему будущему повелителю попозже, в третьей декаде сентября. И к тому же олень, с которым уже ходят ланки, ревет пореже и потише. А этот вон как раструбился! Посмотреть бы на него. Как некогда любовались мы с Пилипенко могучим рогалем, за которым несколько часов шли по голосу — он выделялся из многих других каким-то не просто низким, а бархатистым тоном и был настолько густым и мощным, что казалось, будто ревел не простой олень, а сказочный зверь-великан. Он был прекрасен, этот старый боец, украшенный рогами, похожими на крону крепкого дуба. Мы догнали его на Челипси. Он остановился и смотрел на нас, гордый и величавый. Я больше никогда не встречал столь погрязающе красивого и могучего зверя из рода настоящих оленей. Может быть, этот, что ревет под той вон скалой, такой же красавец?

Я прислушался вновь. И тот же знакомый трубный

глас: йох-йох-йох, с хрипотцой, с надрывом. И басовитое: о-а-а-у-у-у... И вдруг ветер донес голос другого оленя. Этот был немного помягче, что ли, первое колесо его звучало несколько выше: йех-йех-йех! — и пожиже, а второе напоминало скорее вой, чем мычанье. По всей вероятности, на голос старого самца откликнулся молодой. Пиллиненко учил меня отличать молодых от старых по реву: у оленей двух с половиной — трех с половиной лет рев не столь густой, как у старых самцов.

Олени перекликались довольно продолжительное время вдвоем. Затем в «концерт» включились еще двое или трое. Где-то, невидимые с балагана, на опушке субальпийского леса или на полянах, а может, на лугу, каждый на своем месте, стояли, лежали, гребли копытом землю, бодали крепкими рогами деревья самцы-рогали, страдающие от перазделенной еще любви и жаждущие сразиться с возможными соперниками. Правда, они не нападают друг на друга, если рядом нет ланок. Но если самки рядом — соперник не подходит, биться будем! И бьются — смотреть, говорят, страшно, так свирепо и яростно сражаются за право иметь потомство рогали. Однако, как бы ни были свирепы схватки между рогалими, до смертоубийства дело почти никогда не доходит — тот, который послабее, покидает поле боя.

И тем не менее дразнить оленя во время рева не рекомендуется. Василий Михайлович Татарков рассказывал как-то о том, как ему пришлось спастись от рассвирепевшего рогали на дереве...

Но часто бывают случаи, когда олень идет к людям, ища у них защиты. Тот же Василий Михайлович рассказывал, как однажды, идя берегом Белой, наблюдатели заметили в реке, на самой быстрине, оленя, стоявшего неподвижно. Не успели подивиться такому поведению зверя, как увидели на берегах реки пятерых волков. Хищники находились выше оленя по течению и пытались вплавь добраться до него. Но едва они доплывали до середины реки, как быстрое течение сносило их вниз. Волки отчаянно молотили по воде лапами, но достать оленя не могли. Несколько раз пытались волки добраться до оленя — и безрезультатно. Неизвестно, как повернулось бы это драматическое событие, не вмешайся в него люди. Два волка были убиты, три поспешно ретировались в лес. А олень стоял в воде, не обращая

внимания на выстрелы. А когда волки разбежались, он спокойно выбрался на берег, прошел мимо людей и с достоинством удалился.

Еще был похожий случай — возле лагеря Уруштен. Наблюдатели ехали верхом, и вдруг прямо к ним из лесу выскакивает ланка и прячется в ряду лошадей. А за ланкой — два волка. Увидели людей — и назад, только хвосты мелькнули. А что же оленуха? Дрожа всем телом, она еще долго шла бок о бок с лошадьми и, только когда успокоилась, отстала от людей и ушла в лес.

Бывалые лесники много интересного рассказывают про оленей. Рассказывают с любовью, я бы сказал, с большим уважением к зверю. Да и как не любить кавказского оленя, самого крупного в роду настоящих оленей. По размерам кавказский олень значительно превышает европейского, крымского и другие подвиды. По данным исследователей — научных сотрудников заповедника, средняя длина тела взрослого самца составляет 2 метра 34 сантиметра, высота в холке — до 1,5 метра, а вес в августе — сентябре достигает 350 килограммов.

Сейчас оленей в Кавказском заповеднике не менее 3300 голов. Численность популяции растет, расширяется ее ареал — олени выходят за территорию заповедника и расселяются в лесах Северо-Западного Кавказа. А ведь к началу организации заповедника олени на Северо-Западном Кавказе стали настолько редкими, что, как писал А. А. Насимович, во многих районах, ранее славившихся обилием этого зверя, можно было проходить целый день и не встретить даже оленьего следа. Кавказский олень к началу 20-х годов оказался на грани полного уничтожения. Этому было несколько причин. Н. Я. Динник называл три главные из них: рост населения и расширение скотоводства в этом краю, вытеснявшего диких животных из их коренных мест обитания; распространение болезней среди диких копытных; бесконтрольная охота в погоне не только за мясом и шкурой оленей, но и за рогами.

А между тем еще в начале нашего века оленей в местах ныне заповедных и севернее было предостаточно. Тот же Н. Я. Динник в своей работе «Звери Кавказа», опубликованной в 1914 году в XXVII томе «Записок Кавказского отделения Русского географического общества», писал: «В Кубанской области они встречаются везде, где есть большие леса, а в особенности на более высоких

местах в горной полосе. Северная граница их распространения проходит недалеко от станиц Передовой, Каладжинской, Махосhevской, потом идет севернее Майкопа, недалеко от станиц Пшеховской, Черниговской и т. д. Вблизи Екатеринодара (Краснодар.—В. М.) олени встречаются только в так называемом Красном лесу, находящемся вдали от гор, среди степей, на правом берегу Кубани. Олени встречаются также в лесах около Горячего Ключа, в верховьях рек Абина, Афила и т. д. Наибольшее количество оленей в Кубанской области водится в Майкопском отделе, а именно — в верховьях рек Белой, Большой и Малой Лабы... Довольно часто попадаются они в верховьях рек Пшехи, Курджипса и Пшиша (около станиц Самурской, Апшеронской, Нефтяной и Кубанской) и в казенных лесах около Майкопа. Осенью рев их бывает часто слышен около Елисаветпольского поселка, расположенного у шоссе, что ведет от Майкопа до Туапсе, а в особенности в верховьях реки Пшиша...»

От полного исчезновения оленей спасло создание Кавказского государственного заповедника. Уже в начале 30-х годов численность оленей стала возрастать, а в 1939 году оленей насчитывалось около 2300 голов. Во время войны поголовье оленей вновь сократилось, но в послевоенные годы опять возросло. В 1951 году их количество достигло почти довоенного уровня. Но с этого же года в связи с отчуждением от заповедника двух третей территории стадо оленей значительно уменьшилось: сказался разгул браконьерства.

Когда же заповедник был восстановлен почти в тех же пределах, прирост популяции стал ежегодно составлять 12—15 процентов. И живут они теперь не только в заповеднике. Ведь кавказский олень обладает очень высокой экологической пластичностью, то есть легко приживается в незнакомых ему доселе местах, приспосабливаясь к разнообразным условиям питания. По данным научных сотрудников заповедника, олень достаточно хорошо разнообразит свое меню, поедая свыше 260 видов растений. Это травы, кустарники, деревья, лишайники, мхи, дикие фрукты, буковые орешки, желуди и т. п.

Надо сказать, что экология кавказского оленя, обитающего сегодня в Кавказском государственном биосферном заповеднике, в основном изучена. Оленем вплот-

ную занимались многие известные ученые как до революции, так и в годы Советской власти. В заповеднике жизнь оленей изучали В. Г. Гелтнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников, Е. Г. Розмахов, В. Н. Александров и другие ученые. Сейчас за оленями ходит Владимир Васильевич Дуров. Олень — его неизменная любовь, как серна у Дубеня, как зубр у Немцева...

Утро, которым мы двинулись в путь, выдалось ясное и хрустящее от легкого морозца. Коня уже были заседланы, когда мы с Александром вылезли из балагана. Весело плясал под котелками костер, отчего те плескались то чаем, то супом. Кто-то из лесников пожертвовал своим НЗ — достал кусок сала, Дубень выбрал самую крупную луковицу, и прощальный завтрак получился просто роскошным.

Я уже сидел на коне, когда Александр обратил мое внимание на Кочергу: «Смотри...» Я глянул — и обомлел: по всему гребню горы стояли... серны. Стояли и смотрели на нас. Их было не меньше полусотни. «Это они тебя провожают...» — рассмеялся Дубень.

Ах, как не хотелось уезжать! Мы же хотели выйти на ледник, вернуться на ту тропу, около которой увидели камень из дымчатого хрусталя, поискать проход из долины Ачипсты в долину Имеретинки — ведь это так интересно узнать наконец: а что же там, за той горой?

...Коня шли ходко, а я все оглядывался да оглядывался, ища глазами утонувший уже в зелени криволеся балаган, пытаюсь рассмотреть Дубеня, ушедшего со вторым лесником в Челипси, и серна на Кочерге. Но тропа становилась все строже, все круче изгибалась книзу, наконец нырнула в лес, в пихтарник, и все, что волновало и заботило еще час назад, осталось где-то там, в подоблачных высотах... А справа все громче шумела Ачипста, вырвавшаяся из каменного подземелья и набирающая силу от десятков вливающих в нее слева и справа ручьев. О чем ты шумишь, реченька? Что хочешь поведать миру?..

ВОКРУГ ФИШТА И ОШТЕНА

ПИСЬМО К. Е. ВОРОШИЛОВУ

Наша экспедиция называется комплексная экологическая Фишт-Оштенская-82. Комплексная потому, что в ее составе научные сотрудники Кавказского заповедника — луговеды, дендрологи, зоологи, почвоведы; члены Географического общества СССР — посланцы Сочинского отдела общества, геологи и гляциологи. Наши гляциологи будут работать на Большом леднике Фишта рука об руку с гляциологами Ю. В. Ефремова — из Краснодарской зональной гидрометобсерватории.

А цель экспедиции — доказать необходимость восстановления режима заповедности для Фишт-Оштенского горного массива.

Дело в том, что Фишт-Оштенский горный массив практически с самого начала Кавказского заповедника был его неотъемлемой частью. Но в 1951 году территория заповедника была сокращена с 337 тысяч до 100 тысяч гектаров. Отчужденные земли перешли в госземфонд, и на них тотчас же развернулись лесозаготовительные работы, выпас скота, охота и браконьерство. И, что греха таить, уровень эксплуатации как лесов, так и высокогорных лугов был хищническим. А заповедник лишился естественно-исторических комплексов, на которых проводились многолетние стационарные наблюдения: у заповедника были отняты Уруштен, Дзитаку, Псеашхо, Чугуш, Фишт и Оштен.

В связи с сокращением территории уменьшился и штат заповедника. Но осталось, к счастью, основное ядро коллектива. Это были Н. Е. Лаврентьев, И. В. Жарков, П. Д. Лазук, П. А. Савельев, С. И. Чернявская, В. М. Тартарков, А. В. Никифоров, Б. А. Заславский, К. Г. Архангельский, С. Г. Калугин и ряд других работников. И когда в 1954 году лесозаготовители выдвинули новое требование об отчуждении от заповедника еще 30 тысяч гектаров лесных угодий на реках Кише и Молчепс, все оставшиеся в заповеднике работники обратились прежде всего к общественности. И общественность не оставила Кавказский заповедник в беде — на его защиту встали писатели, ученые, туристы. Юрий Константинович Ефремов, заведовавший тогда музеем

землеведения Московского университета, посоветовал обратиться к почетному президенту Географического общества СССР академику Владимиру Афанасьевичу Обручеву и к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Клименту Ефремовичу Ворошилову. Письма были направлены писателям Леониду Леонову и Константину Паустовскому. Летом 1955 года тогдашний заведующий научной частью заповедника Петр Алексеевич Мерц посетил в Москве председателя комиссии по охране природы Академии наук СССР профессора Г. П. Деметьева. Тот был уже в основном в курсе дела. Выслушав П. А. Мерца, профессор возбужденно заходил по кабинету. Он попросил составить проект выступления от коллектива сотрудников заповедника на предстоящем Всероссийском съезде общества охраны природы в защиту заповедника, выдвинув обоснованное требование возврата заповеднику отобранных у него территорий.

Обращение к съезду было составлено и доложено на одном из его заседаний 15 августа 1955 года. Оно произвело на делегатов огромное впечатление. А в начале сентября в приемную Председателя Президиума Верховного Совета СССР было представлено письмо академика В. А. Обручева. Активнейшими авторами этого письма были Юрий Константинович Ефремов и его жена кандидат географических наук Наталья Алексеевна Лебедева. Письмо это настолько интересно и актуально, что его стоит процитировать почти полностью. Вот оно.

Глубокоуважаемый Климент Ефремович!

Обращаясь к Вам в надежде, что Вы своим авторитетом поможете предотвратить глубоко беспокоящее и возмущающее научную общественность дело — разрушение замечательного исследовательского и культурного учреждения — Кавказского государственного заповедника.

Созданный в осуществление ленинской идеи охраны природы в 1924 году на территории 3600 квадратных километров, Кавказский заповедник завоевал себе мировую известность как один из немногих на земном шаре участков богатейшей и подлинно девственной природы умеренного пояса. Напоминаю, что горцы — черкесы покинули эти места еще в 1864 году, а затем здесь много лет существовал великокняжеский охотничий заказник.

Еще 13 июля 1925 года Кавказский заповедник был

признан учреждением, имеющим мировое научное и культурное значение, представляющим общесоюзную хозяйственную и политическую ценность.

...За 30 лет в заповеднике проведена большая научная работа, сильно возросло поголовье диких животных, началось обогащение ими соседних охотничьих угодий...

...Заповедник служит школой, природной лабораторией тысячам студентов-практикантов и экскурсантов.

Жемчужина среди советских заповедников, гордость нашей природы и культуры, Кавказский заповедник имел все возможности превзойти по своему значению Йеллоустонский национальный парк США. К сожалению, вместо этого оказалось под угрозой само существование заповедника... — под давлением местных организаций было допущено резкое (в 3,5 раза) сокращение площади заповедника и отторжение от него почти трех четвертей территорий, любовно охранявшихся в течение 30 лет. В итоге драгоценные леса и луга оказались особенно лакомыми и для некоторых хозяйственников.

Несмотря на огромность далеко не полно используемых лесных и луговых ресурсов на незаповедных территориях, лесозаготовительные и лесохозяйственные организации Краснодарского края и Северо-Кавказского военного округа принялись... буквально хищнически уничтожать пихтовые и буковые леса в районе Красной Поляны; открыты для выпаса луга многих глубинных, исконно заповедных районов; в горы устремились охотники, уже бесконтрольно истребившие значительную часть турьих стад на Кардывачском горном узле. Рубки идут сплошными массивами, без оставления молодняка.

После того как Советы Министров СССР и РСФСР санкционировали новый пересмотр границ заповедника, Краснодарский крайисполком вместо того, чтобы возвратить заповеднику опустошенные исконно заповедные земли, готовит дальнейшее сокращение его территории. Под угрозой отторжения находятся богатейшие исконно заповедные районы Киши, Молчепы и другие. Такое сокращение будет равносильно ликвидации Кавказского заповедника. Дело снова решается под давлением близоруких краевых местных интересов, а решать его необходимо с учетом общегосударственного научного, культурного и хозяйственного значения Кавказского заповедника.

Нужно пресечь всякие разговоры о каких бы то ни было сокращениях заповедных территорий. Напротив, следует принять меры к неотложному возвращению Кавказскому заповеднику по меньшей мере таких уникальных по богатству и своеобразию природы районов, как Чугуш, Дзитаку, Псеашхо, Кардывач.

В борьбе за красоту родной природы, которую так горячо ведут наши писатели К. Паустовский и Л. Леонов, защиту заповедников нельзя не считать делом первой очереди.

К письму была приложена выписка из предложений комиссии Совнаркома по вопросу о Кавказском заповеднике, составленных еще в 1926 году.

Через год, 16 августа 1956 года, было принято решение о возвращении Кавказскому заповеднику ранее отчужденных земель. Правда, Фишт-Оштенский массив так и остался за его пределами.

Экспедиция наша призвана доказать, что Фишт-Оштенский массив следует вернуть заповеднику. Еще на заре организации заповедника решением Кубано-Черноморского ревкома западные границы заповедника были определены территорией Пшехской лесной дачи в пределах реки Пшехи и западными склонами Фишта — Чубы, а с севера — территорией Мезмайской лесной дачи по субальпийскую полосу. В общем, весь массив с первых лет существования Кавказского заповедника был зоной абсолютного заповедания.

Однако чем привлекает ученых этот горный массив?

Фишт-Оштенский горный массив уникален — подобного ему нет на Кавказе, да и в других горных системах мира, пожалуй, тоже. Геоналеонтологи склонны утверждать, что массив этот миллионы и миллионы лет назад был коралловым островом в теплом море. И это несомненно так, ибо весь массив сложен рифогенными известняками, в толще которых находят множество окаменевших останков некогда живших морских организмов.

Для геологов Фишт-Оштенский массив интересен тем, что здесь, на сравнительно небольшой площади, можно встретить горные породы сразу трех структурных геологических этажей. Это древнейшие палеозойские гнейсы и граниты, слагающие кристаллический фундамент Большого Кавказа, это черные глинистые сланцы нижней юры и известняки верхней юры. Наконец, Фишт — прямо-таки музей уникальных карстовых образований.

Это в его южной степе вход в теперь печально знаменитую пещеру Парящая Птица, третью по глубине в Союзе (517 метров). Кстати, именно благодаря столь уникальному геологическому строению Фишт-Оштенский массив является огромным естественным резерватом пресной воды. Отсюда начинают свой бег крупнейшие реки Северо-Западного Кавказа — Белая и Пшеха, водные резервы массива питают и реки южного макросклона Главного Кавказского хребта — Аше, Псезуапсе, Шахе (Головишку), Сочи, которые являются (после Мзымты) самыми крупными реками курортного региона и практически единственным надежным источником водоснабжения района к северу от Сочи. Кроме того, именно Фиштом начинается Большой Кавказ. И не просто так начинается — большой горой, а с ледниками.

Но самое главное и самое важное, из-за чего нужно заповедать этот горный массив, это уникальное сообщество редчайших на Земле растений. Ботаники говорят о Фишт-Оштенском массиве как о районе с ярко выраженным колхидским характером высокогорной растительности и специфическим известняковым эндемизмом. И это очень точно: ведь массив находится на стыке двух геоботанических подпровинций — Колхидской и Кубанской. Здесь зарегистрировано 540 видов редких растений, на этом весьма малом кусочке Северо-Западного Кавказа нашли приют более 120 видов растений, которые нигде более, кроме как на Кавказе, не встречаются. А есть и такие, что вообще растут только здесь. Таков, например, колокольчик Отрана — единственное на всей планете место, где он растет, это подножие Фишта.

У подножия Фишта и Оштена раскинулись высокогорные луга. Некогда они были столь же уникальными, сколь тучными. Но бессистемный выпас скота привел их в жалкое состояние — татарник, чемерица Лобеля, болиголов, конский щавель и другие ядовитые и сорные травы вытеснили альпийское разнотравье. И теперь, взбираясь в поисках съедобной травы на осыпи и ближние скалы, скот уничтожает уникальную флору массива. Редкая, эндемичная и реликтовая флора Фишта и Оштена находится под угрозой полного исчезновения, заявляют ботаники.

Большое беспокойство о судьбе Фишт-Оштенского массива проявляют и зоологи: некогда этот район Северо-

Западного Кавказа изобилует дикими копытными, особенно сернами, а теперь здесь этих животных практически не осталось. Безудержное браконьерство, вытравливание домашним скотом лугов, болезни, заносимые сюда тем же скотом, свели до минимума некогда почти тысячное стадо серн, а оленей здесь давно и в помине нет.

Вот что такое Фишт-Оштенский массив, вот почему он столь сильно притягивает к себе внимание представителей разнообразных наук, вот почему нужно — обязательно нужно! — заповедать его вновь и как можно скорее.

Поэтому и стремилась на Фишт наша комплексная экспедиция.

Однако одно дело — стремиться, даже всей душой, а другое ждать на вертодроме погоды. Мы ее в первый экспедиционный день так и не дождались. Оставив «на вахте» двух парней — рабочих из геологического отряда экспедиции Дениса Молчанова и Александра Бахтина да шотландскую овчарку Блэкси, все разъехались по домам. Небо над горами было серым и мокрым. Настроение у всех тоже было серым: ведь каждый участник экспедиции специально в отпуск пошел ради нее. А тут...

Но утро следующего дня выдалось неожиданно ясным. Кое-где, правда, блукали по небу синеватые клочки вчерашних облаков, но не они делали теперь погоду на вертодроме.

Какое это все-таки удовольствие — суматоха перед погрузкой снаряжения в вертолет, а уж о самой погрузке и говорить не надо: все с готовностью хватаются за самые тяжелые мешки и ящики, вдруг вспоминают о каких-то крайне неотложных распоряжениях, которые почему-то не были сделаны вовремя, и пытаются куда-то звонить, пишут записки...

Меня, как начальника экспедиции, беспокоит не эта предвылетная суматоха, а порядок и дисциплина во время работы. Ежедневный отчет о проделанных на маршруте исследованиях, четкое их планирование, контрольные сроки возвращения в лагерь не только с маршрута, но и с вылазок, скажем, за дровами.

За исключением Саши Дубеня и Льва Герасимовича Горчарука — они уже в горах и к экспедиции присоединятся чуть позже, все были на месте. Даже красно-

дарцы ко времени приехали — преподаватель Кубанского университета Светлана Анатольевна Литвинская, «знающая свое дело флористка», как представил ее дендролог Кавказского заповедника Михаил Васильевич Придня, и ее лаборантка Людмила Федоньян — студентка университета.

В первой группе отправляются начальница геологического отряда экспедиции Надежда Владимировна Диденко, группа топографов и гляциологов, которой предстоит обследовать Пшеха-Су (Чубу), — ее возглавляет Геннадий Фейхле, «дядька Генка», как зовут его все в Географическом обществе. Кстати, все члены группы Фейхле — и сам Геннадий, и топограф Валерий Смирнов, и рабочий Михаил Кулян — посланцы Сочинского отдела общества. И еще в первой группе Саша Бахтияр — учащийся профтехучилища, наверняка будущий геолог, мой сын Денис и майор милиции Эдуард Викторович Подгурский. В нашей экспедиции два милиционерских офицера — майор и лейтенант Анатолий Николаевич Косюшко. У них есть еще свои интересы, кроме охраны экспедиции.

С первой группой летит и Блэкси — она взобралась в вертолет, едва закончилась погрузка снаряжения.

Убран трап, закрылась дверца, раскручивается винт, и кажется, что вертолет нетерпеливо перебирает тонкими ножками, обутыми в огромные калоши. Мы, оставшиеся на вертодроме, видим сквозь стекла иллюминаторов улыбающиеся физиономии отлетающих, машем им шапками и слегка завидуем: они через полчаса будут на месте, а когда мы там будем...

В этот день вертолеты больше не летали — к обеду погода испортилась вновь. Все-таки эти сизоватые клочки туч, что прятались по-за вершинами гор, взяли свое. Пришлось снова отправиться по домам с тревожными думами: улетим ли завтра?

Рассвет следующего дня встретили на вертодроме — хорошо, что первые рейсовые автобусы в аэропорт раненько выходят. Вертолетчики появились после семи. И сели вместе с нами ждать разрешение на вылет. Улетает рейсовый вертолет на Красную Поляну — его пилотирует экипаж, который увез вчера нашу первую группу. Летчики рассказали нам, что все было благополучно.

И вдруг команда — живо на посадку!

Уместились буквально за три минуты. Сидим среди рюкзаков, ящиков и прочего груза. Вертолет вырывается на взлетную полосу, а нам все еще не верится. Наш главный гляциолог Борис Александрович Тарчевский наклоняется к моему уху, кричит: «Вот уж сколько летаю на вертолетах, а все равно испытываю какое-то волнение перед полетом... А ты?» — «И я... Боюсь, а вдруг не взлетим?» Борис смеется, кивает на иллюминатор — смотри! Смотрю: под брюхом вертолета, совсем близко — рукой ухватиться можно, — проплывают, текут назад вершины, поросшие лесом, скалы. А поглубже, между горами, вьется голубая лента Мзымты. Мы летим, все дальше углубляясь в горы, все ближе подбираясь к цели. Ага, вот и Амуко! А вот и Чура — Борис дает пояснения, он тут все знает. Наши все расплоснули носы на стеклах иллюминаторов — интересно же, как выглядят горы сверху. Но видимость ухудшается, облака быстро поднимаются снизу, выпирают из ущелий и размазываются по горизонту. Хоть бы лагерь наш был открыт!..

Какая-то очень знакомая гора показалась по курсу вертолета. Отвесные стены, заснеженная вершина... Ба, да ведь это Фишт! Ура! Правда, на вершине это не снег, а облака плотные... Промелькнул Черкесский перевал, Белореченский, и вот под нами на зеленой лужайке забелели палатки. Это наш лагерь. Вертолет заходит на посадку, видим наших парней и Блэкси, они бегут к месту посадки. Вертолет мягко касается земли, распахивается дверца, и в салон врывается морозный свежий ветер.

Разгружаемся еще быстрее, чем загружались. И вот вертолет, сдув с наших голов береты и спортивные шапочки и свалив две палатки, взмывает к вершине Фишта, делает прощальный круг и вскоре теряется на фоне сереющего неба. Рокочущее эхо бежит за ним, перескакивая с вершины на вершину, мечась по ущелью Белой, и вскоре тоже затихает где-то под Чугушом.

А в лагере уже кипит жизнь: парни ставят палатки, разбирают и рассортировывают ящики и мешки со снаряжением и продуктами, весело потрескивает сушняк в костре, у которого уже хлопочет Клариса Дмитриевна Молчанова, в дальнейшем именуемая «Матерью-кормилицей». Экспедиция началась.

Лагерь мы поставили под крутым боком Фишта, на

самом краю ущелья Колорадо, в котором уютно разместился Малый Фиштинский ледник. Мать-кормилица с ходу приспособилась — устроила на снегу склад-холодильник для масла, сала и чего-то там еще.

День прошел в хлопотах по устройству. А вечером, после ужина, собрались потолковать о распорядке экспедиционных дней. Ботаники — луговед Римма Николаевна Семагина из заповедника и Светлана Анатольевна Литвинская уже успели собрать какие-то редкие травы и пытаются развесить их пучками под костровым тентом. Гляциологам Борису Тарчевскому и его помощнику Виталию Юзваку предстоит подняться на Большой ледник Фишта, группе «дядьки Генки» — на Пшеха-Су. Тарчевский и Юзvak уже успели прогуляться в порядке тренировки по Малому леднику и подготовить снаряжение для подъема на завтра. Снаряжения много, в том числе и теодолит, — ребята идут на десять дней. Их должны были высадить на ледник с помощью вертолета, да не вышло. И теперь мы приходим к выводу, что без «шерпов» завтра Тарчевскому не обойтись.

Отбой назначен в 23 часа. Но еще долго после отбоя светились изнутри палатки, доносился приглушенный смех, порхали над тропинкою светлячки электрофонариков. Я не стал требовать в первый вечер жесткого исполнения распорядка — все придет само собой. Экспедиция только началась...

...Тропа осталась в стороне, мы траверсируем склон влево, к Красным скалам — отрогам Пшеха-Су, чтобы по крутому тальвегу подняться на Северное Фиштинское плато. Идти тяжело — Тарчевский уложил в мой «шерповский» рюкзак бензин для примусов, сами примусы, стойки для палатки, пленку и что-то еще, килограммов под тридцать. Однако иду — не жалуясь: сам, добровольно напросился в «шерпы». И притом у меня все же «щадящий» груз — вон у Бориса рюкзакище! А у Витальки Юзвака да у Виктора Щербакова и того побольше. Лишь у Надежды Диденко рюкзакишко для походного обеда. У Дениса же самая неудобная ноша — тренога, мерная рейка и лавинный зонд. Когда вышли из лагеря, светило и даже припекало (июль ведь!) солнце, а подошли к первой скальной стенке — посыпался какой-то колючий, холодный дождь. И никакого тебе здесь июля — голимая осень.

Стенку преодолели благополучно и укрылись от дож-

дя под скальным карнизом. Сварили на примусе легкий обед, передохнули — и взяли приступом вторую стеночку. Затем, оставив цепочку следов на зажатом меж скалами снежнике, вышли на край Северного плато. Время около 15 часов. Надо поторапливаться, чтобы успеть засветло скатиться вниз.

На плато потягивает резкий ветерок с морозцем, подгоняет нас. И мы торопимся. Однако на самый ледник выйти не успеваем: заканчивается лимит времени. Борис Тарчевский и Виталий Юзvak с нашей помощью разбивают временный бивак — здесь переночуют, а завтра пойдут искать лагерь гляциологов Юры Ефремова. И приступят к обследованию Большого ледника. Им предстоит сделать тахеометрическую съемку, данные которой позволят уточнить параметры ледника, и замерить глубину снежного покрова на леднике. Фиштинские ледники были замерены и описаны неоднократно. Но дело в том, что ледники эти — явление не ординарное, как и сам массив. Например, Малый ледник опускается крайне низко — до отметки 2150 метров, а ведь Фишт расположен не где-нибудь в континентальных глубинах, а в 45 километрах от побережья теплого Черного моря. Но как раз близость моря и благоприятные ветры и являются причиной сильного понижения снеговой линии, что способствует накоплению снеговых масс. Не зря ведь Фишт-Оштенский массив славится особым коварством погоды.

Изучению ледников и фирновых полей Фишта и Оштена много времени отдал профессор Г. Г. Григор, организовавший в 1929—1930 годах экспедиции по ледникам Кавказского заповедника. Его интересный, хотя и краткий, к сожалению, отчет об этих экспедициях был опубликован в первом томе Трудов заповедника. Проведенные тогда Г. Г. Григором исследования ледников Фишт-Оштенского горного массива, северного склона Псеашхо и Чугуша не утратили своего значения и поныне. Но тем не менее обновлять данные о ледниках Кавказского заповедника и вообще Северо-Западного Кавказа необходимо если не ежегодно, то хотя бы раз в пять лет. И ради решения этой задачи данные даже такой скромной экспедиции, как наша, тоже необходимы.

...В лагерь мы — «шерпы» вернулись вовремя. И убедились, что не только у нас был трудным трудовой день. Ушла на Пшеха-Су группа Фейхле, Римма Семаги-

на занималась лугами, Светлана Литвинская разыскивала редкие виды, Михаил Придня нашел остатки некогда богатой кустарниковой формы тиса... Слушая отчеты геоботаников, я вспомнил, что после войны, в 1945 году, в этих же местах ходила Эвелина Альпер. В одном из своих писем она вспоминает об этом: «К сожалению, не могу сказать, что удалось сделать все, что я планировала... но тем не менее собранный материал дал возможность более подробно описать флору и растительность района исследования и охарактеризовать его состояние». И до Альпер Фишт-Оштенский массив посещали и исследовали ботаники. Но никто до нее так подробно не описал высокогорную флору этого уникального уголка, в составе которой имеются элементы различного возраста и происхождения. Как на флористическую оригинальность Фишт-Оштенского массива Альпер указывает на большое количество эндемичных видов — здесь их четвертая часть от общего количества видов, причем преобладают эндемы колхидского корня. Немало также и эндемов кавказского корня — их происхождение связано с Главным Кавказским хребтом. Обилие эндемичных видов в районе Фишт-Оштенского массива натолкнуло Альпер на мысль, что здесь, очевидно, один из центров формообразования и сохранения видов с третичного времени, требующий особой охраны и детального изучения. И вот теперь наша экспедиция, чувствую, еще раз подтвердит верность и актуальность вывода, сделанного достаточно давно.

После докладов с маршрутов определились на завтра, кто, куда и с кем идет. Назначили дежурную группу — геологов Надежды Диденко. Поворчали парни, но делать нечего — дежурить в лагере непременно кому-то надо. И дрова заготавливать, и картошку чистить, и воду носить, да и лагерь охранять. Я составил график дежурства по лагерю — проголосовали, утвердили.

Подъем завтра в 6.30. Все разошлись по палаткам. Все, кроме ботаников — эти сидят у костра и перебирают свои травки, пока еще светло. Римма Семагина много сена «накосила» — когда успеет разобраться? У нее задача сложная: нужно определить состояние лугов и пастбищ под Фиштом и Оштенем, степень их деградации и ее причины. Причину, правда, искать долго не придется, она одна — чрезмерный выпас скота. Желательно высчитать возможную, точнее, предельную выпасную

нагрузку исходя из нынешнего состояния лугов. А для этого нужно знать видовой состав лугов и сравнить его с тем, что наблюдался десятки лет назад. Вот и носит луговед с собой складной металлический квадрат метр на метр: положит на траву и считает затем, сколько в этом квадратном метре каких растений. Хлопотное в общем-то дело. Тем более что в поле не всегда и не сразу определишь, что это за растение — нужно взять его в гербарий. А это значит, что растеньице нужно аккуратно заложить в гербарную папку, высушить, сохранить.... Но другого, более простого и столь же достоверного способа нет.

Вообще, изучение состояния высокогорных пастбищ — одна из самых больших задач биосферного заповедника. Только сравнивая эталонный заповедный луг с лугом, используемым как пастбище, можно выдать рекомендации по рациональному использованию последнего. К чести геоботаников Кавказского заповедника, они могут дать — и дают такие рекомендации. В конце 50-х, в 60-х и 70-х годах исследованиями высокогорных лугов и выпасов на сопредельных территориях активно занимались Михаил Данилович Алтухов, Лев Герасимович Горчарук, Ксения Юрьевна Голгофская, Римма Николаевна Семагина. М. Д. Алтухов дал общую характеристику высокогорных лугов, схему их классификации, методику определения их продуктивности. К. Ю. Голгофская исследовала комплексность растительности гор и классифицировала эти комплексы. Ее работа о детальном геоботаническом районировании заповедника дает основу для оценки состояния природного комплекса заповедника, для определения путей сохранения этого комплекса и проведения научных исследований. М. Д. Алтухов и Л. Г. Горчарук, заложив стационар «Аишхо», впервые в истории заповедника провели комплексные исследования, выявившие динамику флористического состава лугов, продуктивности травостоя, фенологического развития на фоне микроклимата, динамики питательных элементов и водного режима почвы. Они же провели большую серию широких опытов на сопредельных территориях, изучая возможности применения гербицидов против сорняков и удобрения пастбищ с помощью авиации.

В результате были разработаны рекомендации по дозам удобрений и гербицидов в конкретных условиях.

В начале 70-х годов Л. Г. Горчарук и Р. Н. Семагина составили геоботаническую, хозяйственную и почвенную характеристики пастбищ хребта Аишхо.

Не погрешу против истины, если скажу, что одним из наиболее продуктивных геоботаников заповедника в 60-х годах был М. Д. Алтухов. Причем не только продуктивным, но как исследователь — одержимым. Потому что считает свою науку одной из самых важных и нужных для человечества. В 1975 году М. Д. Алтухов был участником XII Международного ботанического конгресса и вынес оттуда еще более глубокое убеждение о важности ботаники в современном мире. Михаил Данилович очень хорошо запомнил и при случае на память цитирует своим студентам слова академика А. Л. Тахтаджяна: «Независимо от того, какое мы получаем признание, мы горды тем, что являемся ботаниками. Теперь уже не приходится доказывать, что само существование человечества и его будущее зависят от растительного мира, этой тонкой, хрупкой, легкоуязвимой зеленой пленки на поверхности нашей планеты. Хорошо известно, что растительный мир дает не только пищу, одежду, кров и лекарства, является не только источником кислорода и энергии, но представляет собой важный компонент естественной среды обитания человека, без которой невозможно его существование... Ботаника — одна из древнейших наук, которая в течение многих столетий верно служила человеку. Но никогда еще нужда в ботанических знаниях не была столь острой, как сейчас...»

Уйдя из заповедника на преподавательскую работу, Алтухов не перестал быть исследователем — в любой подходящий момент он и сам в горах, и студентов туда ведет. М. Д. Алтухов абсолютно убежден в том, что всякая научно-исследовательская работа в заповеднике должна иметь главной целью практическую пользу народному хозяйству. «Конечно, надо прежде всего изучить природный комплекс заповедника, — писал он мне в одном из писем. — А дальше что? Ведь заповедник как эталон и существует прежде всего для того, чтобы помочь наметить пути рационального использования природных ресурсов за пределами заповедного. Именно поэтому сотрудники заповедника не должны занимать негативную позицию по отношению к нуждам сельского и лесного хозяйства».

Именно этой позиции Алтухов всегда придерживался и придерживается сейчас, по-прежнему сотрудничая с почвоведом Л. Г. Горчаруком, с которым его связывает давняя и крепкая дружба. Эта дружба не раз вызволяла их из самых критических, почти безнадежных ситуаций...

Кстати, о ситуациях. Их у ботаников, оказывается, не меньше, чем у зоологов. Потому что и ботаников носит по заоблачным высотам. Причем не только летом или там весной, когда уже и снега нет, и тепло, но и зимой. Вот как-то раз Алтухову нужно было помочь зоологу В. Н. Александрову, обследовавшему зимовки оленей, определить, какими растениями питается олень в этот период. Дело было в районе Трю-Армовка. Шли на лыжах, от кордона 3-я Рота. Сначала все было нормально, но потом поднялся такой ветер, что пришлось сбросить лыжи и не идти, а ползти по снегу. С трудом добрались до балагана, где и продрожали всю ночь. К утру ветер стих, наши исследователи «обулись» в лыжи и пошли к местам зимовки оленей. Александров двигался сноровистее и обогнал Алтухова. Тот, решив не отставать, заторопился, при спуске с крутого склона не удержал лыжи на повороте и с ходу врезался в дерево. Удар был сильный — Михаила Даниловича отбросило в сугроб почти бездыханного. Александров, не видевший столкновения, ничего сначала не понял и принялся весело фотографировать застрявшего в сугробе Алтухова, не испытывавшего ни малейшего желания веселиться...

Конечно, основная работа у ботаников летом. И летом, естественно, ситуаций больше. Таких, например, как гроза в альпике. Алтухов однажды попал в такую грозу в 1958 году — до сих пор с содроганием рассказывает. А было это на горе Ятыргварта, той самой, где и нас с Алексеем Харитоновичем Пилипенко пурга, если помните, прихватила. С Алтуховым тогда были четыре студентки и лаборантка. Работали в облаках и не заметили, как подошла гроза. И ударила! И заблестала! Загрохотала! Алтухов со своими девчатами едва успел сбежать с вершины под скалы, сжались все там в комочки и дрожали. А молнии били рядом — в скалы, только осколки каменные свистели. Впечатление было такое, будто кто-то огромный пытался проткнуть их электродом, да все промахивался и давал вспышку за

вспышкой. Пахло серой, каленым железом, а воздух был так наэлектризован, что волосы стояли дыбом и по ним пробегали искры. Как тогда остались живы...

В общем, ботаники тоже великие труженики. И Михаил Данилович совершенно прав, говоря, что у ботаника в сутки 24 часа забот: нужно целый день отмеривать километры по высокогорным лугам, по криволезью или по лесным чащобам, ведя лошадь в поводу, потому что верхом ничего ботаник не увидит, да к тому же на вьюке гербарные папки. И мерит ботаник свои километры тем самым складным квадратным метром, беря укусы, делая описания, зарисовки, разбирая укусы по фракциям... А вечером нужно разбить бивак, заготовить дрова, разжечь костер, сварить ужин, сделать запись о дневных делах в дневнике и постараться угадать погоду на завтра. Если предполагается хорошая погода, значит, надо будет подняться часа в три, чтобы успеть добраться до места работы до восхода солнца и пораньше приступить к делу. «Погоду нужно чувствовать, — убежденно говорит Алтухов. — Если знаешь, что завтра будет хорошая погода, то тут не до сна. Я со Львом Герасимовичем частенько выходил на маршрут в темноте, чтобы с рассветом подняться на хребты. В погожие дни уходишь и возвращаешься в темноте...»

Да, погоду надо предчувствовать — в этом Михаил Данилович совершенно прав. А мы вот вышли в экспедицию, даже не представляя себе, что непогода, продержавшая нас в аэропорту, всерьез и надолго, что последний месяц лета превратится в последний месяц осени со всеми вытекающими из туч последствиями: холодные дожди нас замучили. К тому же давал знать о себе и ледник — его холодное дыхание особенно хорошо чувствовалось ночью. Спать приходилось в одежде — спальные не выручали. Появились первые простуженцы. Особое беспокойство вызывает состояние Надежды Диденко — температурит. Видимо, придется перебросить лагерь на Фишт-приют, к туристам, как только прибудут из Бабука лошади.

Спустилась с Пшеха-Су группа Геннадия Фейхле — выполнила задание. Кажется, открыли небольшой ледничок. Рассказывают — туго было, морозный ветер дожимал, снежные заряды, сменявшиеся холодным дождем. Переночевав в лагере, парни с ходу двинулись вниз: Геннадий торопился на Памир.

Группа Фейхле ушла, а у меня на душе беспокойно — как там Борис Тарчевский и Виталка Юзвак на Большом леднике?

А парни работали...

...«Шерпы» скрылись за дальними скалками. Тарчевский обернулся к Юзваку:

— Ну что, Виталик, будем обживать?.. С чего начнем?

— С обеда, конечно...

— Тогда качай примус. Надо успеть засветло... — Борис полез в рюкзак. — Чего там Мать-кормилица нам положила, а? Тушенка. А это что? О, грудинка! Ты как относишься к поджаренной грудинке?

— Положительно, — улыбнулся Виталий. И вскоре ветер понес над Фиштом соблазнительные запахи жаренного с луком сала и аромат крепкого краснодарского чая.

Победав, Тарчевский и Юзвак улеглись спать, решив подняться с рассветом и выйти на поиски лагеря ефремовцев.

Ветер, порывистый и морозный, всю ночь бил тяжелым злым кулаком по туго натянутому брезенту палатки...

Лагерь краснодарских гляциологов оказался совсем рядом. Их трое: Александр Васильев — начальник экспедиции, Андрей Халафян и Николай Погородний, ведут наблюдения за погодой на Фиште, определяя температуру и влажность воздуха, направление и скорость ветра, облачность, количество осадков, солнечное сияние, атмосферное давление и т. д., а кроме того, измеряют глубину снежного покрова, скорость перемещения льда. В общем, настоящая метеорологическая станция, зимующая в августе на Большом леднике Фишта.

Ефремовцы знали о нашей экспедиции и ждали встречи с нашими гляциологами с интересом. Интерес этот был тем более глубок, что Юрий Ефремов обладал Александра Васильева тем, что Тарчевский поделится с ним результатами своих измерений. Так что встреча на высоте была на высоте.

— Далеко от нас расположились? — спросил Васильев, когда все перезнакомились.

— Не очень, — ответил Тарчевский. — Но хотелось бы поближе...

— Андрей, Николай, помогите лагерь перебросить.

Вчетвером ребята быстро перетасили снаряжение, установили палатку, привязав растяжки к обломкам скал, обустроились. А тут и вертолет подоспел — привез дополнительное снаряжение и оборудование для ефремовцев и четвертого «зимовщика» — Павла Чубукова. Совсем весело стало. Быстренько перетасили груз и принялись готовить общий ужин. Он получился просто шикарным. Особенный восторг вызвал компот из изюма с леденцами. Разошлись «по домам» довольно поздно, с надеждой поглядывая на небо — хоть бы одна звездочка проглянула!

— Вроде мы поближе к звездам поднялись, а темно, как и внизу, — усмехнулся Виталий.

— Доживем до утра, — отозвался Борис, — утро, как известно, вечера мудренее... Может, ветер разгонит тучи к утру... На то похоже.

Борис оказался прав: ветер, всю ночь пытавшийся оторвать от камней палатку, попутно разогнал и тучи — утро выдалось ясное.

— Пошли, Виталик, пошли, — поторапливал Борис помощника. — Зонд взял?.. И колышки?.. Ну, тогда пошли...

Надо было оконтурить ледник — зима была много-снежной, и ледник слился со снежниками в единое громадное, сверкающее под солнцем белое поле, в котором обнаружить место ледника оказалось непросто. Борис и Виталик замеряли глубины снежного покрова и ставили на краю ледника номерные колышки с красными метками. Обходя ледник, они поднялись к подножию вершины Фишта.

— Борис Александрович, а не заглянуть ли нам за угол? — предложил Виталик.

— А почему бы и нет? — ответил Борис. И они пошли через снежное поле, поближе к вершинной башне, чтобы заглянуть за ее восточную грань. Вокруг только голый холодный камень и сверкающий снег. От вершинной башни отходят крутые скальные ребра, обрывающиеся стенками. Борис оценивающе приглядывается к ним.

— Как думаешь, Виталий, можно здесь выйти на южную сторону вершины?

— Трудновато будет, Борис Александрович... Пожалуй, даже невозможно.

Тарчевский обратил внимание на небольшой снежник под скалой — что-то необычное было в этом снежнике.

— Присмотрись-ка, Виталик, к этому снежнику...

Юзвак остановился. Снежник и впрямь выглядел необычно — нижний его край окаймляла четко выраженная дуга морены.

— Не тот ли это ледничок, о котором нам говорил Юрий Ильичев, а?

— Проверить бы...

— Ну, это сейчас невозможно. Вот будет малоснежная зима — прибежим, проверим...

Переговариваясь, спустились еще чуть ниже — и остановились, пораженные: они оказались на краю гигантского обрыва, круто спадающего к Малому леднику. Бездна, разверзшаяся под ногами, и пугала, и притягивала — хотелось свеситься над самым краешком. Но осторожность в горах — главное. А здесь нужна особая осторожность: скалы сильно разрушенные, могут обвалиться. К тому же и отсюда такая панорама развернулась — голова кругом идет. Борис Тарчевский и Виталий Юзвак стояли над бездной молча, потрясенные и онемевшие от восторга. Над головой — ярко-синее небо, окаймленное по горизонту голубовато-белыми кудряшками облаков; под ногами и вокруг — нестерпимая белизна снегов; а вдаль, насколько хватает глаз, — синие горы, вершины их икрустированы то полированным, то матовым серебром. Вот — рукой подать! — младший брат Фишта Оштен, далес, за лысоватым Армянским хребтом, поблескивает снегами синяя громада Чугуша, просматриваются сквозь дымчатую вуаль Агепста и еще многие другие вершины — не сразу и вспомнишь какие. Внизу, под Армянским хребтом, в буйно-зеленой долине верховьев Белой как на ладонке расположился Фишт-приют — над кострищами вьются дымки: видимо, подошли очередные группы плановых туристов.

— А вот и наш лагерь, смотрите, Борис Александрович!

Под самым обрывом, неподалеку от желтой плешины осыпи, на кончике языка Малого ледника, на залитой солнцем ярко-зеленой поляне белели палатки экспедиции, курился дымок костра. Людей в лагере не видно.

— Наверное, ушли на маршруты... Как они там?.. — вслух забеспокоился Борис, и у обоих «зимовщиков» наших вдруг заняло в груди. Бывает так: когда друзья-товарищи рядом, когда они вместе с тобой вертятся в одной круговерти, когда ты знаешь, что в любой момент

можешь увидеть любого из них, спросить, посоветоваться, попросить помощи, ты этих своих друзей-товарищей как-то и не замечаешь, не обособляешь, как не обособляешь и не замечаешь пальцев на своих руках, пока они здоровы и действуют исправно. Но стоит оторваться от ставших близкими тебе людей, обособиться — и сразу почувствуешь пустоту вокруг и в сердце, от которой становится не по себе.

В горах эта пустота особо чувствуется и сказывается. Только работой ее можно приглушить, заполнить.

— Пошли, Виталий. Торопиться нам надо — как бы туман не пал.

А в лагере в тот ясный жаркий день никого не было. Даже дежурная группа, заложив в костер дрова потолще, чтобы чай не остывал и огонь не погас, побежала по коротким маршрутам вокруг лагеря. «Дежурной группой» был Михаил Придня, а его очень интересовала куртина сосен, прилепившихся на краю обрыва. Все остальные пошли на Белореченский и Черкесский перевалы, на гору Хрустальную — и ботаники, и геологи, все вместе. Обрадовались ясному дню.

КТО БЫ ЗАПЕР «КОЛХИДСКИЕ ВОРОТА»...

...Тропка от нашего лагеря бежала сначала по снежнику, что начинался метрах в тридцати от костра, сразу же за зеленой, украшенной цветами лужайкой, затем поднималась на гребень морены и ныряла с него, проплутав меж известняковыми глыбами, в довольно глубокую котловину, из которой выбегала по крути и сливалась с паторенной туристами широкой тропой, ведущей на Белореченский перевал. С туристской тропы открывается широкий обзор густозалесенной долины Белой, левый борт которой вздымается Армянским хребтом, а правый — не очень высоким здесь Главным водораздельным с вершинами Хрустальной, Бзыщ, Пшихашка, Кут. Пройдя крутым криволесьем, тропа выкатывается на широкое открытое, но сильно пересеченное плато почти под самой стеной Фишта, персбегаает огромную старую осыпь, отбросив на ходу тонкую ниточку-тропку к зияющей в красноватой стене пещере Аслан-бека, скользит по снежнику, петляет между огромными валунами и выбегает наконец на знаменитый Белореченский

перевал. Здесь пасут скот жители Кичмая. Старший среди немногочисленных пастухов Батырбий Нибо приглашает нас в кош. Это длинный щелястый дощатый сарай, сооруженный пониже перевала, у подножия Хрустальной. В непогоду, когда Фишт гневается, в этом коше, видимо, так же холодно, как и на плато. Даже если в нем костер горит. Но сегодня тепло, и гостеприимный хозяин рассаживает нас под солнцем вокруг сколоченного из горбылей стола. Угощаемся кислым молоком, копченым адыгейским сыром и ведем беседу о делах пастушьих. Нибо жалуется — негде стало пасти скот, пропали пастбища. Потому что нет у них хорошего хозяина.

— Прежде как было? Пастбища были закреплены за селами, и каждое село в нужное время посылало сюда своих косарей, и те выкашивали сорную траву...

— А теперь?..

— А что теперь?.. Никому дела до пастбищ теперь нет. Раньше хоть заповедник смотрел — это когда еще Фишт в заповедник входил, а кто теперь будет смотреть?

Батырбий Нибо — лесник. И поэтому в разговоре то и дело переходит с пастбищ на леса, на зверье. Вспомнив о заповеднике, сердито сказал:

— Тот, кто оторгнул Фишт-Оштен от заповедника, грубую ошибку сделал. Ведь эти горы — любимое место серн. Э, сколько их было здесь — не сосчитать. А сейчас... Мы вот уже две недели здесь стоим — ни одной серны не видели.

— А другие звери есть?

— Свины есть... И волки. Много волков, нагло действуют, словно знают, что у пастухов оружия нет...

...На Черкесском перевале — целый поселок, с десяток довольно просторных и теплых хижин. Лают собаки, бегают детишки, сушится недавно выстиранная одежда. Из печных труб вьется дымок. Пахнет парным молоком, свежеспеченным хлебом и сухими травами.

На Черкесском перевале обосновались пастухи-армяне из сочинских совхозов «Черноморец» и Дагомьеского чайного. Скот у них частный, как и у адыгов на Белореченском перевале, примерно 200 голов, да лошади — довольно большой табун.

Нас встретили приветливо, пригласили к столу. На удивление, стол не был скудным: свежие овощи, навар-

стый борщ, хлеб душистый, видимо только что снятый с пода — зев печи еще пышет жаром. В общем, все как на большой, достаточно благоустроенной и хорошо снабжаемой «извне» колхозной ферме, расположенной на дальних выпасах. Да, собственно, когда-то этот поселок и был колхозной горной фермой. Сократ Левонич Петросян — хозяин приютившей нас хижины, весьма почтенного возраста человек, еще до войны заведовал фермой в колхозе, выгонявшем на лето скот вот на эти луга. Он, так же как и Нибо, ратует за восстановление порядка на выпасах, когда каждый колхоз имел здесь надел и ухаживал за ним.

— А скот мы пасли и колхозный, и свой, — рассказывает Сократ Левонич. — Порядок на выпасах контролировался райисполкомом, а то и из края комиссия наезжала. И если выпасы содержались плохо — ну, там, не выкашивались своевременно сорняки или тропы не поддерживались в порядке, колхоз — владельца надела штрафовали. Вот как было...

Постепенно хижина заполнилась мужиками — приходили, молча усаживались, слушали разговор, иногда подавали реплики. Подошел еще один — небольшого роста, коренастый, подвижный. Представился: «Андрей Кесьян, старший пастух...» (Это мы потом узнали, что Андрей преподает в детской музыкальной школе.) Он перевел разговор на современные темы, рассказав, что здесь не только пастухи, но и доярки в основном по найму работают, что скот гонят через Бабукаул — через заповедник, значит, а люди добираются вертолетом:

— Нанимаем вертолет... Конечно, дорого — за килограмм веса платим. Но через заповедник только скот с сопровождающими пастухами пропускают.

— А как платят пастухам и дояркам?

— От продукции... 200 рублей в среднем получается. Продукция — масло, сыр...

И тут выяснилась проблема: куда девать эту самую продукцию? Проблема несколько странная, но тем не менее она существует. Дело в том, что владельцы коров, находящихся на выпасах, хотят, чтобы заготовительные конторы закупали масло и сыр непосредственно на выпасах — тогда можно получать этой продукции больше. А так ведь негде хранить ее. Молока надаивают в сутки 700—800 литров, сепарируют, а обрат... выливают в ручей.

— Не поверите, но это так: как только начинают работать сепараторы, из лесу выходят два медведя, садятся на берегу ручья и ждут, когда по ручью потечет обрат, — рассказывал Кесьян. Пастухи невесело рассмеялись.

— А почему бы вам не коптить сыр, как делают адыги?

— Дров нет. Леса вокруг заповедные. Мы берем билет на порубку сухостоя и рубим только в присутствии лесника... А нам ведь не только сыр коптить, но и хлеб испечь надо, и вообще...

Договорившись с Андреем Кесьяном насчет лошадей под выюки экспедиции на обратный путь, мы двинулись в лагерь, отягощенные массой проблем. И главной из них была — состояние пастбищ. Состояние это удручало: высокогорные пастбища под Фиштом деградируют. В результате бессистемного, скажем прямо — хищнического использования травостой здесь угнетен, большую площадь лугов занимают сорные травы чемерица и бодяк. У лагерного костра после отчетов и планерки на завтра разгорелся спор о будущем вот таких высокогорных пастбищ. Римма Семагина была категоричной:

— Нельзя отдавать высокогорные пастбища на откуп владельцам частного скота! — Всегда спокойную и немногословную, ее было не узнать в этом споре: глаза сверкают, щеки порозовели, тяжелый узел золотистых волос распался, а она даже не заметила этого — горит человек. — Нужно, чтобы как раньше было, — закрепить пастбища за хозяйствами. И спрашивать с них за состояние пастбищ. Это во-первых. Во-вторых, нужно выкашивать сорняки — через три года постоянного подкашивания они выпадут из травостоя. А в-третьих, нужно элементарно грамотно эксплуатировать эти пастбища — не допускать выпаса, пока трава не поднимется на 20—25 сантиметров, соблюдать пастбищный оборот, то есть пока трава снова не поднимется, ну и перегружать пастбища скотом нельзя...

Римме никто не возражал в вопросах системы использования выпасов. Разногласия были лишь в том, что следует заповедать — только горы Фишт и Оштен с прилегающими к их подножиям осыпями или же и дуга тоже — и те, которые скот не тронул пока (нет близко водоема), и те, что используются под выпасы, пока совсем не деградировали. Сошлись на том, что действующие

пастбища должны войти в охранную зону заповедника, чтобы заповедник мог жестко контролировать их эксплуатацию.

Мы долго спорили. Уже и костер поблек, и звезды высыпали над Фиштом, а мы все обсуждали «проблемы». И было приятно слушать горячие голоса своих товарищей, с таким жаром, с такой заинтересованностью решавших задачу истинно государственной важности. И вспомнилась мне рубрика в «Литературной газете» «Если бы директором был я...».

Но, видимо, директорской власти здесь не хватит: никто один, единоначально проблему высокогорных пастбищ не решит. Даже районному Совету, в чьем ведении обычно находится госземфонд, порою не под силу решение этого вопроса. Помнится, в начале 70-х годов исполком Адлерского райсовета города Сочи пытался своим решением закрепить высокогорные пастбища хребта Аишхо за совхозом «Октябрьский», который выпасал там нагульный скот. Ну и ничего не вышло: нашлись силы, что не дали состояться мудрому решению. А между тем трехлетний производственный опыт показал высокую рентабельность организованного использования горных выпасов, числящихся практически бесхозными земельными фондами. За три года совхоз «Октябрьский» откормил на Аишхо 2100 голов молодняка крупного рогатого скота и получил 1200 центнеров привеса стоимостью 55 рублей центнер. Все три года хозяйство получало от нагульного стада до 45 тысяч рублей прибыли. И конечно же, будь выпасы закреплены за хозяйством навечно, они были бы в порядке, ибо совхоз заботился бы и о правильном использовании лугов, и о содержании скотогонных дорог и водопоев. Да ведь с такого хозяина и спросить можно по-государственному.

А что можно спросить с владельца приусадебного скота, для которого главное — получить право на выпас своего бычка (а то и нескольких) на лугах земфонда и который, получив это право, пасет скотину свою, несколько не заботясь о соблюдении правил загонной пастбы, не ломает себе голову проблемой, как извести сорняки на высокогорных пастбищах, как сохранить продуктивность этих пастбищ. Ведь он, этот «скотовладелец», пользуется государственными выпасами бесплатно, никто аренду с него не берет...

Вот об этом мы и спорили, сидя у костра, спорили,

выплескивая свои волнения и тревоги о судьбе бесценного общенародного добра, каким являются высокогорные луга. Мы сходились во мнениях, что, конечно, нужно выделять выпасы для приусадебного скота — сельские жители должны иметь возможность содержать скотину, не мечась в поисках корма, не ломая голову вопросом, куда и как сдавать продукцию домашнего, приусадебного животноводства. Но это вовсе не значит, что высокогорные пастбища должны использоваться «индивидуальными скотовладельцами» бесконтрольно, бессистемно и бесплатно. Помнится, еще комиссия Н. И. Подвойского ставила вопрос о взимании арендной платы за пользование государственными лугами со всех скотовладельцев — будь то государственное, кооперативное или приусадебное хозяйство. И мотивировалась необходимость арендной платы, в частности, и тем, что пастбища и скотогонные дороги, водопой надо восстанавливать и ремонтировать, да и ветеринарный надзор не дешево обходится в горных условиях — вот в эти дела и должны вкладываться средства, взимаемые за пользование выпасами.

Тогда мы пришли к единодушному мнению, что проблема организации использования горных выпасов не только не притупилась с годами, но приобрела еще большую остроту — луга-то деградируют... Видимо, работу по восстановлению и рациональному использованию горных пастбищ нужно начинать с их паспортизации, типировки по видам скота и определения конкретного хозяина — ни один гектар высокогорных лугов, на которых можно пасти скот, не должен быть бесхозным. Что же касается работы по определению продуктивности высокогорных пастбищ и методов восстановления ее, то это могут сделать луговеды и почвоведы Кавказского заповедника. Опыт у них есть.

...Злобно, с надрывом залаяла Блэксн. Все примолкли, прислушиваясь, вглядываясь в темноту ночи. «Это она на зверя...» — сказал Дубень (он пришел в обед пешком из Гузерипля и сразу же включился в экспедиционные заботы и дела). И всем стало как-то не по себе: что за зверь, чего он тут бродит?.. А зверь, видимо, был медведем — его следы мы видели на туртропе, еще когда провозжали Тарчевского и Юзвака на Большой ледник. Послушали собачий беспокойный лай, да и разошлись по палаткам. И вскоре лагерь затих. Закончился

еще один экспедиционный день. Каков будет следующий?..

А он выдался хотя и не таким солнечным и веселым, как вчера, но довольно теплым. Во всяком случае, сверху не капало, снизу не дуло. Можно было жить и работать.

Позевывая и поживаясь, пришли к кострищу дежурные, почиркали спичками, и вскоре по лагерю потянуло дымком. Пришла Мать-кормилица, захлопотала, зазвенела посудой. Надо полагать, такой звон будит всех активнее, чем звонок будильника: вскоре лагерь окончательно проснулся, умылся и вооружился ложками и мисками. Дружно покончив с овсянкой, заправленной тушенкой, получив сухой паск на маршрут, через полчаса группы ушли. Лагерь опустел, затих, и только простуженные остались блукать меж палаток. Меня особенно стало беспокоить состояние Надежды Диденко — высокая температура, сухой резкий кашель... Мать-кормилица, исполняющая и обязанности фельдшера, подозревает воспаление легких. Что-то надо срочно предпринимать. Самое разумное сейчас — перебраться из палаток в теплое помещение. Видимо, придется уходить на Фишт-приют. Ведь, кроме Надежды, болен и Эдуард Подгурский, наш майор, — тоже сильный кашель. И еще двое-трое пока отделяются легким, но достаточно неприятным насморком. Холодно в лагере, поставленном на краю ледника! Вот тебе и июль — август. Поразмыслив, принимаю решение: сбросить лагерь вниз, на приют. Пока не поздно... Мать-кормилица того же мнения. Ладно, на вечернем костре обсудим. Главное, чтоб лошади ко времени подошли. На себе ведь так просто лагерь не перетащить.

...Опять мы вдвоем с Сашей Дубенем пошли через Белореченский перевал вдоль южной стены Фишта. Интересуемся наличием серн и других бегущих и летающих обитателей фиштинских скал.

На Белореченском нашли старые окопы, пулеметные гнезда. Все здесь заросло травой, можжевельником, еще какими-то кустарниками. Походили, посмотрели... Вспомнилось прочитанное о боях на этом важнейшем рубеже обороны Кавказа, о стоявших здесь насмерть советских солдатах — наших отцах. Как же трудно было выстоять здесь, на этой совсем невысокой горной перемычке, в этих самых «колхидских воротах», ничем не запертых и продуваемых семью ветрами...

Прошли через «каменное море» — огромные осколки скал под стеной. Где-то здесь, в этих камнях, погибли участники неудачной киноэкспедиции в Парящую Птицу. Не верится, что такое могло случиться: ведь отсюда до балагана Нибо ну, может быть, самое большее с километр. Паника овладела группой. И это главная причина трагедии. Всегда и везде. А причина паники — неверие в свои силы, в надежность опоры на плечо товарища.

Прыгаем с камня на камень по осыпи. Дубень предупреждает: «Осторожно, здесь немало «казнаковок». Отмахиваюсь: «Холодно! Все твои «казнаковочки» по норам попрятались!» — но тем не менее стал присматриваться повнимательнее. Перебираясь на следующий камушек, не отрываю от него взгляда — и втыкаюсь головой в живот Дубеня. Он стоит, задрав голову к небу.

— Посмотри-ка, — говорит Александр, попридержав меня. — Как думаешь, это беркут или сип? — Смотрю. Высоко-высоко, меж зубцами, венчающими стену Фишта, скользит с крыла на крыло рыжеватая птица. Даже отсюда видно, как она огромна. Но определить, что это за птица, неспециалисту трудно. Да и специалисту без бинокля вряд ли в таком случае можно обойтись. Мы эту птицу рассматривали в бинокль, пока она не улетела, но так и не пришли к единому мнению о ее видовой принадлежности. Была она похожа и на сипа белоголового, и на беркута, и даже на бородача.

— Тильбу бы сюда, — пробормотал Дубень, пряча бинокль в футляр.

Петр Тильба — молодой орнитолог, научный сотрудник заповедника. Молодой, но знающий. И знающий потому, что любит ходить туда, где его подшефные водятся и гнездятся. Высокий, темноволосый, голубоглазый, неторопливый в разговоре, Петр Тильба с первого взгляда производит впечатление человека флегматичного и нерасторопного. Однако же это вовсе не так — в деле своем он и расторопен, и азартен. И главное, достаточно внимателен как исследователь природы. Мне как-то довелось прочесть его записи — они как раз говорят и об этой его наблюдательности, и недюжинных знаниях. Не удержусь, приведу здесь кое-что из его записей о кавказском тетереве:

«Начало июня. Дождливое утро. Иду по субальпийскому склону одного из горных хребтов Кавказского

заповедника. Луга еще во многих местах покрыты снегом. Вдруг из-под самых ног шумно взлетает тетерка. Мгновение — и она уже скрылась в зарослях березового криволесья. Останавливаюсь, оглядываюсь — где-то здесь должно быть ее гнездо. Да вот же оно! Небольшое углубление под дерниной овсяницы — типичного субальпийского злакового растения. В гнезде — шесть яиц размером чуть меньше куриных, белых в густую коричневую крапичку.

Делаю фотоснимки, записи и двигаюсь дальше. Березовый лес уже далеко внизу. Впереди балка с крутыми склонами. Пожалуй, здесь надо остановиться, посидеть, понаблюдать...

Слышу свист крыльев над головой — четыре тетерева, описав большую дугу, садятся на противоположном склоне балки. Сидят неподвижно, и их хорошо видно издали: черные точки на желтом фоне сухой травы. Беру бинокль — птицы словно рядом. Различаю ярко-красные бровки самцов, длинные крайние перья их хвостов загнуты книзу. Интересно, долго ли они будут сидеть вот так, в неподвижности? Вдруг один из тетеревов приподнялся, неожиданно взлетел совершенно вертикально на высоту около метра и опустился на прежнее место. Его примеру последовали остальные. Сомнений быть не могло — это тетеревиный ток. Я отчетливо слышал мягкие шелестящие звуки, издаваемые крыльями птиц при прыжках...»

Интересная птица кавказский тетерев. Интересная и редкая. В основном кавказский тетерев распространен в субальпийском поясе Большого и Малого Кавказа, встречается также в некоторых горных районах Ирана и Турции. К настоящему времени ареал кавказского тетерева значительно сократился, и тетерев занесен в Красную книгу СССР. Кстати, из обитающих в заповеднике птиц в Красную книгу занесены еще беркут и бородач — крупные хищники, питающиеся в основном падалью. Рядом с ними парит, так сказать, и сип белоголовый. Эти птицы сейчас обитают лишь на территории заповедника, так как их существование тесно связано с существованием крупных копытных, основное поголовье которых сосредоточено в заповеднике.

Надо сказать, что среди пернатых обитателей Кавказского заповедника, которых в общем насчитывается 225 видов (152 гнездящихся, 48 перелетных и 25 зимую-

щих), немало редких видов, биология их изучена крайне недостаточно. Так что Петру Тильбе работы хватит надолго.

Наше внимание отвлекли серны. Их было шесть штук, и они легко бегали по скалам чуть ниже орлов.

На дальнем увале показался всадник. Дубень вскинул бинокль.

— Абрек, ни дать ни взять!.. Каковы ухватки, а? А посадка — боже ж ты мой, какая посадка! Ты только погляди! — и протянул мне бинокль. Я глянул — и не смог удержаться от смеха: на горячем светло-рыжем скакуне к нам на рысях приближался кто-то из пастухов Андрея Кесьяна. Конь был явно не под всадника, который, взмахивая локтями, прыгал в седле ровно мячик. Мы остановились, подождали, пока джигит подрыл к нам и спешился.

— Здравствуйте! Меня Андрей послал...

— Что-нибудь случилось?..

— Нет, ничего не случилось... Андрей хочет знать, сколько вам лошадей нужно...

— Мы же говорили — девять, а он пообещал только шесть... Где сам Андрей?

— Вниз пошел. Еще лошадей пригонит, сказал — девять даст, сколько нужно даст.

Мы переглянулись. Что это — щедрость от души? Или какой-то расчет? Мы ведь платить за лошадей не обещали. Ладно, потом видно будет.

— А еще Андрей говорил, чтоб я рассказал, как барса видел.

— Ба-арса?! — Дубень аж присел. — Где? Когда?

— На Дзегурсанке. Совсем недавно — по снежнику ходил, лисицу ловил. И Андрей видел...

Саша снял очки, протер их, снова водрузил — сообщение заметно взволновало Дубеня. Еще бы! Ведь последние сведения о наблюдении кавказского леопарда датируются осенью 1956 года, когда зверь якобы бродил вокруг поселка Вардане и в верховьях Бзыча. Где-то там и убили последнего представителя гигантской снежной кошки. Когда-то этот красивый, умный и осторожный хищник в большом количестве обитал в густых лесах по горам — в ущельях рек Киши, Лабы, Белой и других. Обладающий великолепной шкурой, барс привлекал пристальное внимание участников великокипяжеских охот — добыть барса считалось верхом охот-

ничьей удачи, за барса великий князь премию давал большую — золотом. Так барса вытеснили сначала на альпийские луга, затем — в скалы, а затем он и вовсе исчез. Следы его вновь появились на территории Кавказского заповедника в 1936 году. Барс «наследил» на Закане, на горе Лохмач, по Кише ниже поляны Сенной, на хребте Псекохо. Наблюдали его следы и в последующие годы — на Лагонаки, на Ассаре и даже на Амуко, встречался зверь этот в верховьях Белой, на Фиште и Оштене...

Потом он снова исчез, и надолго. И вот на тебе, появился. Да полноте, барс ли это? Не спутали ли парни барса с рысью?

— Не помнишь время, когда наблюдал барса? — спросил Дубень.

— Как же не помню... Часов пять вечера было...

— Погода ясная была? Хорошо ли видно было?

— Туман шел по снежнику...

— Так... Ну и какой он из себя, этот барс? Ну, морда у него какая, уши, хвост? Следы видел?

— Морда?... Круглая морда... И уши... круглые. Хвост... длинный, наверное... Плохо видно было...

— А баки, баки на морде у него были? — не удержался я.

— Да, баки были...

— Ну, ясно, — Сашины очки блеснули усмешкой. — Ну, спасибо за информацию. Только не барса вы видели, а крупную рысь. У барса нет баков...

— Вот видишь, как хочется людям увидеть то, что они сами когда-то истребили, — рассуждал на ходу Дубень, когда мы, поблагодарив посланца Андрея Кесьяна и пообещав прислать гонца за день до того, когда нам потребуются лошади, направились обратно в лагерь. — Нет в заповеднике леопарда, нет его и в окрестностях. Редкий, очень редкий зверь стал. А жаль, красивая кошка... Кстати, и рыси у нас мало. Считаем, что ее в заповеднике не более тридцати голов. По крайней мере, эту цифру вот уже несколько лет называет Кудактин. А так ли это? Очень уж редко встречается рысь — я раза два видел, не более...

Я позавидовал Дубеню: сколько уж лет брожу по заповедным горам, ни разу даже следа рысего не видел. А ведь когда-то был весьма многочисленным зверь, даже поговаривали о двух формах рыси на Кавказе —

о более пятнистой, или оленьей, и обыкновенной. В отличие от леопарда (или снежного барса, если хотите), который активен ночью да на заре, рысь скорее дневной хищник. Жертву свою она подкарауливает, сидя на дереве или распластавшись на ветке. Берет косуль, серн, зайцев, довольно ловко ловит птиц. Бывалые люди говорят, что рысь довольно злая кошка. Старейший работник заповедника Петр Алексеевич Савельев рассказал о двух известных ему случаях нападения рыси на человека. Один случай был скорее комичным, чем трагичным, а другой мог бы закончиться плохо, растеряйся лесник.

Дело было так. Один из наблюдателей заповедника, некто Гладышев, возвращаясь из обхода, решил пойти напрямик, лесом. В одном месте ему пришлось преодолеть большой завал — поленился идти вокруг, решил пролезть под стволами сбитых в завал деревьев. Но только сунулся он под ствол, как кто-то цапнул его прямо за голову. Можно представить, что было дальше... Ведь то была рысь, чей покой человек потревожил. Зверь сорвал с Гладышева только шапку, прихватив слегка и скальп, и убежал... Гладышев стрелял вслед рыси, но разве попадешь, когда все тело в дрожи...

А вот на знакомого уже читателю А. В. Никифорова рысь бросилась, так сказать, по собственной инициативе. Случилось это в 1945 году во время учета туров, на Лугани. Никифоров стоял под скалой и считал туров, глядя на них в бинокль. Делая записи в блокноте, он обратил внимание на камушки, что посыпались на него сверху, со скалы. Поднял голову — сверху прямо на него летела огромная оскаленная звериная морда, вытянув вперед лапы с растопыренными когтями. Совершенно бессознательно Никифоров отпрянул в сторону и сорвал с плеча карабин. В ту же секунду зверь приземлился на пяточок, где только что стоял человек. Мгновение — и зверь снова взвился в прыжке. Так же повинувшись только инстинкту самосохранения, Никифоров нажал на спусковой крючок. Грянул выстрел, и зверь рухнул на камни, царапая их в предсмертной агонии.

Это был огромный самец. Почему он дерзнул напасть на человека, кто его знает. Может, он охотился на туров и решил, что человек ему помеха?

...Я опять натолкнулся на Дубеня. У него какая-то труднообъяснимая способность внезапно останавливаться, не включая стоп-сигналы.

— Слушай, что это я на тебя все время натыкаюсь?..
— А ты посмотри вокруг — какая могучая и нежная красота!..

Я отрешился от воспоминаний и глянул вокруг.

День уходил. Серое с утра небо прояснилось и окрасилось низко скатившимся солнцем в розовое с позолотой, в аквамаринную сень, переходящую в перламутровую серебристость; крутая, могучая стена Фишта вдруг выросла и достала остриями своих скал до этой крутой сини, сияясь, видимо, проткнуть упругий шатер неба, и от этих усилий, непомерных даже для таких несокрушимо мощных скал, раскалилась докрасна. Горячая красная волна пробегала почти километровую высоту стены за мгновение, то тускнея, то разгораясь вновь, особенно острия скал накалялись и сияли, как свечи. А у подножия стены сгущались и сгущались синие тени, и трава из зеленой превратилась в черную, и живой голубоватый блеск небольшого озера, расплескавшегося в котловинке, холодел и холодел, словно не вода стояла там, а дрожала большая, тяжеленная капля ртути. Както все стихло вокруг, звон коровьих колокольцев рассыпался по всем увалам, налетел шалый ветер — принес густые запахи дыма, свежего коровьяка... и зеленой арбузной корки. Последняя информация наверняка была с Большого Фиштинского ледника, и говорила она о том, что там выпал свежий снег. Не зря ведь Фишт весь день простоял в серой папахе, надвинутой на самые глаза...

Налюбовавшись могучей и нежной красотой, как определил Дубень, мы заторопились в лагерь — поджимал контрольный срок. Мы не знали, что на стене, вон в той зеленоющей расседлинке, в эту минуту стояли и так же восторгались миром наши друзья-товарищи Борис Тарчевский и Виталик Юзвак. Целый день просидели они в палатке из-за тумана, дождя и снега и только к вечеру, когда разыгравшийся ветер смял, разорвал в клочья и куда-то сдул сырую серую плену, смогли выйти на обследование западной части ледника. Подталкиваемые ветром, гляциологи преодолели крутой снежный склон и поднялись в седловину между двумя скальными башнями. Поднялись — и остались стоять недвижимы, пораженные распахнувшимся перед ними Кавказом. Насколько видел глаз, уходили вдаль синие изломанные линии горных хребтов. Кое-где на остриях изломов и между ними лежали клочья белых облаков. Над всем этим висел

багровый диск заходящего солнца, и яростное его пламенение окрашивало в пурпурные, розовые, алые тона и дальние дали, и близкое небо, и причудливых форм скалы, между которыми стояли парни, и круто падающую гигантскую стену Фишта, под которой на широкой просторной луговине еще паслись стада, отблескивало зеркало озера и коробился крышами пасущий поселок. Так бы и простоял тут всю жизнь, если бы быстро надвигающаяся с востока темнота не смазала это волшебное, сказочное видение.

Вместе с темной усилился и ветер, холодный, резкий, он продувал «пуховки» насквозь: это дыхание ледника. Тарчевский и Юзвак бегом скатились с седловины и заторопились к палатке. Звучно хрустел под ногами уже подмерзший снег. Ветер хлестал по лицам жесткими, холодными ладонями. Прикрываясь от него рукавами, парни добежали до призывно светившейся палатки краснодарских гляциологов и нырнули в нее. Их встретили горячей гречневой кашей и крепким чаем. И потекла неторопливая мужская беседа. А за полотном палатки, на широком заснеженном плато ледника, бесновался ветер, словно злился, что упустил тех двоих...

А в это время внизу, под Фиштом, на зеленой поляне, на самом краю Малого ледника, весело и уютно потрескивал костер экспедиции, и мы сидели вокруг него кто на чем и разбирали ЧП.

А ЧП было такое: у Дениса «завернулись уши». Наши геологи во главе с Виктором Щербаковым ходили на гору Хрустальную — там, в расщелинах скал, природа припрятала друзы и отдельные кристаллы горного хрусталя. Много любителей этого уникального дара природы уже побывало на этой горе. Тут и там выдолблены небольшие пещерки, шурфы. Ребята тоже прошлись по ним, уже кое-что добыли, можно было и спускаться, но Денису захотелось покопаться еще, а вдруг и ему повезет, как и Саше, на друзу. И он втиснулся вот в такую небольшую пещерку. Рукой и головой. А вот «вытиснуться» обратно оказалось не так-то просто: застряла голова. Что называется, ни взад ни вперед. «И когда я это понял, — рассказывал нам «приключенец», — то даже пятки вспотели. Хотел закричать, да не могу — уперся носом в камень. И показалось мне, что я так и останусь тут навеки...»

Щербаков увидел, что парень как-то странно ногами

дрыгает, сообразил, что к чему. Подошел и спокойно так спросил: «Застрял, говоришь? Ну, ничего страшного. Голову чуть-чуть вправо поверни... Вот так. А теперь выбирайся...» Выбрался Денис — лицо бледное, а уши красные. «Никак уши завернулись?» — удивился Щербаков. И рассмеялся. И Денис рот в улыбку растянул.

Посмеялись и мы, выслушав рассказ Виктора Щербакова про ЧП на Хрустальной. Однако мне пришлось строго-настрого запретить вот такие «горные разработки». Дурное это дело — соваться куда попало. Там ведь и гадюку нащупать можно, и скорпиона. Да мало ли что?

Блэкси вдруг насторожила уши, заворчала, через мгновение сорвалась с места и со злобным лаем бросилась к палаткам и дальше за палатки. Мы все вскочили, стали прислушиваться. Слышим, собака злостью исходит, но, видимо, далеко от палаток не убегает. «Медведь, — заторопился к палаткам Дубень. — Ей-ей, медведь!» Мы бросились за Дубенем, пробежали через весь лагерь, вскочили за палатки, где, беснуясь, прыгала на месте Блэкси, — и остановились, готовые прыгать вместе с нею: по тропе, лежащей на гриве морены, не спеша шествовала медведица с двумя довольно крупными медвежатами. «Ух ты!» — только и смогли мы вымолвить. А медведи спокойно миновали наш лагерь и спустились куда-то вниз.

По палаткам мы разошлись возбужденные донельзя. Разговоры, естественно, теперь вертелись вокруг медведей и связанных с ними событий. Нашлись среди нас некоторые бывалые люди, кои с медведями чуть ли не за лапу здоровались. Вспомнил и я, как однажды под лагерь Холодным охотился с фотоаппаратом за крупным медведем. Он, право же, ростом с хорошую корову, и шкура его отсвечивала в лучах солнца золотистым. Пока ветер шел на меня, мишания ничего не чуял и спокойно сидел на берегу ручья, на камушке, как сидит человек, уставший с дороги, только что утоливший жажду и раздумывающий, то ли ему дальше идти, то ли отдохнуть у водички... Но вдруг ветер развернулся, да я еще и курок фотоаппарата спустил резко, щелчком, и топтыгин услышал меня. Если медведи плоховато видят, то слышат они отменно. И бегают они довольно быстро как в гору, так и под гору, хотя с виду так неловки, «косолапы». Мой медведь рванул в гору так, что только камни из-под лап веером брызнули.

Специалисты говорят, что в заповеднике обитают две формы (или, если хотите, два подвида) медведей — типичный бурый и кавказский. Последний более мелок и, кроме того, отличается от первого некоторыми особенностями строения черепной коробки. Первый любит лес, второй — субальпику, гуляет и по альпийским лугам, и в скалах. Если холодная зима и много снега, то медведи ложатся в спячку, забираясь в пещеры или в дупла больших, чаще всего сломанных деревьев, прячась под густыми ветвями пихт. А если зима теплая и малоснежная, то в берлогу забираются только самки, в которой и рожают одного-двух медвежат. Выходят из берлог кавказские медведи уже в марте и сразу же принимаются за добычу пропитания — раскапывают снежные лавины, находя под снегом погибших серн или туров, гоняются за молодняком копытных, могут задрать жеребенка, телка, барана. Человека побаиваются, но лучше человеку медведя не дразнить. Особенно медведицу с малышами. Ветераны заповедника еще помнят случай, когда медведица сграбастала лесника, случайно наступившего на нее, перебираясь через толстенный ствол поваленной пихты. Почувствовав под ногой нечто мягко-податливое, лесник попытался было встать на это нечто обеими ногами, как вдруг перед ним вырос зверь и, рывкнув, схватил его зубами за руку, которой он опирался на ствол дерева. Еще мгновение — и медведица жестко облапила нарушителя ее спокойствия. Может, она и убежала бы, да рядом вертелся, повизгивая, медвежонок. Подбежавший на крик напарник попавшего в беду лесника никак не мог приловчиться к выстрелу: человек и зверь барахтались в обнимку. Все же он изловчился и выстрелил. Медведица, оставив первую жертву, бросилась на стрелявшего. Но первый лесник, хоть и крепко помятый был, не растерялся, подхватил свой карабин и выстрелил. Только тогда медведица убежала, подгоняя своего отпрыска. Вот как бывает, если ходить по лесу, не глядя под ноги...

Сейчас из хищников, обитающих в заповеднике, медведь — самый крупный. Он хозяйничает в лесу. Но было время, когда его крепко теснил леопард. У П. А. Савельева есть воспоминания о том, как могучая кошка в одночасье расправилась с двумя медведями. Было это на горе Джемарук, а наблюдал схватку леопарда с медведями старший лесник Г. И. Бессонный.

Рассказывал Петр Алексеевич Савельев о неспровоцированном нападении медведя на лесника М. С. Пономаренко. Правда, давно это было, еще в конце 40-х годов, но вряд ли в последние годы коварный нрав медведя изменился. Дело было так. Пономаренко шел по лесу, как вдруг из зарослей папоротника выскочил медведь и бросился на него. Лесник успел снять с плеча карабин и выстрелить. Но не сразил зверя, и тот смял человека, нанеся ему удар по голове, содрав со лба кожу. Пономаренко попытался было сунуть руку в пасть медведю, ухватить его за язык, да сделал это очень неудачно — зверь сжал кисть руки зубами. Только на отчаянии смог лесник вывернуться и выхватить висевший слева нож. Это спасло ему жизнь. Дважды ударил Пономаренко медведя ножом в шею и убил его. С трудом, теряя на ходу сознание, добрался лесник до кордона. Долго зализывал он раны, нанесенные зверем, но кисть руки так и осталась неподвижной.

Так что лучше медведей не задирать, хотя они, говорят, слегка трусоваты.

...Нам повезло: ливший двое суток дождь, переходящий временами в снег, как говорят синоптики, на полдня прекратился, и мы сумели перебросить лагерь из-под Малого ледника в большой туристский приют. Нам отвели просторную комнату с бесконечными, как архимедов винт, нарами, и мы разместились. Наши простуженные повеселели и даже меньше стали кашлять. Полегчало и Матери-кормилице: все-таки приютское кострище — сооружение капитальное, на крепких столбах держится двускатная крыша и костер залить сможет только сильный с ветром дождь. Но мы хитрее стихии — отгородились от ветра тентом, натянув его между столбами.

Как было сказано, погода погодой, а работа работой — на маршруты ходим. И не зря. Литвинская нашла на осыпях Оштена редчайшее растение — шаровицу волосоцветковую. Популяция этого эндемика была зарегистрирована на высоте 1900 метров над уровнем моря. Светлана Анатольевна была просто в восторге от находки. Она вообще, видимо, натура восторженная и любит свою ботанику. Во всяком случае, в экспедиции кандидат биологических наук Светлана Литвинская отправлялась на маршрут даже в слякотную погоду, исходила вдоль и поперек более сорока осыпей, каждая из которых являла своеобразный экотоп. Она нас приводила в изум-

ление рассказами о флористической насыщенности обыкновенных глыб, скатившихся некогда к подножию горы. На одной такой глыбе размером 2,7 и 3,5 метра Литвинская насчитала двадцать девять видов растений! И четвертая часть из них — эндемики. Ну как же тут не ставить вопрос о необходимости заповедания Фишт-Оштенского массива?! Мы об этой проблеме не забывали ни на день, ни на час, мы помнили о ней, уходя на маршрут, и говорили, споря и соглашаясь, вернувшись в приют, греясь у костра. Только однажды эта тема была снята с повестки другой, тоже крайне важной и неболезней. И до сих пор не решенной до конца не только в Кавказском заповеднике, но и в других наверняка. Эта тема — браконьерство на территории заповедника.

Сразу оговорюсь: браконьерство на территории заповедника выражается и по сей день не только воровской охотой на «мясного» и пушного зверя, но и порубкой леса, и незаконным выпасом скота. Нам из приюта хорошо было видно, как на заповедном Армянском хребте паслись обширные стада крупного рогатого скота и табуны лошадей. Я дважды посылал на эти выпасы нашего милицейского лейтенанта Анатолия Косюшко, чтобы он «шуганул» пастухов-браконьеров, но послать туда лесников, прибывших на Фишт-приют из Гузерипля, из Северного лесничества, с обходом не смог: экспедиции они не подчинялись. Так и продолжался выпас скота на заповедных лугах «у всех прохожих на виду». Потом уже, спустившись на побережье, мы узнали, что при лесоустройстве, проведенном заповедником, лесостроители «потрафили» Тульскому району Адыгеи и самовольно изменили границу заповедника в районе Армянского хребта, выведя субальпийские луга этого хребта за территорию заповедника.

Все-таки удивительно, как ловко и безбоязненно нарушаются порою наши природоохранные законы и как трудно бывает пресечь эти нарушения, да так, чтобы никому не было повадно вновь покуситься на общенародное богатство.

Нет и не может быть «природы для природы» — самая строжайшая заповедность всегда обращена к обществу, к людям, ибо предназначена для высоких общественных целей. Эти цели — сохранить образцы первозданной, не тронутой человеком природы, иметь природный эталон, по которому человечество следит за изменениями

всего живого на планете. Ничто не реагирует так чутко и так точно на перемену естественных условий, как живые организмы. Никакой сверхчувствительный, самый новейший электронный прибор ни сегодня, ни в далеком будущем не сможет дать столь исчерпывающую информацию о состоянии всех факторов — движущих сил природной среды одновременно, в сумме на данный момент и — что особенно важно — в перспективе, какую дает совокупность живых организмов — биоценоз. Но абсолютно точно работать этот индикатор состояния окружающей среды может только в естественных условиях. Такие условия имеются сейчас лишь в заповедниках.

Вот почему закон предусматривает полное изъятие заповедных территорий из всякого не только хозяйственного использования (лесоповал, охота, распашка, добыча руды и других полезных ископаемых и т. д.), но даже познавательного (туризм, экскурсии, простое посещение). Всякая деятельность человека, нарушающая в той или иной мере естественное состояние экологических систем заповедника или угрожающая существованию природных объектов, категорически запрещается не только на территории самого заповедника, но даже в охранной зоне, что вокруг него.

Заповедник можно уподобить складу, в котором сохраняется генетический фонд природы, его можно и нужно считать запасником, из которого со временем придется брать те или иные виды диких растений и животных, чтобы «подбодрить» культурные, одомашненные виды. Мы еще не знаем, какие это будут растения или животные, потому что только начали к ним присматриваться. Может, мы решим использовать зубров для улучшения пород домашнего скота, может, туров. А может, нам потребуется дикая рожь?..

Так для кого же созданы эти природные склады-запасники, именуемые заповедниками, как не для людей!

Но в таком случае вора, забравшегося в заповедник с целью поживиться общечеловеческими богатствами, нужно рассматривать не как простого браконьера, а как опасного преступника.

...Пришел последний участник экспедиции Лев Герасимович Горчарук, почвовед. Пришел не один — с ним аспирант сельхозинститута Виктор Ерошенко. Они на лошадях, неплохо экипированы, по внешнему виду не скажешь, что за плечами у них не один десяток кило-

метров по тропам каменистых плато и высокогорных лугов. И не просто так километров, а со взятием почвенных проб, с наблюдениями. А ведь если спутнику Горчарука не было еще и тридцати, то Льву Герасимовичу далеко за пятьдесят. Просто сказывается закалка, приобретенная в многолетних скитаниях по горам. Горчарук из тех ученых-естествоиспытателей, которым не сидится в кабинетах ни летом, ни зимой, ни в праздники, ни в будни. «Виа эт вито!» — их девиз.

Он немного припадет на левую ногу — результат одного из его приключений в горах заповедника. А приключений этих у Горчарука за долгие годы исследований было — не счесть. Он их делил вместе со своим другом и напарником по исследовательским скитаниям М. Д. Алтуховым, ибо их научные интересы и наблюдения всегда переплетались, исходя из одной точки. Собственно, систематическое изучение почв в заповеднике и началось то в связи с расширением геоботанических, луговедческих и других исследований. До этого почвы в заповеднике изучались эпизодически и на ограниченной территории.

Л. Г. Горчарук приложил немало усилий к созданию при Кавказском заповеднике лаборатории почвоведения, справедливо полагая, что лишь с организацией стационарных исследований можно говорить о серьезном, по-настоящему научном подходе к решению задачи, о привлечении к ее решению больших ученых. И действительно, с 1960 года, когда лаборатория почвоведения открыла свои двери, через эти двери прошли многие знаменитости. Лаборатория Горчарука связана крепкими нитями не менее чем с десятком научно-исследовательских институтов, университетов, ее материалы представлялись на многочисленных симпозиумах, конференциях, семинарах как в нашей стране, так и на международных уровнях. Лев Герасимович всегда гордился тем, что его лаборатория стала кузницей почвоведов — здесь проходят преддипломную практику студенты-выпускники многих вузов, готовятся к защите диссертаций аспиранты.

Вот и в экспедицию Горчарук прибыл с аспирантом.

— Ну, здрасте! Как вы тут?..

— С прибытием! Мокнем...

— Небось думали, что не появлюсь? — спрашивал Лев Герасимович, спешиваясь и снимая переметные сумы.

— Да уж... Действительно думали...

— А мы, собственно, программу свою почти выпол-

нили — обследовали Лагонаки. Осталось прогуляться вдоль южной и юго-западной стен Фишта. Вот завтра и пойдем. Кони отдохнут...

Надо сказать еще, что лаборатория почвоведения приступила к биосферным исследованиям задолго до представления заповеднику статуса биосферного заповедника. Горчарук с 1967 года ведет наблюдения за состоянием заповедных почв и почв, используемых человеком, сравнивает их. При этом целью исследований являются не только научные выводы, но и решение практических проблем. Почвенная карта заповедника вошла составной частью в почвенную карту Краснодарского края как эталон, а разработанная в горчаруковской лаборатории систематика почв используется при картировании горных и предгорных районов. Рекомендациями, разработанными в этой лаборатории, пользуются и сельские и лесные хозяйства. Поэтому из любого выхода в поле Л. Г. Горчарук старается извлечь практический результат, так сказать, получить сиюминутную отдачу.

Он и в экспедиции хотел получить именно такой результат: нам нужны были данные о состоянии луговых и пастбищных почв. Горчарук хотел по этим данным разработать практические рекомендации для восстановления пастбищ.

Но Льву Герасимовичу не повезло: на подступах к перевалу его конь оступился и упал, придавив седоку травмированную ногу. Хорошо, что Горчарук был не один. Его ассистент Виктор Ерошенко, с трудом подняв коня и высвободив из-под него Горчарука, буквально на себе притащил его в лагерь. Пришлось Матери-кормилице вновь перевоплощаться в фельдшера...

— Вот, понимаешь, не ко времени болячку нажил, а? — жаловался мне Лев Герасимович, принаравливая к топчану укутанную в бинты ушибленную ногу. — Обузой теперь буду.

— Не будешь, — утешил я его. — Мы все лежим на нарах, так что и ты лежи...

— Да, погодка, прямо скажем, не экспедиционная... Видно, надо сворачивать экспедицию и спускаться на побережье. А что делать, раз все время дождь заливает? Подумай, начальник...

Горчарук был прав. Надо сворачиваться, толку в пустом сидении на приюте никакого. Однако, посоветовавшись, мы все решили малость повременить. Тем более

что откуда-то пришел слух, что погода вот-вот установится. И к тому же надо Тарчевского ждать — у него еще не вышел контрольный срок. В общем, подождем. Хотя бы и под дождем — пойдем на маршруты! У нас же теперь кони есть. Пару Андрей Давлаштян — лесник с Бабук-кордона пригнал, с их помощью, собственно, мы и лагерь свой на Фишт-приют перебазировали, да пару у лесников из Гузерипля возьмем при надобности.

Так и определились, едва прояснилось небо. Ботаники с рабочими геологического отряда пошли на Оштен — по осыпям бродить, а Михаил Придня, Александр Дубень и Виктор Щербаков направились через Оштенский перевал на озеро Псенодах и к верховьям реки Цице: когда-то эти места были заповедными, как и весь Фишт-Оштенский горный массив. Особенный интерес представляют верховья Цице (кстати, и Кужи, и Серебрячки) — здесь, к северу от Фишта и Оштена, в характерных для этого района широколиственных, преимущественно дубовых и буковых, лесах встречается тис, отдельные экземпляры которого поднимаются до 2 тысяч метров над уровнем моря, приобретая корявую кустарниковую форму. Верхнюю границу здешнего леса образуют сосновые рощи, сосново-пихтовые популяции, реже — березовое и буковое криволесье, можжевельник. А на склонах Фишта встречается хмелеграб, самшит и клекачка. Вот какое удивительное растительное сообщество было заповедано еще в первые годы организации заповедника. А теперь здесь — вольный выпас скота, браконьерство, туристский пресс.

Непреходящую научную ценность имеет и ледниково-карстовое озеро Псенодах¹, полумесяцем расплескавшееся на дне обширного ледникового цирка в верховьях реки Цице, на высоте 1938 метров над уровнем моря. Это самое крупное из двенадцати постоянных и периодически возникающих и исчезающих карстовых и ледниково-карстовых озер массива Фишт-Оштен. Его длина 165 метров, наибольшая ширина 72 метра, площадь его зеркала 9 тысяч квадратных метров, а объем 3450 кубометров. Псенодах озеро мелководное — от 20 до 80 сантиметров, и лишь на юго-западном краю оно достигает глубины 3,5 метра. Здесь сквозь толщу прозрачной воды хорошо

¹ Параметры озера Псенодах взяты из брошюры А. И. Печерина и С. П. Лозового «Памятники природы Краснодарского края». Краснодар, Ки. изд-во, 1980.

просматривается воронка, довольно широкая — ее диаметр равен 15 метрам. Видимо, через эту воронку озеро и разгружается. Поверхностного стока Псенодах не имеет, но принимает в себя воду четырех ручьев и нескольких источников, бьющих у самого уреза воды.

Планируя экспедицию на Фишт-Оштенский массив, мы предполагали вначале последний лагерь разбить на берегу Псенодаха. Да не довелось.

Но и не посетить озеро и верховья Цице было просто нельзя. Поэтому все мы возлагали большие надежды на группу Михаила Придни (он шел за старшего).

На маршруты вышли, как всегда, позавтракав, но довольно рано. С группой Придни верхами поехали Анатолий Косюшко и лесник из Гузерипля Борис Семудров. Им предстояло проверить пастушьи коши в тех местах. Ушли и ботаники с геологами, в приюте остались лишь больные. Лев Горчарук — ушибленная нога его кое-как подзажила — седлал лошадей, собираясь «бежать» в Гузерипль. Я хотел было попридержать его, но он убедил меня, что нужно ехать:

— Понимаешь, лучше сегодня выехать, вот сейчас, пока погода стоит. А если опять дождь, что я буду делать с больной ногой?..

— Ладно, поезжай. Получи — не забудь — дорожный паек...

Так и уехал Лев Горчарук, не успев как следует «адаптироваться» в экспедиции. Я искренне жалел о его вынужденном отъезде: с таким товарищем легко в самой трудной ситуации.

К вечеру в лагерь вернулись ботаники с геологами. Говорят, что видели с Оштена, как на Большом леднике Фишта бегали два человечка. Мы все предположили, что это наши «человечки» — Борис Тарчевский и Виталий Юзак. Погожим днем воспользовались — им же скоро спускаться. Надо бы встретиться...

Вспомнил: мы же договаривались встретиться у озера Псенодах — туда должен идти Тарчевский, спустившись с ледника. Но он же не знает, что мы зацепились за Фишт-приют! Нужно срочно предупредить... Как? Советуюсь с Эдуардом Подгурским, с Надеждой Диденко. Решаем выставить на тропе, у Красных скал, аншлаг: «Борису Тарчевскому. Не ходи на Псенодах, а ходи на Фишт-приют. Молчанов». Завтра, как только вернется Семудров, пошлю его на тропу...

Завтра... Что нас ждет завтра, какая будет погода? Вершина Фишта, еще освещенная заходящим солнцем, как-то подозрительно серебрится. Не снежок ли на нее вытряхнули шальные тучки, столпившиеся под вечер у Пшеха-Су? И не сыпанут ли эти тучки завтра снежок с дождем и на нас?

Однако небо чистое, даже вызвездило. Но к ночи становится прохладнее, промозглая сырость пробирает до костей. Туристы штормовок не снимают, жмутся к кострам. Возле нашего жаркого костра сгруппировались ленинградские школьники-восьмиклассники. Идут по 30-му турмаршруту через Белореченский и Черкесский перевалы — Солохаул — Дагомыс. Любопытно, что маршрут № 30 в той части, где он проходит по заповедной территории, то есть через Бабукаул, закрыт. А туристы вот идут. Говорят, упростили лесничего Северного лесничества, тот связался по радио с Западным лесничеством — решили пропустить. Из Ленинграда ведь, школьники. Это так называемые «неплановые» туристы, они кочуют по горам не под опекой Центрального совета по туризму, а «самостихийно». Поэтому и отношение к ним «неплановое» — им нет места под крышей приюта и в лучшем случае предоставляются палатки, для них и костер в последнюю очередь, за плановыми туристами. Да это и понять надо — ведь приют рассчитан лишь на плановых и он ведь не резиновый. А через Фишт-приют, например, за день проходит более сотни человек. Причем в непогоду здесь порою скапливаются несколько плановых групп — где же взять место для самостоятельных?

Вот и жмутся к нашему костру вымокшие, уставшие мальчишки и девчонки из Ленинграда, которые хотели пройти 30-й маршрут вприпрыжку, да задержались слегка. Ну что их винить, их надо хоть чаем пока горячим напоить.

И вот уже Мать-кормилица хлопчет у ведер с крутым дымящимся чаем, и вот уже наши юные гости греют озябшие руки о горячие кружки и постепенно оттаивают.

А ночь становится все холоднее и холоднее, исчезают куда-то звезды — видно, гасит их ветер, сорвавшийся то ли с Оштена, то ли с Фишта, и вот на приют наползает вязкий сырой туман...

Дождь начался часа в четыре — ударился в окна, засвистел, зашлепал по раскисшей земле. С рассветом

непогода усилилась, вместе с дождем посыпалась снежная крупа. Выползть из нагретого спальника никак не хотелось. Как там наши, что ушли на Псенодах, в тепле ли? А Боря Тарчевский с Юзваком? Ведь там, на леднике, сейчас настоящая зима, пожалуй.

К полудню вернулись Анатолий Косюшко и Борис Семудров. Вымокли до нитки. Привезли три ружья — отобрали у пастухов, у которых не было соответствующего разрешения на оружие. Быстренько переоделись в сухое, подсели к костру — обедать. Уплетая суп с тушенкой, рассказывали о своих приключениях.

...Все ниже и ниже опускается серое небо, все сильнее дождь, сменяющийся периодически снежной крупой. И все сильнее овладевает мной беспокойство: пора уж появляться группе Придня. Путь к приюту от Псенодаха неблизок, и если такая вот свистопляска будет до темпа...

Но откуда-то прибежал ветерок, поддул тучи снизу, и они поднялись выше Армянского перевала. Открылся и Оштенский перевал. Немного отлегло от сердца. Доберутся, поди, втроем не пропадут.

Но часам к пятнадцати на приют пришел один Михаил Придня. Уставший, мокрый, голодный. Молча подошел к костру, стал переобуваться.

— А где же Дубень с Щербаковым?..

— А что, их разве на приюте нет?

— Нет...

— Гм!.. Интересно... А я думал, что они уже здесь...

У меня как-то нехорошо екнуло сердце. Не хватало нам еще растерять людей... Стали разбираться, что к чему. Похоже, что они там разминутись: Придня решил еще раз — минут на двадцать! — сбегать к озеру, а когда вернулся, то не застал своих...

Хожу по приюту — не пахожу себе места. Не может быть, чтобы Дубень и Щербаков ушли, оставив товарища. Что-то тут не так.

Прибежал какой-то парень, зовет в радиорубку приюта. Иду торопясь, почти бегу. У радики — начальник приюта, радист и Придня. Слышу голос Дубеня: «...потерялся Придня. Мы его где только не искали — нигде!» Ничего не понимаю!

— То есть как потерялся?! — кричу в ответ. — Да он рядом со мной сидит!

Видимо, до Дубеня не сразу дошел смысл сказанно-

го мной, он с минуту помолчал, а затем что-то сказал — я не понял, что именно: в трубке сильно затрещало. Однако я не стал уточнять, что он там говорил, а приказал им идти на Фишт-приют.

— Успеете дотемна? — спросил, подумав, не оставить ли их на приюте у Цице до утра. Дубень ответил, что успеют.

Они пришли в 19 часов. В самом деле разминутись. Ждали, ждали Михаила на приюте, не дождались, пошли вроде бы навстречу ему, побоявшись, как бы он в тумане не вышел на другую тропу, и вот так получилось. Искали по кошам, спрашивали. В первом коше им сказали, что такой проходил, а во втором — что не видели. Тогда возвратились на приют, связались с нами по радио...

В общем, все окончилось благополучно. Но урок был хороший: нельзя, ни в коем случае нельзя в горах, даже насыщенных более-менее людьми, уходить одному, отпускать одного. Одному очень недалеко до беды в горах.

Поужинав и отдохнув, Дубень и Щербаков рассказали, какой бедлам на пастушьих кошках в верховьях Цице, вокруг озера Псенодах.

— Скота там очень много, — возмущался Дубень. — И овцы, и крупный скот. И никакого санитарного, никакого ветеринарного надзора! Грязь, падаль валяется...

— Ну так уж и падаль? — засомневался кто-то.

— Точно, — шевельнул усами Щербаков. — Видимо, павшего бычка закопали кое-как, а медведь разрыл...

— Псенодах загадили... Эх! — Александр с досадой махнул рукой.

— А каковы твои впечатления, Михаил Васильевич?..

— Самые что ни на есть тяжелые. — Придня снял очки, протер их, немного помолчал. — Уничтожается лес. Уникальные сосново-пихтовые популяции. Рубят лес по его верхней границе. Надо со всей жесткостью ставить вопрос о возвращении этого района в заповедник...

...Бесновавшийся всю ночь ветер к утру малость стих. Сквозь клубящиеся рваные тучи прорывается синь неба. Дождя сверху нет, по травы пропитаны водою — два шага по тропе, и можешь выжимать штаны. В общем, экспедицию надо сворачивать: слухи о хорошей погоде оказались ложными. Можно было бы и сегодня выжить коней, да Тарчевский задерживается. Послал Семудрова

установить аншлаг. Все, у кого есть бинокли, обшаривают ими Фишт — не спускаются ли Тарчевский с Юзваком. А меня все больше и больше тревожит их задержка. Весь Фишт в свежем снеге, видно, на леднике лихая стихия поизмывалась над людьми...

В ту ночь, в ночь перед спуском с Фишта, Борис Тарчевский и Виталий Юзвак дома не почевали: их палатку подтопило. Пришлось проситься «на квартиру» к ефремовцам. Тесновато было, но зато в тепле. Относительно, правда: за брезентовой стеной палатки бушевала настоящая метель. Среди ночи Борис проснулся от ощущения, что его ноги оледенели. И в самом деле, в щель набило снега, он растаял, и спальник в ногах промок насквозь. Не в силах унять дробный перестук зубов, разбудил Юзвака:

— Тебе не холодно?

— Н-нет...

— А я вконец замерз. Знаешь, я еще одну такую ночь не выдержу... Утром побежим вниз.

— С вами спустятся Николай и Павел, — сказал тоже проснувшийся Саша Васильев. — Им надо замеры на Малом леднике сделать... А сейчас укладывайтесь да поспим давайте еще малость — до утра далеко.

Кое-как уюстились снова, вроде бы согрелись даже, но сон уже не пришел. Так в полудреме и скоротали время до рассвета. А к рассвету ветер ослаб, метель прекратилась, и ребята наши быстренько сложились, попрощались с оставшимися на леднике Александром и Андреем и вчетвером спешно двинулись вниз. Первые часы шли в густом тумане, ориентируясь по ближайшим скалам, чуть ли не на ощупь. А затем туман стал редеть и у Красных скал растаял вовсе. И сразу же над всем миром, казалось, распахнулось ослепительно голубое небо, и под ноги упали до боли в глазах яркие лучи солнца. Стало даже жарко.

— Ух ты, черт возьми, Виталька! Смотри, какая красотища вокруг, а? — Тарчевский подбадривал не столько заметно уставшего парня, сколько себя: тяжеленный рюкзак с безжалостной силой давил на плечи, на хребет, пригиная к скользким острым камням. Спасибо еще гляциологам — помогают часть снаряжения нести. А то бы...

Виталий слабо улыбнулся, поняв своего старшего

товарища, — ничего, мол, дойдем! С горы — не в гору...

Перед стенками чуть передохнули, соображая, как способнее преодолеть их — мокро ведь, скользко.

Первую — верхнюю — взяли без особых трудностей, а на второй пришлось туговато: с нее водопадом низвергались потоки воды.

И вот тут-то мы заметили их в свои бинокли.

— Идут! — крикнул я Семудрову. — Скачи навстречу, Боря!

Семудрову не нужно было повторять приказ дважды. Заседланный конь был все время под рукой, и, как только поступила команда, Борис взлетел в седло и помчался к Красным скалам — только огненно-рыжий чуб по ветру взвился. А следом за всадником заторопились и мы с Щербаковым.

«Зимовщиков» наших мы встретили на снежнике, ниже Красных скал. Они уже шли налегке — Семудров умудрился завьючить все их рюкзаки. Боже, какие у них были лица — кирпично-красные какие-то.

— Да вы не обморозились ли, Борис Александрович?

— Нет, — Борис улыбается потрескавшимися губами и морщится от боли, на губах выступает кровь. — Нет, мы просто сильно обветрились.

— Ну и морозцем малость прихватило, — добавляет Виталий. — Но мы не сдались!

— Ай да молодцы, «зимовщики»! — Виктор Щербаков в восторге. — Ну просто слов нет, какие молодцы!.. Ничего, Мать-кормилица вас подлечит, откормит, видите, какие мы сытые? Это от хорошего харча. И еще от безделья...

На приюте «зимовщиков» затискали — рады были все, что хлопцы благополучно управились со своей задачей. Разговоров было — за полночь.

А утром, часов в шесть, на плацу приюта заржали лошади — Андрей Кесьян сдержал слово.

Быстренько завтракаем разогретым, с вечера сваренным кулешом и выючим коней. Большой караван получился — только под вьюками девять лошадей да верховых — под Надеждой Диденко да под лесниками — им впереди идти и замыкать караван. Все остальные идут пешком налегке.

Погода ну куда не годится! Под ногами слякотно, вокруг все в промозглом, каком-то сером тумане. Хоть бы никто не отстал...

Я и Дубень идем сзади. Присматриваемся, прислушиваемся. Караван ушел далеко вперед — голосов не слышно, туман поглощает все звуки.

— Пожалуй, мы действительно самые последние, — говорит Александр. — Давай прибавим шагу, а то нас станут искать...

Мы прибавляем шагу и вскоре догоняем Эдуарда Подгурского. Майор идет с сильным креном налево. И ногу тянет.

— Что такое, Эдуард Викторович? Подвернул ногу? Ушиб? — Александр присаживается возле Подгурского на корточки, уже готовый заняться костоправством. Подгурский стоит, прислонившись к камню, и морщится.

— Нет... Это у меня старая болячка разыгралась...

— Сейчас мы ее подлечим, — пробормотал Дубень, роясь в нагрудном кармане. — На вот, съешь! — и он протянул Подгурскому раскрытую ладонь. На ней лежали три небольшие сухие ягоды.

— Что это? — Подгурский недоверчиво покосился на ягоды.

Дубень рассмеялся:

— Да ты разжуй, не бойся!.. Лимонник это. Враз твоя болячка заживет. Будешь впереди каравана бодро топтать.

— Ну уж...

Дубень правду сказал — наш Эдуард Викторович с Черкесского перевала шел впереди каравана.

И что за сила такая в этой древесной лиане — представительнице флоры Дальнего Востока! Рассказывают, тамошние охотники берут с собой ягоды лимонника вместо провизии. Из ягод же (а также из коры и корней) лимонника делают великолепную тонизирующую настойку. Семена лимонника содержат большое количество эфирных масел, и от этого у них какой-то особенный, жгучий привкус и неповторимый аромат. Семена, кстати, тоже обладают тонизирующим свойством. Специалисты говорят, что все дело в особом веществе — схизандрине, которое содержится в лимоннике.

Александру Дубеню лимонник присылают друзья, работающие на Сахалине. Присылают изредка, о чем он весьма сожалеет. А между прочим, лимонник китайский (это официальное прозвище лианы) мог бы расти и на Черноморском побережье, в культуре, и применяться как

лекарственное средство в санаториях. Ведь он, кстати сказать, давно введен в культуру и хорошо переносит даже суровые для него климатические условия средней полосы европейской части Союза.

Это хорошо, что у Александра оказался в запасе лимонник. Когда Надежде Диденко стало совсем плохо, Дубень достал свои чудодейственные ягоды. Надежда пожевала их и пошла снова. Так и прошла она весь путь от Черкесского перевала до Бабукаула пешком...

Надо сказать, что не лимонник один ей силу придал. У этой маленькой хрупкой женщины оказался на редкость мужественный характер. Многим мужчинам я бы в пример поставил ее мужество и силу воли...

Перейдя Черкесский перевал, мы вошли в заповедник. Здесь его граница проходит по верхней границе леса и по Главному водораздельному хребту (на нем как раз и лежит Черкесский перевал) до горы Аутль.

Тропа — широкая и натопанная, как арбная дорога, — нырнула с перевала в буковое криволесье. Буковое — это оно только так называется. А вообще-то в этом кривом лесу, кроме прижатого к земле снегами бука восточного, и клен высокогорный, и рябина (еще цветущая, кстати), в подлеске же кусты черники кавказской, желтого рододендрона — азалии и прочие представители растительности верхней границы леса.

Вскоре криволесье кончилось, как-то незаметно перейдя в пихтарник. Хотя какой здесь пихтарник — разве можно сравнить пихтовый лес на южном склоне за Черкесским перевалом с пихтовыми лесами, скажем, под Алоусом или даже под Чугушом, где встречаются пихты такой высоты, что шапка с головы валится, когда смотришь на их вершины, — до 60 метров! У таких великанов и толщина ствола под стать их высоте — до 2 метров. Это патриархи — им по полтысячи лет.

Вообще-то заповедные леса — это в основном (почти на две трети) леса пихтовые. Пихта кавказская господствует на всех без исключения склонах Северо-Западного Кавказа в пределах 1000—1200 и 1800—1900 метров над уровнем моря. С высоты примерно 1700 метров пихтарники постепенно меняют свой могучий облик, деревья становятся пониже, а древостой пониже — все больше появляется полян, занятых высокотравьем, в составе древостой все чаще встречаются то купы высокогорного клена, то рябины. Сказывается короткий

вегетационный период, морозные ветры, обильные снега.

Но в самом что ни на есть пихтовом лесу — как в сказке. Здесь всегда стоит какая-то особая торжественная тишина. И полумрак — солнечный луч с трудом проникает густые темно-зеленые кроны. Даже горные ливни не могут пробить кроны гигантских пихт, особенно тех, что растут посвободнее. Такие пихты называют «непроливыми» — под ними всегда сухо и можно спокойно отдыхать, пережидая непогоду.

В пихтовом лесу можно встретить заросли вечнозеленого понтийского рододендрона, цветущего по весне крупными лиловыми цветами, и кусты вечнозеленого падуба — его листья словно вырезаны из жести, окрашенной густо-зеленым и отлакированной, и по краям их припаяны острые колючки. Падуб очень эффектно смотрится, когда созревают его ярко-красные ягодки.

Великолепны здесь плющи — колхидский и обыкновенный. Они, бывает, настолько буйно разрастаются, что совершенно закрывают своей листвой дерево-хозяина, забираясь на самую вершину.

А вот — слышите аромат? — лавровишня пристроилась у ручейка. Также представитель колхидской флоры. А вот этот сильный, буквально одуряющий запах издаёт понтийская азалия. Любителям цветов с сильным запахом сразу скажу: держитесь от азалии подальше, не делайте из нее букетов и тем более не ставьте их в помещении, где спите.

В травянистом покрове пихтовых лесов мирно уживаются северные виды — кисличка, грушанка и другие с типичными видами третичного периода, обычными для южных широколиственных лесов, — ясенником пахучим, подлесником, камнеломкой круглолистной, зубяной и другими. А рядом представители древней колхидской флоры — лютик крупный, морозник кавказский, сердечник, в тенистых ложбинах — непролазные заросли ожины цепкой, папоротников и гигантского «лопуха» — подбеда, листья которого достигают в диаметре 70 сантиметров и более. Вообще кавказские пихтарники поражают необычными сочетаниями северных видов растений с представителями древней колхидской флоры и южных широколиственных лесов. Это их особенность. И особенность эта ярко выражена в пихтовых и пихтово-буковых лесах долины реки Белой и ее притока Березовой на протяжении почти 30 километров от Чугуша до Фишта, что

обусловлено весьма заметным понижением Главного водораздела — местами ниже полутора тысяч метров. Вот это «протяжение» и есть знаменитые «колхидские водораздела».

...А тропа все бежит и бежит по лесу — просторная, спокойная, утоптанная тысячами и тысячами туристов и скотом, что прогоняют по ней через территорию заповедника пастухи, спешащие на подфиштинские горные луга. Постепенно пихтарник перешел в буковый лес, а тропа после поляны Стадника круто нырнула вниз. Потерлась о подножие так называемых Прошкиных камней и стала еще круче. Начался «веселый спуск» — около 7 километров в каком-то совершенно глухом лесу катиться вниз, хватаясь порою за стволы деревьев, и смотришь только под ноги. А ведь надо бы остановиться на какое-то время, передохнуть да оглядеться вокруг — буковый лес тоже имеет свою прелесть. Толстенные, подобные колоннам, светлокорые стволы свечами упираются в небо, неся свои ажурные густые кроны где-то под самыми, кажется, тучами. Из-за этих-то густых крон и оглушающая тишина в буковом лесу, и почти полное отсутствие зеленого подлеска.

Зато осенью буковые леса оживляются — гул стоит. Особенно по ночам. Правда, лишь когда хороший урожай буковых орешков — чинариков. Ночью под буками похрюкивают дикие свиньи, шелестят сухим листом олени и косули, прыгают с ветки на ветку сови-полчки, громко фыркает и чавкает медведь — идет великий жор. Все запасаются на зиму. Косолапый, так тот на буковой жировке просто ложится брюхом на землю и ползает, подбирая чинарики.

Но не только зверье во время сбора урожая чинариков устремляется в буковые чащи. Сюда торопится и один из ветеранов Кавказского заповедника Иван Ипполитович Хуторцов — старший научный сотрудник, кандидат сельскохозяйственных наук. Правда, стремится он не только буковые орешки собирать — его интересует и урожай каштанов, желудей, шишек и вообще плодоношение лиственных и хвойных растений. Он исследует качественное состояние плодов и семян, их биохимический состав, и то, как поедаются эти плоды и семена животными и какие — какими; он старается определить, сколько плодов и семян перезимовало и сколько из перезимовавших дало новую жизнь. Работа эта очень хлопот-

ная, достаточно трудная и весьма длительная. Но зато мы уже умеем прогнозировать качество и количество кормов для лесных обитателей, можем дать лесным хозяйствам рекомендации по созданию постоянных или временных плодосеменных участков. И. И. Хуторцов считает, что на урожай желудей благотворно влияет сосна, и рекомендует выращивать дуб вместе с сосной: в горных условиях, где погода крайне непостоянна, сосна прикрывает дуб от неблагоприятного воздействия непогоды, особенно во время массового цветения дубняка.

...Передохнув на поляне Холодный родник и подзакусив слегка, снова бежим вниз. Караван наш ушел далеко вперед, наверно, уже в Бабукауле. Ничего, мы тоже скоро там будем. Вот только бы дождь нас не застал...

Так же незаметно, как и выше, лес меняет свое обличье. И вот уже тропа вьется по дубяку, по каштаннику, а там уже, глядишь, и фруктовые пошли — груша, черешня. Показались домишки, частокол — это Бабукаул. Здесь кордон Западного лесничества, отсюда совсем недалеко до ночлега — туристского приюта Бабук. Бывшего приюта — сейчас здесь туристов нет: маршрут ведь закрыт.

Дождь все-таки сорвался. По сильно покосившемуся мосту через желтую, свирепую до пены на берегах Шахе бежим уже под настоящим ливнем. Дорога повторяет все меандры взбесившейся реки. Но вот слева, на круче, виднеются строения — это приют.

Приют оказывается не совсем пустым — в одном из домов разместились спелеологи, собравшиеся штурмовать Парящую Птицу. Однако их немного, а приют большой. Здесь настоящие двухэтажные дома, весьма удобные кстрища (настолько удобные, что слово «кстрище» к ним не подходит), капитальные столовые, когда-то была здесь баня, а в баре до сих пор посуда хранится. В общем, приют достаточно фешенебельный. И симпатичное местечко вокруг.

Мы расположились не просто хорошо — шикарно. К вечеру поспел ужин с фирменным блюдом.

И, подобревшие, отдохнувшие, пригревшиеся у костра, наши «философы» завели разговор о заповедниках, об охране природы, о туризме и вообще на тему «Мы не можем ждать милости от природы, превратив ее в окружающую среду».

Спор затеял Александр Дубень, ему не понравились наши соседи. Собственно, не они сами — как раз спелеологи были толковые парни, а то, что они свободно прошли через заповедник.

— ...Всех посторонних надо гнать из заповедника! — Он был чрезвычайно категоричен. — Ведь это же заповедник, а не лесопарк для прогулок. И чем меньше людей на его территории бывает, тем лучше для животных и вообще для природы.

— Саша, по пальцу же на каждого человека смотреть как на врага природы, — возражал Борис Тарчевский. — Конечно, заповедники необходимы, никто с этим не спорит. Но ведь они, в конечном счете, создаются ради людей, для блага человека. Да не будь на Земле человека — была бы нужда в заповедниках?

— Во! Правильно ты говоришь, — рассмеялся Дубень. — Не будь на Земле человека — не от кого было бы природе хорониться, некого было бы остерегаться...

— Не лови на слове — я ведь не о том... Да, мы заповедуем огромные территории планеты ради того, чтобы оградить природу от все усиливающегося антропогенного давления на нее, чтобы сохранить ее в девственном состоянии. Но это ж не значит, что то, что заповедано на этих территориях, нужно вообще скрыть от глаз, от чувств человеческих?

— А кто говорит, что заповеданное значит скрытое от глаз и чувств человеческих? Ведь заповедник — это не только охраняемая территория, не только генетический фонд планеты. Это прежде всего научно-исследовательское учреждение. Огромная природная лаборатория, если хочешь. А в лаборатории посторонним делать нечего.

— Но ведь людям надо как-то общаться с природой! Изолировать человека от природы невозможно. Да и нельзя этого делать!

— Ради бога!.. Но ведь не в заповеднике же общаться ему с природой! Когда люди «общаются» с деньгами, они же не в банке это делают...

— Но почему? Ведь если наладить дело как следует, никакого вреда от посещений заповедников хорошо организованными туристами не будет, — вмешался в спор Виктор Щербаков.

— Да как вы не поймете, — горячился Дубень, — как не поймете, что заповедник — это территория, режим ко-

торой исключает всякое,— Александр подчеркнул это слово,— посещение кем бы то ни было, не связанное непосредственно с изучением, с исследованием естественного состояния природы, ее объектов! — Дубень встал, прошелся, продолжая мысль на ходу:— Нечего делать на заповедной территории людям, пришедшим сюда лишь для того, чтобы полюбоваться красивыми ландшафтами. Я еще раз говорю: заповедник — это лаборатория, и здесь могут быть только исследователи!

Конечно, Александр прав был. Это все понимали.

Спор затих. Борис молча шуровал палкой в костре, вздымая искры,— думал. Виктор потянулся к ближайшей головешке, выколулнул из-под нее мерцающий алым уголек, прикурил. Александр было тоже потянулся за сигаретой, да я погрозил ему пальцем, и он отдернул руку.

Мы еще долго сидели у костра, рассуждая так и этак, споря и соглашаясь, и, наверно, со стороны смешно было смотреть на нас — словно мы и в самом деле призваны были поставить наконец-то все точки над «и» в этом очень не простом вопросе — что надо заповедать по всей строгости, а что «с поблажкой», как выразился Дубень. Мы ведь уже стоим перед фактом, что сегодня надо охранять и бережно расходовать то, что еще вчера считалось неисчерпаемым,— это чистая питьевая вода, это чистый, не отравленный угаром воздух...

Утром выяснилось, что дорога во многих местах размыта и что вездеход по этой причине будет ждать нас на левом берегу Бзыча. Предстоял новый марш-бросок.

Мы выдержали это последнее испытание и засветло вышли к бурному потоку, на той стороне которого за жидким подвесным мостком, что раскачивался, словно маятник, от каждого шага, нас ожидал заповедниковский вездеход, именуемый почему-то «фантомасом», а на этой стороне лесничий Западного лесничества угощал всех молоком, свежим хлебом и фруктами.

Погрузились мы быстро. попрощались с Борисом Семудровым и Нориком Пеглевопяном, которые сопровождали караван всю дорогу и теперь должны были отогнать лошадей на перевал, и поехали домой. Экспедиция закончилась.

По асфальту даже вездеходы катят с удовольствием — от Солохаула до Дагомыса мы доехали незаметно быстро. И, въехав в сияющий вечерними огнями Дагомыс, решили отметить это общей песней. Раскрыли по-

шире рты, вдохнули воздух — и закашлялись. Все. До слез.

А это был обыкновенный, повседневный (скажем так) городской воздух. Воздух городской улицы. Воздух автомобильной трассы. Воздух курортного поселка на берегу Черного моря. Мы просто отвыкли от него там, в горах.

Невольно подумалось: что случилось бы с нашим курортом, пронзенным на протяжении почти полтора километра транзитной автомагистралью, если бы не горы, покрытые мощной лесной шубой? Уточню: если бы не заповедные горы, куда навсегда закрыта дорога топором и пиле. Сумел бы он, курорт, сохранить свою климатическую и бальнеологическую ценность? Вряд ли. Курорт потому и есть, что лесистые горы, прикрывающие его с севера, заповедны. Ведь вековые пихтовые да буковые леса, дикие, не затоптанные еще «любителями» природы урочища заповедника — это чистый, целебный воздух, это вкуснейшая пресная вода, это особый богатый климат, это, наконец, знаменитая Мацеста и другие целебные воды курорта.

Таким образом, получается, что интересы курорта защищает заповедник — не зря же ему дан статус биосферного...

* * *

Вот и закончено повествование о Кавказском государственном биосферном заповеднике...

Не знаю, удалось ли оно так, как загадывалось, не могу судить. Но мне очень хочется, чтобы и ты, мой читатель, тоже полюбил этот небольшой по сравнению с Большим Кавказом уголок нашей родной земли и внимательнее, с большей заботой стал относиться к окружающей тебя природе. Я хочу, чтобы и ты проникся чувством глубокого уважения к людям, что живут и работают далеко в горах, изучают эти горы и сохраняют их в девственной красоте для нас с тобой и для грядущих поколений человечества. И еще я хочу, чтобы ты, выйдя в своей жизни на какой-то ранее намеченный рубеж, не останавливался на нем, а спросил себя: а что же дальше? Что там, за теми горами?